

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 6 / 2018

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию

статей не взимается.

Теоретические аспекты в истории права

<i>Исаев И.А.</i> Правовая модель для истории (Джамбаттиста Вико).....	3
<i>Беляева О.М.</i> Трактовка юридических конструкций «государство» и «право» в трудах Г. Еллинека.....	10
<i>Малахов В.П.</i> Методологии теории государства и права. Герменевтическая методология.....	16
<i>Коновалова О.В.</i> Государственно-правовые аспекты модели общественного переустройства России Виктора Чернова.....	22
<i>Сергеев А.В.</i> Богословско-правовой аспект классификации государственных режимов древнеславянских государств.....	28
<i>Краснов Э.В.</i> Принципы правового государства в статике и динамике.....	33
<i>Ткаченко С.В.</i> Аккультурация или рецепция: возможность пересечения содержания понятий в пространстве теории права.....	38
<i>Котковский Л.Э.</i> Негативное поведение как основание юридической ответственности: историко-теоретический аспект.....	43

Администрирование и надзор: исторические очерки

<i>Караваяева Ю.С.</i> Статусно-ролевое положение преступника и потерпевшего как критерий дифференциации уголовной ответственности по законодательству Древней Руси.....	48
<i>Степанов М.М., Маручек А.А.</i> Милицейское дознание в России в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.).....	53
<i>Шкаревский Д.Н.</i> Репрессии на советском транспорте во второй половине 1930-х гг.....	57
<i>Войтенков Е.А.</i> Современные тенденции и исторический опыт в сфере безопасности дорожного движения: организационно-правовые и социально-экономические аспекты.....	64
<i>Яценко Т.С.</i> Эволюция гражданско-правовой охраны публичных интересов.....	67
<i>Бажанов А.А.</i> Утверждение принципа соразмерности в административном праве Германии (XIX — начало XX в.).....	71
<i>Шатилов С.П., Шатилова О.А.</i> Деятельность прокуратуры Алтайского края по надзору за органами дознания и предварительного следствия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).....	77

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 6,25. Усл. печ. л. 6,25.

Номер подписан в печать 24.05.2018.

Номер вышел в свет 27.26.2018.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 6 / 2018

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. PI No. FC77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences, professor;
Migushenko O.N., doctor of juridical sciences, assistant professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the RF;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Theoretical aspects in the history of law

<i>Isaev I.A.</i> Legal Model for History (Giambattista Vico).....	3
<i>Belyaeva O.M.</i> Interpretation of the Statutory Concept of State and Law in Works by G. Jellinek.....	10
<i>Malakhov V.P.</i> Methods of Theory of State and Law. Hermeneutic Methods.....	16
<i>Konovalova O.V.</i> State and Legal Aspects of the Model of Social Rearrangement by Victor Chernov.....	22
<i>Seregin A.V.</i> Theological and Legal Aspect of Classification of State Regimes of the Ancient Slavic States.....	28
<i>Krasnov E.V.</i> Static and Dynamic Principles of a Law-Governed State.....	33
<i>Tkachenko S.V.</i> Acculturation or Reception: Possible Overlapping of the Content of Notions within the Theory of Law ...	38
<i>Kotkovskiy L.E.</i> Negative Behavior as a Basis for Legal Responsibility: Historical and Theoretical Aspect.....	43

Administration and surveillance: historical sketches

<i>Karavaeva Yu.S.</i> Status and Role Position of an Offender and an Aggrieved Person as a Criterion of Differentiation of Criminal Liability in the Ancient Rus Laws.....	48
<i>Stepanov M.M., Maruchek A.A.</i> Police Investigation in Russia in the Years of the Civil War (1918 to 1920).....	53
<i>Shkarevsky D.N.</i> Repressions at the Soviet Transport in the Second Half of 1930s.....	57
<i>Voytenkov E.A.</i> Modern Trends and Historic Experience in the Area of Road Traffic Safety: Organizational and Legal and Socioeconomic Aspects.....	64
<i>Yatsenko T.S.</i> Evolution of the Civil Legal Protection of Public Interests.....	67
<i>Bazhanov A.A.</i> Approval of the Proportionality Principle in the Administrative Law of Germany (the XIX to the beginning of the XX century).....	71
<i>Shatilov S.P., Shatilova O.A.</i> Activity of the Prosecutor's Office of the Altai Territory on Surveillance of Bodies of Inquiry and Preliminary Investigation in the Years of the Great Patriotic War (1941 to 1945).....	77

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 6,25.

Conventional printed sheet 6,25.

Passed for printing 24.05.2018.

Issue was published 27.06.2018.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

DOI:10.18572/1812-3805-2018-6-3-9

Правовая модель для истории (Джамбаттиста Вико)

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igr@yandex.ru*

В статье освещается важный аспект историко-правовой науки — ее теоретико-правовые основания и базовые теоретические модели, выработанные одним из великих мыслителей Нового времени Джамбаттистой Вико. За образец для всех европейских форм государственного устройства, которые рождались в Европе на протяжении столетий, брался исторический опыт Рима, его имперская и республиканская формы. В этом плане заимствования и повторяемость в истории права представляются нормальным явлением, хотя специфика и особенность государственной формы способны радикально изменить основное направление такого развития. Исследования Вико актуальны до нашего времени.

Ключевые слова: государственная форма, суверенитет, правовая система, норма, авторитет, легальность, легитимность, законность, справедливость, демократия, диктатура, аристократия, олигархия, правовой порядок.

Legal Model for History (Giambattista Vico)

*Isaev Igor A.
Head of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Honored Scientist of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

The article offer insight into the important aspect of the historical and legal science: its theoretical legal basis and basic theoretical models developed by one of the great thinkers of the Modern Times Giambattista Vico. The historical experience of Rome, its imperial and republican form has been used as a master for all European forms of state structures, which were emerging in Europe for centuries. In this perspective, assimilation and recurrence in the history of law are a normal phenomenon, though specific features and characteristics of the state structure can radically change the main direction of such development. Vico's research works are relevant even at present.

Keywords: state structure, sovereignty, legal system, norm, authority, legality, legitimacy, legalness, justice, democracy, dictatorship, aristocracy, oligarchy, legal norms.

В истории государства возврат политических форм в исходное состояние (если можно говорить об их развитии, а не о простой смене) не редкость. Наполненные новым содержанием эти формы способны чередоваться и повторяться по своим собственным законам. Идея повторяемости или цикличности исторического процесса неизбежно возвращает нас в сферу мифического. И уже здесь новорожденный политический миф, в свою очередь, предлагает некую матрицу, по которой выстраиваются все повторяющиеся во времени политические формы. В мифологической интерпретации «монархия» и «республика» остаются только некими иде-

альными типами, историческую устойчивость которых никак не смущает реальное многообразие наличных конкретных модификаций. Демократическая, конституционная монархия соседствует тогда с авторитарной республикой, при этом и та и другая сохраняют свою внутреннюю, подчас и невидимую, сущность. Тип здесь корректируется внешними и дополнительными формами, такими как «режим», «форма правления» или «конституционное устройство», заметно не затрагивающими, однако, глубинного существа фундаментального взаимоотношения. Смена одного типа власти другим происходит на фоне процессов «историческо-

го основания и развертывания» (О. Шпанн), где «основание» является первичным и определяющим весь ход дальнейших формообразующих процессов с их креативностью и деструктивностью. «Начало» же определяет все последующее развитие и в перспективе итог. Но суть вещей, предупреждал Жозеф де Местр, не следует смешивать с их видоизменениями: первая неизменна и всегда как бы возникает вновь; вторые изменяются и тем самым разнообразят политическую картину, однако «опытный глаз легко проникает сквозь изменчивые покровы, в которые облачается вечная природа в зависимости от времени и мест».

Политика, сила и креативная энергия государства были для Джамбаттисты Вико моментом настоящей социальной жизни человеческого духа и моментом ощутимой определенности; и уже за ними в своем вечном диалектическом развитии следовал некий момент истины, раскрытых оснований, справедливости и этичности. Ведь без страсти, без силы, без власти человечество не рождается: только потом из грубых форм власти возникают так называемые цивилизные общества. Но варварство время от времени все же возвращается. И если Макиавелли в таких ситуациях говорил об искусстве управлять, то Вико подчеркивал именно действенность божественной силы: жестокость и коварство Макиавелли считал неизбежными в политике, а Вико видел и объяснял их как часть человеческой драмы, двойной аспект реального блага и видимого зла — «видимость неадекватна в свете более высокого блага, рождающегося из прорвавшейся оболочки старого»¹.

«Прегрешение разума по отношению к предмету, от которого ему следовало бы вечно держаться в отдалении, это сознательное или бессознательное иезуитство, которое только соблюдает незначащие формы, потому что они ему не мешают, а действительные метафизические преграды, которые противопоставляет ему религия, приемами жалкой софистики удаляет со своего пути, это — смешение сувереня и выказывающей себя в религиозных вопросах хитрости юридического искусства — вот отталкивающая темная сторона римского характера»².

Неаполитанец профессор риторики Джамбаттиста Вико, теперь почти забытый исто-

риками права и политики, свои оригинальные и поэтические идеи развивал в терминах интеллектуального течения, сформировавшегося как раз на грани XVII и XVIII вв.: «камерализм» не принимал государство просто как данность, его политические рекомендации правителю исходили из того допущения, что государство вполне поддается рациональному техническому планированию и преобразованию действительности с главной целью — укрепления власти государства. Исходным же пунктом концепции было не абстрактное «общее благо», а статус и положение правителя в политическом пространстве. Персона государя поэтому становилась естественным основанием самой политики, — применяясь к обстоятельствам, он должен был прежде всего преобразовывать и расширять свое государство. Политика рассматривалась в качестве только технической задачи, где важны были не столько правильные и добродетельные поступки людей, сколько целесообразное выстраивание надежного государственного аппарата. «Искусство строительства и сохранения государства, подобно арифметике и геометрии, основано на определенных правилах, а не только на практике» (Гоббс). Поскольку человек все основания справедливости — законы и договоры — при учреждении государства создает сам, то априори могут быть продемонстрированы также политика и этика, т.е. наука о правом и неправом, справедливом и несправедливом, что в конечном счете и определяется целью устройства и поддержания публичной власти. При этом, конечно же, следует учитывать «дурную природу» самого человека — на это указывали и Макиавелли, и Дэвид Юм.

Вико был убежден в том, что в истории человек имеет дело прежде всего с самим собой и своими творениями. Великие исторические действительности — общество и государство изначально определяют собой всякое переживание исторической реальности. Поэтому предрассудки, позже столь энергично защищаемые романтизмом от рационализма Просвещения, в гораздо большей степени, чем суждения, составляют историческую действительность. Авторитет и традиция защищают и легитимируют их: романтизм воспримет идущую от Вико уверенность в том, что превосходство античной этики над моральной философией Нового времени заключалось в том, что она, созная «незаменимость традиций, обосновывала переход

¹ См.: Кроче Б. Макиавелли и Вико // Антология сочинений по философии. СПб., 1999. С. 130.

² Иеринг Р. Дух римского права // Избранные труды. СПб., 2006. Т. II. С. 307.

этики в политику, в искусство правильно-го законодательства»³. По сравнению с этим Просвещение оставалось абстрактным и революционным. И если романтики уже ощутили влияние революции на процесс исторического развертывания политических форм, то Вико еще только предвидел это.

Гаман, Гердер и Вико были уверены в том, что слова и идеи суть одно и то же: мыслить — значит использовать символы. Вслед за Вико и Гердер подчеркивал тождество мысли и действия, языка и деятельности: «Все первобытные народы поют и действуют, они поют о том, что они делают, и, таким образом, поют историю». В них каждый изображает себя и предстает таким, какой он есть. Естественное развитие здесь не статичная «истинная» природа, законы которой трансформируются в произвольные человеческие законы, а самопроизвольное естественное развитие. Но «централизация и «дирижизм» — это враги, даже некоторая степень бездействия предпочтительнее, чем государственные дела, в которых человек должен прозябать и деградировать всю свою жизнь» (Гердер)⁴.

От Макиавелли через Гоббса конструктивистская идея политики достигает эпохи Просвещения с ее проектом «справедливой республики» и господством разума. Но для Вико разум не казался всепобеждающим политическим средством: противоречивая человеческая природа, как оказалось, в не меньшей степени подвержена воздействию темных иррациональных сил и страстей. Поэтому не линейный прогресс, а цикличность и спонтанность в основном и определяют движение истории. На примере Древнего Рима итальянский мыслитель демонстрирует спорадические спазмы и напряжения этого гигантского политического организма, перемещения и замену в нем разных политических форм. Возврат к прежним формам и поиск новых обуславливают все исторические циклы, свойственные как отдельным нациям, так и всему человеческому роду. Когда-то выйдя из варварства и пройдя через цивилизацию, нация, вполне вероятно, может оказаться в состоянии нового варварства. И что характерно, закономерности этих трансформаций познаются и создаются самими народами, их собственными усилиями и предпочтениями.

³ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 334.

⁴ Берлин И. Подлинная цель познания. М., 2002. С. 457.

Мобилизация — вот универсальная противоположность распаду в критической ситуации, даже когда мы имеем перед собой уже зрелое и сложное политическое образование, целостность которого оказывается под угрозой. Но мобилизация может являться также и первичным исходным актом формирования какого-то нового перехода, рождающегося либо из недр «старого порядка», либо из хаоса как такового. Собираение воедино всех жизненных ресурсов и сил аморфной или деградирующей общности может осуществляться различными способами, однако определенная закономерность остается для данной деятельности характерной. В ситуации эпохи перестройки именно идея права оказывается весьма точным индикатором происходящих процессов, указывающим на их мобилизационные цели и предполагаемые последствия.

В исторической ретроспективе самые мощные и эффективные проявления власти представляются чаще всего как разрушительные. Вся политическая история являет тогда собой как бы непрерывную войну, очень похожую и на гераклитову перманентную борьбу и гоббсовскую войну всех против всех: по словам Гиббона, «власть королей наиболее эффективна в разрушении». Однако все известные политические успехи римлян основывались прежде всего на их духовном и нравственном превосходстве — «любовь к Родине была основной чертой древнеримского бытия». И то, что именно этот принцип привел позже к постепенному доминирующему расширению государства и его гегемонии, свидетельствовало не о жажде завоеваний, — это стало результатом стесненного положения народа. «Даже самые миролюбивые нации... должны непрерывно наращивать свой уровень вооружения: Риму недостаточно было защищаться, если он хотел пребывать в покое, нужно было распространять мирную деятельность по организации и управлению на другие страны, и римляне действовали в соответствии с почти безошибочным инстинктом»⁵.

Гердер же отметил в римском государственном строе некий первоначальный раскол, который со временем привел эту государственность к распаду: само это государство было устроено «с нечеткими или неправильно проведенными линиями разграничения между сенатом, всадниками и

⁵ Чемберлен Х.С. Основания XIX столетия. СПб., 2012. Т. I. С. 278–279.

гражданами». Такой строй был порожден примитивными обстоятельствами и никогда не был усовершенствован в согласии с интересами целого, лишь меняясь в ту или другую сторону под влиянием страстей и предубеждений. Рим был городским, а не всемирным строем. Не самодержец, фигура преходящая, а сенат, вечный орган, сохранял в себе губительные для судеб мира принципы — стремление к завоеванию народов и мира, что никак не способствовало установлению равновесия в мире. Экспансия становилась безостановочной, как и политическая сопряженность. Да и сам город стал скопищем пришельцев — «самой чудовищной головой на свете»⁶.

Исходной формой государства по Вико была монархическая форма. Поэтому «вечный царский закон» уже в Риме из союзов семей создавал сначала территориальные союзы, позже соединившиеся под властью царя. Период республики наступил вместе с приходом плебейского сепаратизма и дуализмом права. Тогда-то и наступило новое варварство. И только Цезарь и Август смогли воссоздать истинную государственность и естественный закон. Монархическая власть повторила деяние отцовской власти древних времен. Но драматическим первоисточником римской истории стало стремление плебеев сравняться с патрициями, плебеев, которые вначале требовали лишь равноправия, затем — торжественного заключения браков, затем — права принимать политически значимые решения, и наконец, права жречества: «Плебеи, угнетаемые Отцами, взывали к богам и к людям, и в результате коллективным голосованием избирались цари, или сильнейшие мужи, которые принимались исправлять все, что было испорчено разложением нравов, — эти мужи основали в мире первые монархии. Иногда наимудрейшие мужи с помощью законов о наказаниях стремились возратить древние обычаи, т.е. республики оптиматов к их началам». В период повреждения нравов были восстановлены древние добродетели, свойственные республикам оптиматов. И подлинные оптиматы были защитниками, а не притеснителями плебеев, поэтому и жестокость древних законов не следует понимать слишком буквально (Дж. Вико). Для Вергилия современность была началом не героического, а золотого века, когда заново восстанавливаются утраченные мир и порядок. (Савиньи заметил: «В той мере, в какой римская нация, го-

сподствуя над другими народами, уподобляла их себе и одновременно с этим утрачивала свою индивидуальность в этой огромной и неопределенной массе», в той же мере право, соответствующее этому новому состоянию (*jus gentium*), становилось преобладающим и превращалось в позитивную систему. «Буква права была согласована с сильно изменившимся духом и существом права»⁷).

Включение плебеев в политический процесс пробудило республиканские тенденции в римском мире. Идея равенства сначала дополнялась, а затем и оттеснялась идеей свободы. Варварская миграция, породившая «героический век» истории, означала вторжение в римскую политическую и правовую цивилизацию сил «внешнего пролетариата» (Арнольд Тойнби), плебс становится господствующей силой. Фактическое отсутствие у варваров институтов частного права предоставило римскому праву широкий простор для проникновения в эту среду теперь уже новой цивилизации; институты не возникали на основе человеческих соглашений — они искали своих оснований в обычае, при этом подкрепляя себя силой: «Фактически институты — это совершенные отражения нравственно несовершенства человеческой природы; и эти социальные продукты первородного греха всегда будут управляться секулярной рукой»⁸.

У Вико неоплатоническая картина мира проявилась в его учении о «метафизических точках», т.е. о внутренних силах нематериального характера, посредством которых Бог порождает жизнь и движение, и где механическая связь причины и следствия представляет только внешнюю поверхность. Так, народ, приближавшийся к совершенству, оказывается жертвой внутреннего нравственного распада и поэтому возвращается в прежнее варварство. И Вико восхищался дикой энергией и творческой поэтической силой древнего варварства, он «осознавал связь формалистической жесткости с поэтически-чувственной силой, свойственной примитивным правовым системам, он ощущал эффект тех наслоений, “остатков” (позже В. Парето разовьет эту концепцию “остатков”) прежних государственных и правовых институтов в более поздние времена»⁹.

⁷ Савиньи Ф.К. Система современного римского права. Т. 1. М., 2011. С. 336–337.

⁸ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 537.

⁹ Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М., 2004. С. 51.

⁶ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 410–411.

По мысли последователя Макиавелли и предшественника Вико, Клампария, все государственные тайны (арканы) и в монархиях, и в республиках делятся на два вида, первому из которых достается имя «тайны империи»: так, «монархическое государство должно располагать определенными средствами и иметь наготове план, чтобы противостоять свойственному столь многим стремлению к господству, каковое стремление превратило бы государство в аристократию; государства же других форм должны принимать соответствующие меры, чтобы не допустить народного правления и не превратиться в демократию, а государство демократическое должно беречься от того, чтобы стать монархией или перейти к другой форме правления, противоположной демократии». «Тайны господства» суть базовые принципы, которых должны придерживаться все, в чьих руках находится власть, чтобы эту власть сохранить. При этом неважно, является ли эта власть монархической, народной или аристократической¹⁰.

У всех наций, как только они начинали издавать общедоступные законы на народных языках, такая тайная наука о законах ускользала из рук благородных, — последние до этого всегда охраняли законы как нечто священное посредством тайного языка. Так было и в Риме, «пока и здесь не восторжествовала народная свобода»: «И это есть естественная причина того явления, которое в то время видели только политики, когда утверждали, что множественность законов является широкой дорогой для могущественных в свободных республиках к достижению монархии», — так Август создал множество законов именно с этой целью¹¹.

Священный, или «царский», закон распадался на множество секулярных законов. Но римская идея мобилизационного единства все еще была жива в недрах западного мира. Римская, интерпретированная Юстинианом система права, стала применяться с оговоркой «для большей человечности» и для всего человечества. Источником права было объявлено не законодательство, выработанное римским народом, а откровение Бога; «действие закона предписывалось понимать не как человеческое принуждение, а как божественное

возмездие»¹²: христианство, восприняв форму римского права, отвергло его дух.

Вико называет сложные символические сочетания — Кибелу, «женщину-землю», кентавров, дриады, крылатых коней и др. — «фантастическими универсалиями», созданными поэтическим мышлением древних для выражения и соединения определенных функций или идей в конкретном образе. Позже эти чувственные представления были заменены абстрактной фразеологией в сфере политики и юриспруденции: поздние формы были не лучше и не хуже, чем предшествующие им, они были просто другими.

Вся «героическая юриспруденция была целиком основана на педантичном отношении к символам», но, как известно, «буква убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3:6). Неспособные постигнуть всеобщности, которой должны обладать хорошие законы, самим использованием частного значения слов новые «народы должны были соблюдать законы в их общей форме. И если из-за такой справедливости в каком-нибудь отдельном случае законы и оказывались не только суровыми, но даже жесткими, то люди переносили их как нечто естественное, ибо они считали естественным, что у них такое право». Гражданская справедливость господствовала естественно среди героических наций, она осуществлялась варварами и римлянами, пока у тех существовала аристократическая республика, т.е. Законы XII таблиц. (Вико). Такая юриспруденция была юриспруденцией естественной справедливости, царящей в свободных республиках, где народы, ради частного блага каждого в отдельности, были принуждены издавать всеобщие законы, применяясь к условиям эпохи и требуя «равной для всех полезности».

Но такая же юриспруденция оказалась сродни и монархиям: монархии приучали своих подданных соблюдать свои частные интересы, взяв только на себя заботу о делах общественных. «Все должны быть уравнены законами, чтобы все были заинтересованы в государстве»¹³.

Х.С. Чемберлен назвал римлян «прирожденным правовым народом»: ведь истинное величие Рима заключалось в «анонимном, безымянном величии народа», оно не являлось творением отдельных людей, здесь все великое было анонимным. Еще Цице-

¹⁰ Ноде Г. Наука для государей, или Политические соображения о государственном перевороте // Иванова Ю.В., Соколов П.В. Кроме Макиавелли. М., 2014. С. 226–227.

¹¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Ленинград, 1940. С. 26.

¹² Тойнби А. Указ. соч. С. 602–603.

¹³ Вико Дж. Указ. соч. С. 30–32.

рон говорил: «Конституция нашего государства превосходит другие государства по следующей причине: у других государственный строй через законы и институты создавали отдельные люди... наше римское общество опирается на гений не отдельного человека, но многих»¹⁴. И военная демократия римлян уже в самой себе содержала зерна республиканизма, хотя сами они прекрасно осознавали, что республика и демократия отнюдь не тождественны друг другу.

Но господство религии над правом ушло в древнейшие времена, корни же римской нравственности находились в государственном и правовом принципе. (Эмиль Дюркгейм заметил, что сакральный характер, получаемый вещью, не заключен в ее внутренних качествах — он к ним лишь прибавлен. Когда сакральное существо разделяется, оно остается всецело равным самому себе в каждой из своих частей, часть эквивалентна целому и обладает той же силой, той же эффективностью.)

Гердеру принадлежат обидные и странные слова, что вся «римская история — это история демонов». Но уже Рудольф Иеринг, оправдывая римскую историю, полагал, что важной заслугой Гегеля стало привлечение внимания историков права именно к тому влиянию, которое оказала уникальная военная дисциплина на политический и правовой образ мыслей римлян. Да и формализм римского права явно проистекал из формализма этой военной дисциплины, являя собой порядок ради порядка, наглядно проявляющийся в той «дисциплине правовых сделок», которая неумолимо держится только строгой равномерности и без снисхождения наказывает всякий проступок, всякую ошибку» и отступление от внятного порядка. Ведь уже в военном лагере римский народ прошел подобную школу дисциплины, где он привыкал к тому подчинению и строгости буквы, которую позже он найдет в формах своей правовой жизни: «Благоприятное влияние, которое это военное дисциплинирование правовых сделок произвело на развитие римского права, породило еще и более глубокое

воздействие на сам национальный дух рождавшейся нации»¹⁵. Римская правовая мобилизация была одновременно и причиной, и следствием государственной мобилизации народа. Требовалось утвердить мысль о том, что мир является только всеобщим присутствием Города.

Идея «вечного Рима» родилась еще при Веспасиане, объявившем об «обновлении Рима» сразу после смерти тирана Нерона. Во II веке эта идея уступит место другой фундаментальной идее — «вечности империи». Рим со своей имперской идеей сделал древний античный город-полис отжившей моделью государственного устройства: новые политические реалии — империя, с одной стороны, и государь, монарх — с другой, поставили новую политическую проблему о распределении и иерархизации единой власти на едином и обширном политическом пространстве. Поэтому так долго к римской политической идее обращались, по-разному ее оценивая, все без исключения влиятельные идеологии Запада. Рим оставался для них неким идеальным типом государственности, поочередно прошедшим, более того, создавшим две классические формы государственности, которыми долго пользовалась европейская цивилизация, — идеальную республику (правда, многое было заимствовано здесь у греков) и идеальную монархию (отличную, однако, от восточной деспотии).

Вера в существование и актуальность «идеальной и вечной истории наций» позволяла именно в них, воплощенных в единственной фигуре вождя или в «политическом теле» (*corpus*), видеть того суверена, который принимает исторические решения. Непростая персонификация, но типологизация, создание обобщенного образа (в немецкой политико-исторической транскрипции — «гештальт»), что свойственно историческому разуму, который творит свое главное дело, невзирая на изменчивость внешних форм и тенденций, — последними этим путем прошли немецкие романтики, но путь этот им указали Вико и Гердер.

¹⁴ Чемберлен Х.С. Указ. соч. С. 277–278.

¹⁵ См.: Иеринг Р. Указ. соч. С. 235–237.

Литература

1. Берлин И. Подлинная цель познания : избранные эссе : пер. с англ. / И. Берлин. М. : СЕУ, 2002. 799 с.
2. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико. Ленинград : Гослитиздат, 1940. 620 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики : пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер. М. : Прогресс, 1988. 699 с.
4. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. М. : Наука, 1977. 703 с.

5. Иеринг Р. Дух римского права / Р. Иеринг // Избранные труды : в 2 т. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. Т. II. 545 с.
6. Кроче Б. Макиавелли и Вико // Антология сочинений по философии: История. Экономика. Право. Этика. Поэзия / Б. Кроче. СПб. : Пневма, 1999. 469 с.
7. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Ф. Мейнеке. М. : РОССПЭН, 2004. 478 с.
8. Ноде Г. Наука для государей, или Политические соображения о государственном перевороте / Г. Ноде // Иванова Ю.В., Соколов П.В. Кроме Макиавелли. М. : Квадрига, 2014. 314 с.
9. Савиньи Ф.К. Система современного римского права : в 8 т. Т. 1 / Ф.К. Савиньи ; под ред. О. Кутателадзе и В. Зубаря. М. : Статут, 2011. 508 с.
10. Тойнби А. Постижение истории : сборник / А. Тойнби. М. : Прогресс, 1991. 736 с.
11. Чемберлен Х.С. Основания девятнадцатого столетия : в 2 т. / Х.С. Чемберлен ; пер. с нем. : Е.Б. Колесниковой. СПб. : Русский мир, 2012. Т. 1. 687 с.

References

1. Berlin I. Podlinnaya tsel poznaniya : izbranny'e esse : per. s angl. [The Proper Study of Mankind : Selected Essays : translated from English] / I. Berlin. Moskva : CEU — Moscow : CEU, 2002. 799 s.
2. Vico G. Osnovaniya novoy nauki ob obschey prirode natsiy [The New Science of the Common Nature of the Nations] / G. Vico. Leningrad : Goslitizdat — Leningrad : Publishing House of State Literature, 1940. 620 s.
3. Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy' filosofskoy germenevtiki : per. s nem. [Truth and Method: Concept of Philisophical Hermeneutics : translated from German] / H.-G. Gadamer. Moskva : Progress — Moscow : Progress, 1988. 699 s.
4. Gerder I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva [Ideas on the Philosophy of the History of Mankind] / I.G. Gerder. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1977. 703 s.
5. Jhering R. Duh rimskogo prava [The Spirit of Roman Law] / R. Jhering // Izbranny'e trudy' : v 2 t. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press, 2006. Т. II — Selected Works : in 2 vol. Saint Petersburg : Legal Center Press, 2006. Vol. II. 545 s.
6. Croce B. Machiavelli i Viko [Machiavelli and Vico] / B. Croce // Antologiya sochineniy po filosofii: Istoriya. Ekonomika. Pravo. Etika. Poeziya. Sankt-Peterburg : Pnevma — Anthology of Works on Philosophy: History. Economics. Law. Ethics. Poetry. Saint Petersburg : Pnevma, 1999. 469 s.
7. Meineke F. Vozniknovenie istorizma [The Origin of Historism] / F. Meineke. Moskva : ROSSPEN — Moscow : ROSSPEN, 2004. 478 s.
8. Naudé G. Nauka dlya gosudarey, ili Politicheskie soobrazheniya o gosudarstvennom perevorote [Science for Sovereigns, or Political Thoughts on Coups D'Etat] / G. Naudé // Ivanova Yu.V., Sokolov P.V. Krome Machiavelli. Moskva : Kvadriga — Except Machiavelli. Moscow : Quadriga, 2014. 314 s.
9. Savigny F.K. Sistema sovremennogo rimskogo prava : v 8 t. Т. 1 [System of the Modern Roman Law : in 8 vol. Vol. 1] / F.K. Savigny ; pod. red. O. Kutateladze i V. Zubarya. Moskva : Statut — under the editorship of O. Kutateladze and V. Zubar. Moscow : Statute, 2011. 508 s.
10. Toynbee A. Postizhenie istorii : sbornik [A Study of History : collection] / A. Toynbee. Moskva : Progress — Moscow : Progress, 1991. 736 s.
11. Chamberlain H.S. Osnovaniya devyatnadsatogo stoletiya : v 2 t. [The Foundations of the Nineteenth Century : in 2 vol.] / H.S. Chamberlain ; per. s nem. : E.B. Kolesnikovoy. Sankt-Peterburg : Russkiy mir, 2012. Т. 1 — translated from German : E.B. Kolesnikova. Saint Petersburg : Russian World, 2012. Vol. 1. 687 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-6-10-15

Трактовка юридических конструкций «государство» и «право» в трудах Г. Еллинека

*Беляева Ольга Маратовна,
кандидат юридических наук, доцент
olga.beliaeва@mail.ru*

Г. Еллинек сформулировал дуалистическую теорию, рассмотрев государство не только с социологической, но и с юридической точек зрения. Право также было рассмотрено государствоведом в двух аспектах: в нормативном и социальном, как существующее и должное. Еллинек впервые пишет о праве как о некоем этическом минимуме, как части нравственности. В трудах немецкого ученого анализируются и вопросы народного суверенитета, теория правового самоограничения государства, правовая природа конституций и многое другое.

Ключевые слова: Еллинек, государство, право, дуалистическая теория, власть, политика, народный суверенитет, территория, корпорация.

Interpretation of the Statutory Concept of State and Law in Works by G. Jellinek

*Belyaeva Olga M.
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

G. Ellinek formulated the dualistic theory, having considered the state not only from the sociological, but also from the legal point of view. The right has also been considered by scientists in two aspects: normative and social, existence and justice. Ellinek for the first time writes about the law as of a certain ethical minimum as part of morality. The works of the German scientist also analyze the issues of national sovereignty, the theory of legal self-limitation of the state, the legal nature of constitutions and many others.

Keywords: Ellenic, state, law, dualistic theory, power, politics, people's sovereignty, territory, corporation.

Георг Еллинек (1851–1911) — немецкий правовед, представитель либерального направления в государствоведении, сторонник юридического позитивизма, доктор права и философии, профессор Венского (с 1883 г.), Базельского (с 1885 г.) и Гейдельбергского (с 1901 г.) университетов.

Основные работы: «Социально-этическое значение права, неправды, наказания» (1878), «Система субъективных публичных прав» (1892), «Права меньшинства» (1898), «Общее учение о государстве» (1900).

Еллинек поставил перед собой задачу рассмотреть государствоведение как науку исключительно юридическую, свободную от политологии, социологии, философии и истории. Неокантианцы побудили Еллинека рассматривать юриспруденцию как науку нормативную, изучающую право не как существующее, а как должное¹.

Дуалистическая (плюралистическая) теория государства. Попытка соединить

формально-догматическое понимание государства с социологическим направлением была предпринята государствоведом в работе «Общее учение о государстве», где Еллинек сформулировал дуалистическую (двойственную) теорию государства и права.

С помощью плюралистической (дуалистической) теории государства Еллинек стремился преодолеть теоретические затруднения, с которыми столкнулся при применении доктрины юридического позитивизма к анализу государства, в частности, при обосновании правомерности действий государственной власти, основания соблюдения существующего правопорядка со стороны граждан².

Еллинек впервые рассмотрел государство не только с социологической, но и с юридической точек зрения. «Государство есть, во-первых, социальное явление, а во-вторых — правовой институт». С одной стороны, государство как социальное явление пред-

¹ Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. М.: Проспект, 2007. С. 384.

² Мухаев Р.Т. История политических и правовых учений. М.: Юрайт, 2013. С. 499.

ставляет собой «обладающее первичной господствующей властью союзное единство оседлых людей», с другой, правовое понятие того же государства сводится к «корпорации» (юридическая личность, субъект права)³.

По мнению Еллинека, государство существует как фактор субъективного сознания, как социально-психологическое явление, первичным элементом которого выступает властеотношение (политическое отношение). Государство одновременно относится и к сфере должного, и к сфере сущего. Оно представляет собой «юридическую личность оседлого народа», государство должно объединять общие цели⁴. Многообразие воле интегрируется через телеологическое (целевое) единство, т.е. общую цель, которая реализуется государством. Чем интенсивнее эти цели, тем сильнее выражено единство. Именно телеологическое единство государства определяется как союзное единство. Объединенные в союзное единство государственные волевые отношения представляются существенно отношениями властвования⁵. Еллинек пишет: «Государство из всех союзов является наибольшей полнотой постоянных целей». При этом первой и ближайшей целью государства является самосохранение.

Иными словами, в социальном аспекте (т.е. преимущественно психологически) государство понимается Еллинеком как «отношения воле множества людей», главным образом через призму отношений господства и подчинения, заключенных в психике конкретного лица, в индивидуальном сознании. В юридическом же аспекте государство — это корпорация, которая обладает государственной властью, территорией, населением, суверенитетом, специальными органами («снабженная первоначальной властью господства корпорация или юридическая личность оседлого народа»).

«С юридической стороны государство... может быть конструируемо только как субъект права, причем, точнее, оно должно быть подведено под понятие корпорации. Субъектом корпорации всегда являются люди, об-

разующие союзное единство, руководящая воля которого сосредотачивается в членах самого союза. Понятие же инкорпорации — чисто юридическое... оно является формой юридического синтеза для выражения юридических отношений союзного государства, отношения его к порядку. Поэтому, приписывая государству, как и вообще корпорации, юридическую личность, мы не прибегаем к ипостасированию или фикции, ибо личность есть не что иное, как субъект права.

Как правовое понятие государство есть, таким образом, обладающая первичной верховной властью корпорация населяющего определенную территорию народа или, применяя употребительный в новейшее время термин, обладающая первичной властью территориальная корпорация⁶.

Опираясь на философию неокантианства, которая отрицала возможность познания сущности социальных явлений, их объективный характер, противопоставляла сущее и должное, Еллинек рассматривал государство как феномен субъективного сознания. Как результат нашего восприятия, государство, с одной стороны, принадлежит к сфере сущего (т.е. эмпирически существующего), а с другой стороны, к сфере должного (идеального). В связи с этим, по Еллинеку, государство следует изучать и как социальное образование, и как правовое явление, которые изучаются разными методами: социологическим и юридическим⁷.

Посредством юридического метода Еллинек описывает государство как юридический феномен — его территорию, население, публичную власть, государственные органы и т.п. — в совокупности чисто юридических связей при помощи абстрактных нормативно-правовых понятий. Посредством социологического метода Еллинек изучает государство как «массовое социальное явление» — его возникновение и эволюцию, взаимодействие с другими социальными явлениями⁸.

Еллинек отмечал, что многие существующие определения, данные понятию «государство», являются неудовлетворительными. В частности, государствовед подчеркивал, что ошибочно, что «ни в одном из известных определений государства, начиная с Гроция и до Канта, не упоминается о территории».

³ История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста, В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2009. С. 439.

⁴ История государственно-правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Спарк, 2006. С. 281.

⁵ История государственно-правовых учений: хрестоматия / под ред. В.В. Лазарева. М.: Спарк, 2006. С. 534.

⁶ Там же. С. 538.

⁷ Мухаев Р.Т. Указ. соч. С. 499.

⁸ Рубаник В.Е., Рубаник С.А. История политических и правовых учений. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 309.

Ведь без выделенного пространства государство немислимо. Также «сумма индивидов не есть еще государство», даже если предполагается жизнь этих людей на определенной территории. Для его существования необходим народ как «союз лиц», представляющий собой «правовое единство». Им «масса становится лишь посредством объединяющей ее организации», когда уже принято определенное решение «относительно... учреждения правительства»⁹. Государство является территориальной корпорацией, которой присущ особый характер властвования, а именно — господство. Такое господство предполагает, по мысли Еллинека, обеспечение неприкосновенности исключительной области властвования от любых посягательств извне со стороны кого бы то ни было. Таким образом, Еллинек приходит к определению суверенитета. Ученый отмечает, что в данном правовом понятии («суверенитет должен означать неограниченную и не могущую быть ограниченной властью вообще») необходимо выделять два признака, которые неразрывно связаны между собой, — независимость и верховенство. Первый признак проявляется преимущественно вовне, в сношениях государства, второй — в ее границах.

Понятие народа государствовед сформулировал следующим образом: «количество необходимых для государства людей может быть... бесконечно разнообразным — от нескольких... сотен до многих миллионов», при этом люди «должны быть членами народного общения... Толпа рабов — т.е., юридически, вещей, — объединенная только общим владельцем, не образует государства».

Однако синтез юридического и социологического подходов в разработке понятия «государство» не позволил загладить существующие противоречия между единством государства как юридической личности и социальной разобщенностью интересов народа, его противоборствующих классов и социальных групп, формирующих данную «юридическую личность».

О власти. Еллинек одним из первых выдвинул идею «легитимации государственной власти», указывая, в частности, что «государственная власть должна — не считая переходных эпох — опираться на убежденность народа в ее правомерности, что применимо к

всякой форме государства, не исключая и неограниченной монархии». Именно это нормативное сознание, по мысли государствоведа, придает власти правовой характер, делает ее прочной.

Еллинек отмечал, что «власть, которая повелевает, но которой не подчиняются, теряет свой характер господствующей власти. Точнее говоря, вся государственная власть основана на повиновении подданных». Иными словами, повиновение населения велениям государства обеспечивается только там, где к фактическим отношениям господства присоединяется их психологическое признание со стороны населения как нормативно-правовых отношений.

О праве. Еллинек различал в праве также два аспекта: нормативный (юридический) и социальный. Социологическое понятие права интерпретируется психологически, поскольку общество представляет собой «совокупность проявляющихся во внешнем мире психологических связей между людьми». Отношения между индивидами основаны на внутренней убежденности в справедливости действующего права. Право, по мысли Еллинека, является компромиссом между различными слоями населения с противоречащими друг другу интересами. Еллинек подчеркивал, что «право существует только в нас самих, оно есть функция человеческого общения и потому должно опираться на чисто психологические элементы». Право в юридическом смысле есть совокупность исходящих от внешнего авторитета, гарантированных внешними средствами норм взаимного отношения лиц друг к другу»¹⁰.

Как мы видим, в правовой теории Еллинека отчетливо прослеживаются элементы психологической теории права. В работе «Социально-этическое значение права, неправды, наказания» Еллинек впервые предложил рассматривать право как часть нравственности, как этический минимум: «Объективно — это условия сохранения общества, поскольку они зависят от человеческой воли, т.е. *existenz-minimum* этических норм; субъективно — минимум нравственной жизнедеятельности и нравственного настроения, требующийся от членов общества», предвосхитив тем самым воззрения В. Соловьева.

Еллинек допускал, что исторически право может противоречить нравственности, но это, по его мнению, не есть право в соб-

⁹ Дробышевский С.А. Из классических учений о политике и праве XX века: актуальные идеи Г. Еллинека и Д. Истона. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 8–9.

¹⁰ Мухаев Р.Т. Указ. соч. С. 500–501.

ственном смысле слова: «Такое право является правом только с формальной стороны, а по более глубокому материальному основанию оно — неправда, или, в лучшем случае, правовая ошибка»¹¹. Вместе с тем Еллинек тут же замечает: «Любой, даже и противоречащий закону акт государственного органа должен считаться правомерным», коль скоро «воля государственного органа и есть воля государства».

Вместе с тем, право в понимании Еллинека объективно; оно не является продуктом господствующей в государстве воли, а складывается под влиянием, с одной стороны, природы человека, а с другой — тех нужд и требований, которые предъявляются к индивиду его жизнью и обществом¹². Еллинек комментирует: «В мире нет ничего, кроме природы. Поэтому все право является природным или естественным».

Еллинек пишет: «Юридические нормы имеют двойственный характер: они являются не только чем-то должным, но и чем-то существующим. Положительное право отличается от всех других волевых норм тем, что оно, в качестве реальной силы, производит определенное, подлежащее учету действие. В этом направлении право составляет предмет науки о существующем... В частности, история может исследовать право только как реально существующее, по фактическому его воздействию на жизнь, т.к. все должное по самой природе относится к будущему»¹³.

Интересны взгляды ученого и по вопросу толкования права. Еллинек подчеркивает, что «высшее искусство толкователя состоит не в том, чтобы вывести что-нибудь из текста, а в том, чтобы внести в него... Эти слова... высший принцип для преобразования конституции путем судебской интерпретации». «В буквах конституции таятся непознанные доселе силы; законодательство открывает их, а затем судья окончательно пробуждает их к жизни. Американцы с гордостью говорят, что во всей всемирной истории существует лишь три документа, слова которых так подробно истолковывались, как их конституция: Библия, Коран и Дигесты»¹⁴.

¹¹ Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. М.: Высшее образование, 2005. С. 402.

¹² Рубаник В.Е., Рубаник С.А. Указ. соч. С. 310.

¹³ Хрестоматия по конституционному праву. Т. I / сост. Н.А. Богданова и Д.Г. Шустров. СПб.: Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 167.

¹⁴ Там же. С. 516.

Теория правового самоограничения государства. Еллинек последовательно изложил в своей работе идею связанности государства создаваемым им правом, которая заключается прежде всего в обязательности соблюдения законов в деятельности государственных органов. Еллинек пишет: «Не случайно, по выражению Р. Иеринга, “право в... полном значении слова” предполагает “самоподчинение государственной власти закону, исходящему от нее самой”»¹⁵.

«Право не зависит от государства в такой мере, чтобы государство могло освободить себя от самого права». «Вся наша современная культура основана на убеждении, что власть государства имеет свои границы, что мы — не подчиненные безгранично всемогущей власти государственные рабы».

Еллинек отмечает, что от других политических образований государство отличается не тем, что оно свободно от права, а тем, что способно самостоятельно, независимо от стоящей вне государства власти, устанавливать связывающее его право. Именно конституционное (правовое) государство последовательно проводит в своей организации такой признак, как ограничение публичной власти правом.

О народном суверенитете. Еллинек в своих трудах подверг сомнению теорию народного суверенитета. «Носителем государственной власти является государство и никто, кроме него». Осуществляет же последнюю только совокупность органов упомянутой организации. Неверно «называть» здесь «народ... носителем государственной власти». Ведь тем самым этому множеству людей «приписывается» статус, отличный «от действительно занимаемого им положения... органа» государства¹⁶.

О политике. «Прикладной или практической наукой о государстве является политика, т.е. учение о достижении определенных государственных целей и, следовательно, анализ явлений государственной жизни с определенных телеологических точек зрения, являющихся в то же время критическим мерилом при обсуждении явлений и отношений государственной жизни»¹⁷.

«Государственно-правовая теория должна, таким образом, если она не желает укло-

¹⁵ Дробышевский С.А. Указ. соч. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 35.

¹⁷ Правовая мысль: Антология / науч. ред., сост. В.П. Малахов. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 672.

ниться от правильного пути, постоянно иметь в виду реальную политическую жизнь». Иначе государственное право рискует «превратиться в чуждую жизни и реального знания чисто-схоластическую дисциплину»¹⁸.

О государстве, где господствует закон. Закон предписывает юридические правила. «Судебное решение подводит конкретный случай под абстрактную норму и решает его, т.е. силою... авторитета» суверенной власти «устанавливает» эту ситуацию и связанные с последней «правовые последствия». Ведь «отправление правосудия есть государственная функция, целью которой служит защита всего права». Еллинек пишет: «Формулированная Молем, Шталем и Гнейстом современная теория правового государства не прибавила ни одного нового признака к учению Платона и Аристотеля о государстве», где «господствует закон». Например, «этот принцип... на который» она «заявляет свое исключительное притязание, что всякая относящаяся к индивиду правительственная деятельность должна осуществляться только в силу закона и в пределах его, с полной ясностью осозналась в Греции, и прежде всего в Афинах»¹⁹.

О субъективных правах. Под влиянием Еллинека продолжительное отрицание естественных прав в публично-правовой сфере сменилось признанием существования публичных субъективных прав. В работе «Система субъективных публичных прав» Еллинек впервые рассмотрел проблему субъективных публичных прав и предложил их юридико-догматическую классификацию²⁰.

«Субъективное право есть признанная и защищенная правовым порядком волевая мощь человека, направленная на какое-либо благо или интерес». Соединив представление Ж.-Ж. Руссо о воле как об основном элементе права и представление Р. фон Иеринга об интересе как о существенном элементе субъективного права²¹, Еллинек выделил в струк-

туре субъективного права два элемента: формальный — воля и материальный — интерес.

Именно в правовом государстве обеспечиваются субъективные права, как публичные (политические права, избирательные права, процессуальные права), так и частные (притязания индивида к другим индивидам), посредством различных гарантий этих прав: правовых, социальных и политических.

Р.С. Несмотря на тот факт что Еллинек не смог избежать в своих взглядах противоречий²², юридический подход к изучению государства, предложенный немецким ученым, оказал большое влияние на многих западных государствоведов XX в. (Ганса Кельзена, Жоржа Бюрдо и др.)²³. Попытки соединить правовое и социальное понятия государства в какой-то мере предвосхищали свойственное неоллиберализму понятие правового и социального государства²⁴. В его курсе-исследовании «Всеобщее учение о государстве» основы социального подхода к явлениям государства и права получили классическое изложение, чем на десятилетия определили линии размышлений о государстве в европейской политико-юридической науке. Внимание к приоритету социального перед нормативно-юридическим бытием государства было несомненным шагом к завершению становления новой, научной политологии XX века²⁵.

На основе теории правового государства Еллинека возникли, с одной стороны, «чистая» нормативная теория права (Г. Кельзен), а с другой — психологическая теория государства и права (Л.И. Петражицкий). Еще одну разновидность осмысления государственно-правовой действительности представляла собой органическая теория государства²⁶ (Г. Спенсер).

²² См.: История государственно-правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Спарк, 2006. С. 281; Рубаник В.Е., Рубаник С.А. Указ. соч. С. 310.

²³ Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. М.: Высшее образование, 2005. С. 403.

²⁴ История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста, В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2009. С. 441.

²⁵ Омельченко О.А. История политических и правовых учений (История учений о государстве и праве). М.: Эксмо, 2006. С. 429, 430.

²⁶ Рубаник В.Е., Рубаник С.А. Указ. соч. С. 311.

¹⁸ Хрестоматия по конституционному праву. Т. I / сост. Н.А. Богданова и Д.Г. Шустров. С. 165.

¹⁹ Дробышевский С.А. Указ. соч. С. 41–42.

²⁰ Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. М.: Проспект, 2007. С. 385.

²¹ Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. М.: Высшее образование, 2005. С. 400.

Литература

1. Дробышевский С.А. Из классических учений о политике и праве XX века: актуальные идеи Г. Еллинека и Д. Истона / С.А. Дробышевский. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 112 с.
2. История государственно-правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Спарк, 2006. 672 с.
3. История государственно-правовых учений: хрестоматия / под ред. В.В. Лазарева. М.: Спарк, 2006. 1071 с.

4. История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста, В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2009. 584 с.
5. Марченко М.Н. История политических и правовых учений / М.Н. Марченко, И.Ф. Мачин. М. : Проспект, 2007. 480 с.
6. Марченко М.Н. История политических и правовых учений / М.Н. Марченко, И.Ф. Мачин. М. : Высшее образование, 2005. 495 с.
7. Мухаев Р.Т. История политических и правовых учений / Р.Т. Мухаев. М. : Юрайт, 2013. 608 с.
8. Омельченко О.А. История политических и правовых учений (История учений о государстве и праве) / О.А. Омельченко. М. : Эксмо, 2006. 576 с.
9. Правовая мысль: Антология / науч. ред.-сост. В.П. Малахов. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2011. 903 с.
10. Рубаник В.Е. История политических и правовых учений / В.Е. Рубаник, С.А. Рубаник. М. : Волтерс Клувер, 2011. 432 с.
11. Хрестоматия по конституционному праву. Т. I. / сост. Н.А. Богданова, Д.Г. Шустров. СПб. : АЛЕФ Пресс, 2012. 858 с.

References

1. Drobyshevskiy S.A. Iz klassicheskikh ucheniy o politike i prave XX veka: aktualny'e idei G. Jellineka i D. Istona [From the Classical Doctrines of Politics and Law of the XX Century: Relevant Ideas of G. Jellinek and D. Iston] / S.A. Drobyshevskiy. Moskva : Norma : INFRA-M — Moscow : Norm : INFRA-M, 2014. 112 s.
2. Istoriya gosudarstvenno-pravovy'kh ucheniy [The History of State and Legal Doctrines] / otv. red. V.V. Lazarev. Moskva : Spark — publishing editor V.V. Lazarev. Moscow : Spark, 2006. 672 s.
3. Istoriya gosudarstvenno-pravovy'kh ucheniy : khrestomatiya [The History of State and Legal Doctrines : anthology] / pod. red. V.V. Lazarev. Moskva : Spark — under the editorship of V.V. Lazarev. Moscow : Spark, 2006. 1071 s.
4. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy [The History of Political and Legal Doctrines] / pod. red. O.E. Leista, V.A. Tomsinova. Moskva : Zertsalo — under the editorship of O.E. Leist, V.A. Tomsinov. Moscow : Mirror, 2009. 584 s.
5. Marchenko M.N. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy [The History of Political and Legal Doctrines] / M.N. Marchenko, I.F. Machin. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2007. 480 s.
6. Marchenko M.N. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy [The History of Political and Legal Doctrines] / M.N. Marchenko, I.F. Machin. Moskva : Vy'sshee obrazovanie — Moscow : Higher Education, 2005. 495 s.
7. Mukhaev R.T. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy [The History of Political and Legal Doctrines] / R.T. Mukhaev. Moskva : Yurayt — Moscow : Urait, 2013. 608 s.
8. Omelchenko O.A. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy (Istoriya ucheniy o gosudarstve i prave) [The History of Political and Legal Doctrines (The History of the Teaching on State and Law)] / O.A. Omelchenko. Moskva : Eksmo — Moscow : Eksmo, 2006. 576 s.
9. Pravovaya my'sl: Antologiya [Legal Thought: Anthology] / nauch. red.-sost. V.P. Malakhov. Moskva : YUNITI-DANA : Zakon i pravo — scientific editor and compiler V.P. Malahov. Moscow : UNITY-DANA : Law and Justice, 2011. 903 s.
10. Rubanik V.E. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy [The History of Political and Legal Doctrines] / V.E. Rubanik, S.A. Rubanik. Moskva : Wolters Kluwer — Moscow : Wolters Kluwer, 2011. 432 s.
11. Khrestomatiya po konstitutsionnomu pravu. T. I [Anthology on the Constitutional Law Vol. 1] / sost. N.A. Bogdanova, D.G. Shustrov. Sankt-Peterburg : Alef Press — compiled by N.A. Bogdanova, D.G. Shustrov. Saint Petersburg : Alef Press, 2012. 858 s.

Методологии теории государства и права. Герменевтическая методология

*Малахов Валерий Петрович,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
valery-malakhov@mail.ru*

В статье на основе авторского понимания структуры методологии теории государства и права существо и специфика герменевтической методологии раскрываются посредством описания содержания характерных для нее познавательных парадигм, концептуальных идей и принципов. В своей совокупности они формируют представление о предметной области, с которой связана рассматриваемая методология, о ее преимуществах и недостатках как методологии юридической теории.

Ключевые слова: герменевтика, методология, принципы, концептуальная идея, познавательная парадигма, понимание, язык, диалог, интерпретация, текст.

Methods of Theory of State and Law. Hermeneutic Methods

*Malakhov Valery P.
Professor of the Department of Theory of State and Law of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

The article based on the author's understanding of the structure of the methodology of theory of state and law of the being and specificity of the hermeneutic methodology is revealed by the content description characteristic of her cognitive paradigms, conceptualization of ideas and principles. Together they form an idea about the subject area, which is connected with this methodology, its advantages and disadvantages as the methodology of legal theory.

Keywords: hermeneutics, methodology, principle, conceptual idea, the posture-to achieve a paradigm, understanding, language, dialogue, interpretation, text.

Герменевтика представляет собой, с одной стороны, самостоятельное направление в философии, центральной и исчерпывающей проблемой для которой является феномен понимания. «Понимание — процесс постоянного изменения картины... это непрерывное схватывание нового, а потому такого, которое невозможно согласовать, свести к уже схваченному»¹.

С другой стороны, она выступает в качестве методологии. Будучи методологией, она, с одной стороны, представляет собой учение о принципах гуманитарных наук, а с другой — теорию и технику понимания.

Поскольку центральной и исчерпывающей проблемой общей теории права является

правопонимание, постольку герменевтическая методология должна рассматриваться как обязательная в наборе ее — общей теории права — методологий².

Герменевтическая методология должна быть тесно связана с культурологиче-

¹ Малахов В.П. Философия права и другие юридические дисциплины // Философия права в России: из опыта XX века. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 204.

² Герменевтике как методологии уделяется достойное внимание со стороны отечественных правоведов, см., например: Атарщикова Е.Н. Герменевтика в праве: историко-правовой анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999; Мамардашвили М.К. Полный курс лекций. Философия Европы. Психологическая топология пути. М.: Изд-во АСТ, 2016; Медушевская Н.Ф., Сигалов К.Е. Методологические проблемы правового знания. М., 2013; Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005; Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002.

ской и феноменологической методологией. Вне этой связи она сводится к разрешению проблем языкознания, в частности, семиотики. В сочетании с указанными методологиями, а также с исторической методологией она позволяет достигнуть полноты историко-культурного среза в понимании права. «Допущение методологического многообразия в теории государства и права не означает ее идейной неопределенности, а именно: все возможные методологии лишь в разных аспектах отражают право и государство как универсальные свойства общественной жизни, материализующиеся в различных формах»³.

Общая характеристика герменевтической методологии такова:

— *во-первых*, она концентрирует внимание исследователя не на действительности, явлениях, а на условиях интеллектуального проникновения в эту действительность;

— *во-вторых*, она представляет собой систему идейных и организационных принципов, приемов, методов и т.д., выступающих условиями и средствами достижения понимания, независимо от того, о понимании чего конкретно идет речь;

— *в-третьих*, она связывает понимание как переход от знака к значению с постижением целостности и только при таком условии позволяет правильно понимать смысл ее частей, фрагментов;

— *в-четвертых*, одним из базовых условий подлинного (адекватного) понимания является его диалоговый характер, т.е. понимание есть результат не познания, а коммуникации;

— *в-пятых*, она исходит из признания, что познающий субъект сам есть часть той сферы, в которой он стремится достичь понимания; иными словами, элемент субъективности имманентен пониманию;

— *в-шестых*, она связана с переводом внимания исследователя, независимо от предметной области его исследования, в область языка и смыслов;

— *в-седьмых*, она связывает все возможности познания с языком; вне языковой призмы предмет неразличим; язык — условие познавательной деятельности человека;

— *в-восьмых*, она предполагает, что через обращение к языку достигается оживление

традиции, культуры, вхождение в историю и постижение ее;

— *в-девятых*, в ее рамках фундаментальным является отличие понимания от объяснения; при этом они как противопоставлены друг другу, так и в состоянии друг друга дополнять, но никогда не совпадают;

— *в-десятых*, она основана на принципе зависимости логического метода от предмета рассуждения и на интерпретационной природе рассуждений в области;

— *в-одиннадцатых*, в ее рамках познание и понимание осуществляются через истолкование и интерпретацию текстов (в том числе законов);

— *в-двенадцатых*, она исходит из того, что тексты, в силу их знаковой природы, являются исчерпывающими носителями информации.

Говоря о **применимости** герменевтической методологии, следует прежде всего отметить, что она выступает методологической основой разрешения фундаментальной проблемы развития самой общей теории права. Развитие теории происходит вовсе не только и даже не столько за счет накопления знаний, формулирования новых идей и обозначения новых направлений исследования, сколько за счет полноценного использования логики развития, заложенной в самой по себе теории. Эта философски насыщенная методология образует теорию развития теории.

Другой уровень герменевтической методологии — юридическая герменевтика. Она является составной частью общей теории государства и права и используется при работе с текстами, будь то тексты нормативных или иных правовых актов, доктрины, исторические документы и т.д. «Ее (юридической герменевтики.— В.М.) главная функция — обеспечение соответствующей духу права интерпретации юридически значимых текстов и фактов»⁴.

Как известно, самостоятельным и традиционно включаемым в общую теорию права является раздел, связанный с толкованием норм права. Юридическая техника толкования норм объективно имеет герменевтическую составляющую, и использование наработанных герменевтических процедур в толковательном процессе может быть весьма эффективным⁵.

³ Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 13.

⁴ Малинова И.П. Философия права и юридическая герменевтика. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 116.

⁵ См.: История и методология юридической науки. СПб.: ИВЭСЭП, 2014.

Сущностью герменевтической методологии является направленность на достижение понимания смыслов, заложенных в текстах, посредством правил, которым подчиняется интерпретация символов, и интерпретационных методов.

Назначение герменевтической методологии состоит, во-первых, в развитии знаний на основе их интерпретации; во-вторых, в реконструкции конкретного культурно-исторического мира, в котором возникали тексты, подвергающиеся интерпретации, и характерных для него смысловых интенций; в-третьих, в очищении, насколько это возможно, смыслов, скрытых в тексте, от субъективного восприятия и придании им объективного характера (онтологизации); в-четвертых, в достижении совместимости доказательств истины с пониманием смысла; в-пятых, в обеспечении адекватного перевода с одного языка на другой (в том числе специализированного юридического языка на обычный); в-шестых, в индивидуализации интерпретации текста (его перевода); в-седьмых, в осуществлении возможности перехода из одной культуры в другую через уподобление, вживание. «Сторонники герменевтики считают, что современное право нуждается в моральном обосновании справедливости норм на практике, поэтому право нельзя представлять в виде полностью рационализированного феномена»⁶.

Существо герменевтической методологии в полной мере раскрывается в ее **понятийном аппарате**.

В первую очередь его характеризуют базовые для герменевтической логики понятия понимания, объяснения и интерпретации. Последняя есть средство достижения понимания. Она придает смысл тому, что постигается не эмпирически (восприятием, наблюдением), но разумом, интеллектуально.

Второй блок образуют понятия, характеризующие различные элементы содержания понятия текста как информационные системы. Его специфика выражена в понятиях знака и символа (это знаково-символические системы). Знаково-символическим является смысл текста. Принципиально важным является различие смысла и значения.

Третий блок образуют понятия, характеризующие текст не только как факт мышления, но и как факт языка. Центральным здесь является понятие слова, содержащее некото-

рые материализованные в языке структуры, которые, так сказать, сопутствуют смыслу. В рамках герменевтической теории (например, в понимании Х.-Г. Гадамера) «язык — это как бы воплощенная историческая традиция, заключающая в себе бесконечное множество смыслов... Человек всегда имеет дело с теми или иными вариантами упрощенного (с точки зрения смысла) языка, используя их для достижения научных или обыденных целей»⁷.

Примером **познавательных парадигм**, на которые опирается герменевтическая методология, могут быть следующие высказывания:

— все есть в языке, язык является способом бытия человека, его сущностным свойством;

— смысл слова объективен.

Концептуальными идеями, согласующимися с герменевтической методологией, являются следующие утверждения:

— диалектика объяснения и понимания заключена в том, что объяснение лишь подводит к пониманию;

— интерпретация есть исчерпывающий метод понимания;

— все возможное множество интерпретаций текста является частью этого текста, находится внутри него;

— в структуре слова помимо центрального ядра имеются моменты, сопровождающие смысл, сопутствующие ему и придающие целому многозначность;

— истина понимания и истина познания не совпадают;

— при разрешении проблемы понимания необходимо идти не от формализованных языков посредством приближения их к реальным процессам понимания, а от реального феномена понимания, взяв его за идеал;

— истина сама себя обнаруживает в понимании, открывается ему, она — очевидность;

— объективные условия понимания составляют предрассудки (пред-рассуждения), авторитет и традиция;

— понимание есть постижение смысла;

— имеются такие явления, которые в каком-то определенном смысле существуют, но не являются реальными, поэтому вопрос об их познании и понимании не может быть решен при помощи наблюдения и непосредственного созерцания (А. Уайтхед);

⁶ Золкин А.А. Философия права. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 165.

⁷ См.: Философия права: концептуальные основы преподавания в юридических вузах: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 98.

— понимание нельзя объяснить или вывести, его надо принимать как данность;

— текст многослоен, и чем глубже слой, тем менее он доступен пониманию извне, из другой культуры и ментальности, но тем легче он доступен пониманию изнутри.

К **принципам**, на основе которых реализуется герменевтическая методология, организуется познавательный (понимающий) процесс, следует отнести:

— принцип *лучшего понимания*, содержащий требование в интерпретационном акте не ограничиваться обнаружением смыслов, прямо заложенных автором в текст средствами языка, но прибавлять новые смыслы, открывающиеся на основе достигнутого понимания и превращающие интерпретацию в своеобразное сотворчество автора и интерпретатора (понимание — расширяющийся процесс);

— принцип *непосредственного постижения целостности*, в соответствии с которым целостность постигается не посредством рассуждений, обобщений, а должна представлять как очевидность, и является не итогом интерпретационного акта, а его исходным моментом;

— принцип *контекста*, согласно которому возможные смыслы, заложенные в тексте, лишь частично поддаются интерпретации и не придают полноты и подлинности пониманию, если сам этот текст не рассматривается в общей смысловой среде (культурном контексте), сложившейся в конкретной области познания и определяющей ее дискурс, а также систему знаков и символов;

— принцип *зависимости от опыта*, в соответствии с которым понимание в ходе интерпретации достигается сочетанием герменевтических процедур выявления смыслов текста с индивидуальным опытом исследования их онтологизации;

— принцип *саморефлексии*, тесно связанный с предыдущим принципом и содержащий требование в ходе интерпретации текста непрерывно отслеживать саму организацию этого процесса, его последовательность и основания, в силу которых он осуществляется именно так, а не иначе, и ведет именно к такому, а не иному пониманию;

— принцип *сотворчества интерпретатора и автора*, согласно которому состоятельность и успешность интерпретации текста и выявления заложенных в нем смыслов возможны только при условии, что это творческий и диалоговый (между исследователем

и автором) акт, посредством которого подлинное понимание является синтезом объективного и субъективного смыслов;

— принцип *конгенциальности*, в соответствии с которым необходимым условием подлинности понимания является то, что в исходный момент интерпретации необходимо быть соразмерным по своему интеллектуальному и духовному содержанию уровню создателя текста;

— принцип *предположения смысла целого*, указывающий на необходимость не просто исходить из того, что целое должно иметь свой смысл, но осуществлять так называемое предпонимание, непосредственное схватывание этого смысла, в рамках и контексте которого только и возможна интерпретация;

— принцип *взаимодействия части и целого*, неразрывно связанный с предыдущим принципом, согласно которому формирование понимания целого не следует связывать со смыслами, выявляемыми в частях и их совокупности, а наоборот, эта совокупность возможна только при условии смысла (осмысленности) целого;

— принцип *невъязимого остатка*, требующий учитывать в ходе интерпретации, что понимание не исчерпывается совокупностью выявленных и выраженных смыслов и что в целом всегда присутствует нечто неопределимое, но содержащее условие целостности и правильности понимания;

— принцип *индукции*, в соответствии с которым интерпретационный процесс осуществляется посредством движения от части к целому (а не к общему, как в формально-логическом смысле), что сообщает пониманию характер синтеза, а не обобщения⁸;

— принцип *аналогии*, согласно которому переход от части к целому осуществляется не посредством рассуждения, непрерывности процесса интерпретации, а в виде скачка, обусловленного предрассудками, авторитетом и традициями.

К **преимуществам** герменевтической методологии в применении к проблемам общей теории права и государства можно отнести следующее: 1) она не только предполагает, но и требует отношения к праву как к форме духовной, культурной жизни общества; 2) в ее рамках разработана эффективная вопросная методика исследования текстов,

⁸ См. по данному вопросу, например: Сигалов К.Е. Методологические принципы познания среды права // История государства и права. 2010. № 4.

не ограничивающаяся формально-логической техникой формулирования вопросов; 3) на ее основе осуществляется интерпретация не только непонятого, но и уже понятого, что является важным условием развития знания и непрерывности понимания; 4) она устанавливает связь между языком и опытом; 5) она располагает методикой различения правильного и искажающего понимания текстов; 6) поскольку в ходе интерпретации акцент может делаться на разных элементах смысловой структуры, это создает предпосылки к развитию интегративного подхода и правопонимания.

Особенностями герменевтической методологии, обуславливающими необходимость ее ограничений в применении к проблемам общеправовой теории, являются следующие: 1) неразрешимость проблемы психологизма, создающего трудность в поиске объективного значения и смысла текста; 2) принимаемая в рамках данной методологии принципиальная координация объекта и субъекта не позволяет освободиться от субъективизма (авторства); полное устранение субъективного фактора бессмысленно. Хотя в области общественных наук строгое следование стандартам научности не является достаточным условием для развития теории,

тем не менее субъективизм, психологизм в теории неприемлем.

Герменевтическая методология ни в целом, ни в отдельных элементах не является универсальным интеллектуальным инструментарием при обращении, например, к познанию, связанному с различными сферами действия и отраслями права. Так, представляется, что наиболее эффективным может быть применение герменевтической методологии к исследованию в области уголовного права. Она будет способствовать развитию, в частности, теории толкования уголовно-правовых норм, обеспечивающей правильное понимание текстов законов, очищение их от субъективности, выявление заложенных в них широких социальных смыслов. Также существенный познавательный результат может дать применение рассматриваемой методологии в исследовании проблем международного права, а именно оно позволит на основе идейных и организационных принципов и методов раскрывать диалоговый характер международных связей, посредством обращения к языку текстов реконструировать культурно-исторические условия функционирования международного права, рассматривать международное право как форму духовной, культурной жизни стран.

Литература

1. Атарщикова Е.Н. Герменевтика в праве: историко-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук / Е.Н. Атарщикова. СПб., 1999. 400 с.
2. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Э. Бетти. М. : Канон+, 2011. 143 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
4. Золкин А.А. Философия права / А.А. Золкин. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 382 с.
5. История и методология юридической науки / И.Ю. Алексеева [и др.] ; под ред. Ю.А. Денисова, И.Л. Честнова. СПб. : СПб. ИВЭСЭП, 2014. 560 с.
6. Малахов В.П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории / В.П. Малахов, Н.Д. Эриашвили. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2011. 430 с.
7. Малахов В.П. Многообразие методологий современной теории государства и права / В.П. Малахов // История государства и права. 2010. № 6. С. 2–17.
8. Малахов В.П. Философия права и другие юридические дисциплины / В.П. Малахов // Философия права в России: из опыта XX века / отв. ред. В.Г. Графский. М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. 238 с.
9. Малинова И.П. Философия права и юридическая герменевтика / И.П. Малинова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. 173 с.
10. Мамардашвили М.К. Полный курс лекций. Философия Европы. Психологическая топология пути / М.К. Мамардашвили. М. : АСТ, ОГИЗ, 2016. 957 с.
11. Медушевская Н.Ф., Сигалов К.Е. Методологические проблемы правового знания / Н.Ф. Медушевская, К.Е. Сигалов. М. : Граница, 2013. 175 с.
12. Микешина Л.А. Философия науки : Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учебное пособие / Л.А. Микешина. М. : Прогресс-Традиция : МПСИ : Флинта, 2005. 463 с.
13. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме / А.И. Овчинников. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 2002. 285 с.
14. Сигалов К.Е. Методологические принципы познания среды права / К.Е. Сигалов // История государства и права. 2010. № 4. С. 13–16.
15. Философия права: концептуальные основы преподавания в юридических вузах : монография / Л.А. Демина, А.Ю. Огородников, В.И. Пржиленский, В.Е. Семенов ; под ред. Л.А. Деминой. М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. 223 с.

References

1. Atarschikova E.N. Germenevtika v prave: istoriko-pravovoy analiz : dis. ... d-ra yurid. nauk [Hermeneutics in Law: Historical and Legal Analysis : thesis of ... Doctor of Law] / E.N. Atarschikova. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1999. 400 s.
2. Betti E. Germenevtika kak obschaya metodologiya nauk o dukhe [Hermeneutics as the General Methodology of the Geisteswissenschaften] / E.Betti. Moskva : Kanon+ — Moscow : Canon+, 2011. 143 s.
3. Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy' filosofskoy germenevtiki [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics] / H.-G. Gadamer. Moskva : Progress — Moscow : Progress, 1988. 704 s.
4. Zolkin A.L. Filosofiya prava [Philosophy of Law] / A.L. Zolkin. Moskva : YUNITI-DANA — Moscow : UNITY-DANA, 2012. 382 s.
5. Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki [History and Methodology of the Legal Science] / I.Yu. Alekseeva [i dr.] ; pod red. Yu.A. Denisova, I.L. Chestnova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburg IVESEP — I.Yu. Alekseeva [et al.] ; under the editorship of Yu.A. Denisov, I.L. Chestnov. Saint Petersburg : Saint-Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law, 2014. 560 s.
6. Malakhov V.P. Metodologicheskie i mirovozzrencheskie problemy' sovremennoy yuridicheskoy teorii [Methodological and Ideological Problems of the Modern Theory of Law] / V.P. Malakhov, N.D. Eriashvili. Moskva : YUNITI-DANA : Zakon i pravo — Moscow : UNITY-DANA : Law and Justice, 2011. 430 s.
7. Malakhov V.P. Mnogobrazie metodologiy sovremennoy teorii gosudarstva i prava [The Variety of Methodologies of the Modern Theory of State and Law] / V.P. Malakhov // Istoriya gosudarstva i prava — the History of the State and Law, 2010. № 6. S. 2–17.
8. Malakhov V.P. Filosofiya prava i drugie yuridicheskie distsipliny' [Philosophy of Law and Other Legal Disciplines] / V.P. Malakhov // Filosofiya prava v Rossii: iz opy'ta XX veka / otv. red. V.G. Grafskiy. Moskva : Norma : INFRA-M — The Philosophy of Law in Russia: from the Experience of the XX Century / publishing editor V.G. Grafskiy. Moscow : Norm : INFRA-M, 2016. 238 s.
9. Malinova I.P. Filosofiya prava i yuridicheskaya germenevtika [Philosophy of Law and Legal Hermeneutics] / I.P. Malinova. Moskva : Norma : INFRA-M — Moscow : Norm : INFRA-M, 2014. 173 s.
10. Mamardashvili M.K. Polny'y kurs lektsiy. Filosofiya Evropy'. Psikhologicheskaya topologiya puti [Full Course of Lectures. Philosophy of Europe. Psychological Topology of the Way] / M.K. Mamardashvili. Moskva : AST, OGIZ — Moscow : AST, Union of State Books and Periodicals Publishing Houses, 2016. 957 s.
11. Medushevskaya N.F. Sigalov K.E. Metodologicheskie problemy' pravovogo znaniya [Methodological Problems of Legal Knowledge] / N.F. Medushevskaya, K.E. Sigalov. Moskva : Granitsa — Moscow : Border, 2013. 175 s.
12. Mikeskina L.A. Filosofiya nauki : Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kultury'. Metodologiya nauchnogo issledovaniya : uchebnoe posobie [Philosophy of Science : Modern Epistemology. Scientific Knowledge in the Dynamics of Culture. Methodology of Scientific Research : textbook] / L.A. Mikeskina. Moskva : Progress-Traditsiya : MPSI : Flinta — Moscow : Progress-Tradition : Moscow Psychologic-Social Institute : Flinta, 2005. 463 s.
13. Ovchinnikov A.I. Pravovoe my'shlenie v germenevticheskoy paradigme [Legal Thinking in the Hermeneutic Paradigm] / A.I. Ovchinnikov. Rostov-na-Donu : Izd-vo Rostov. un-ta — Rostov-on-Don : publishing house of Rostov University, 2002. 463 s.
14. Sigalov K.E. Metodologicheskie printsipy' poznaniya sredi' prava [Methodological Principles of Cognition of the Sphere of Law] / K.E. Sigalov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2010. № 4. S. 13–16.
15. Filosofiya prava: kontseptualny'e osnovy prepodavaniya v yuridicheskikh vuzakh : monografiya [Philosophy of Law: the Conceptual Foundations of Teaching in Law Schools : monograph] / L.A. Demina, A.Yu. Ogorodnikov, V.I. Przhilenskiy, V.E. Semenov ; pod red. L.A. Deminoy. Moskva : Norma ; INFRA-M — under the editorship of L.A. Demina. Moscow : Norm ; INFRA-M, 2016. 223 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-6-22-27

Государственно-правовые аспекты модели общественного переустройства России Виктора Чернова

*Коновалова Ольга Викторовна,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Сибирского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор исторических наук, доцент
olgav-k@yandex.ru*

В статье рассматриваются государственно-правовые аспекты модели общественного переустройства России идеолога и теоретика партии социалистов-революционеров, министра земледелия во втором и третьем составах Временного правительства, председателя Учредительного собрания России Виктора Михайловича Чернова. В становлении и развитии концептуальных положений эсера выделяются два основных этапа: до революции 1917 г. и в годы последней эмиграции. На первом этапе идеолог эсертства особое внимание уделял разработке правовых аспектов аграрной программы партии. На втором — сосредоточился на обосновании модели «конструктивного» демократического социализма как альтернативы большевистского опыта общественного переустройства. Идеалом Чернова являлась интегральная демократия, предусматривавшая распространение демократических принципов на социально-экономическую сферу и международные отношения.

Ключевые слова: социализм и демократия, социализация земли, партия социалистов-революционеров, В.М. Чернов.

State and Legal Aspects of the Model of Social Rearrangement by Victor Chernov

Konvalova Olga V.

Professor of the Department of Humanitarian and Socioeconomic Disciplines of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Doctor of History

Assistant Professor

The article deals with the state and legal aspects of the model of social reconstruction of Russia ideologist and theorist of the party of socialists-revolutionaries, Minister of agriculture in the second and third structures of the Provisional government, Chairman of the Constituent Assembly of Russia Viktor Mikhailovich Chernov. In the formation and development of the conceptual provisions of the socialist revolutionary stand out two main stages: before the revolution of 1917 and during the last emigration. On the first stage, the ideologist focused attention to the development of the legal aspects of the agrarian program of the party. The next stage he focused on substantiating the model of "constructive" democratic socialism as an alternative to the Bolshevik experience of social reconstruction. Chernov's ideal was the integral democracy, which provided for the spread of democratic principles in the socio-economic sphere and international relations.

Keywords: socialism and democracy, socialization of the earth, the party of socialists-revolutionaries, V.M. Chernov.

Столетний юбилей революции 1917 г. и Гражданской войны в России придал новый импульс в осмыслении драматических страниц истории российского общества и государства. С новых методологических позиций исследователи подходят к изучению возможных альтернатив развития страны. Вновь поднимаются вопросы о состоятельности и

эволюции либеральной модели общественного переустройства. Наряду с этим обращается внимание на тот факт, что по результатам выборов в Учредительное собрание 5 января 1918 г. более 80% россиян, принявших участие в голосовании, высказались за реализацию принципов социальной справедливости, поддержав социалистические пар-

тии. При этом 39,5% голосов получила партия социалистов-революционеров¹. Поэтому весьма актуальным, по нашему мнению, является изучение эсеровской альтернативы большевизму.

Определенное значение в этом контексте имеет исследование позиций идеолога и теоретика партии социалистов-революционеров, министра земледелия Временного правительства, председателя Учредительного собрания Виктора Михайловича Чернова, который не только был активным участником происходивших событий, но и внес существенный вклад в научное изучение особенностей революционного процесса в России².

В конце XX — начале XXI в. заслуженное признание получила его концепция типов капитализма, на основе которой была разработана весьма популярная в свое время в крестьянстве аграрная программа партии эсеров — социализация земли и кооперация. Следует отметить, что один из авторов знаменитого сборника «Вехи», Б.А. Кистяковский, в начале XX в. высоко оценил попытки Чернова подойти к проблеме социализма с правовой точки зрения. Комментируя позицию эсера, он подчеркивал: «...по крайней мере, по отношению к частному вопросу социализации земли установлено значение субъективных публичных прав для социалистического общества»³.

Правовой основой аграрной программы эсеров стала концепция естественного права, восходящая к просветительской традиции XVIII века. В России она получила новый импульс развития в трудах либеральных правоведов — Л.И. Петражицкого, П.И. Новгородцева, Ю.С. Гамбарова. В отличие от классиков, рассматривавших приоритет прав и свобод личности вне исторического контекста и взаимосвязи с обществом, новое направление признавало социальную и историческую обусловленность естественных прав личности⁴. Такая эволюция российско-

го либерализма в направлении признания за личностью не только общегражданских, но и социальных прав оказалась глубоко созвучна народнической традиции, идущей от А.И. Герцена и Н.К. Михайловского, и создавала идейно-теоретические основы для сближения программно-тактических установок либеральных и социалистических партий.

Вместе с тем, в понимании содержательной стороны прав личности между либералами и Черновым имелось принципиальное различие, связанное с отношением к праву частной собственности. Для либералов оно являлось неотъемлемым правом личности, тогда как для Чернова и социалистов — «временным и преходящим явлением, как и все прочие земные явления»⁵. Идеолог эсеровства был убежден, что институт частной собственности на землю не был развит в России и его распространение связано с либеральными преобразованиями Александра II. При проведении крестьянской реформы государство как бы сверху навязывало принципы частной собственности, признав всю землю в имении собственностью помещика и заставив крестьян выкупать свои наделы. При осуществлении аграрной реформы П.А. Столыпина институт частной собственности пытались распространить в общинной среде, тем самым не учитывая реальных правоотношений, сложившихся в крестьянской общине.

Поземельная община в России, был убежден Чернов, не союз частных собственников, как это пыталось представить правительство. Отношение между общиной и ее сочленами носило в большей степени публично-правовой характер, чем частно-правовой. Подобно тому как государство призвано реализовывать и защищать права своих граждан, так и сельская община обеспечивала два вида трудового права: право на труд — возможность общинника использовать участок земли на равных основаниях с другими и право вложенного в землю труда⁶. Право на бесплатное пользование землей Чернов считал неотъемлемым естественным правом личности и в этом усматривал уникальность правоотношений России в отличие от стран Западной Европы.

«Трудовая конституция» в общине ответственности представляла крестьян о

¹ Журавлев В.В. Российский либерализм и Учредительное собрание // История государства и права. 2017. № 19. С. 27.

² См.: Чернов В.М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж—Прага—Нью-Йорк, 1934; Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920 / пер. Е. Каца. М., 2007.

³ Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 158.

⁴ Вечев Я. [Чернов В.М.] Правовые идеи в русской литературе // Вехи как знамение времени. М., 1910. С. 196.

⁵ Чернов В.М. Земля и право. Пг., 1917. С. 165–166.

⁶ Земельный вопрос. Доклады министра земледелия В.М. Чернова Всероссийскому Совету Крестьянских депутатов. Пг., 1917. С. 7.

том, что «земля — Божья, земля — ничья», она принадлежит тому, кто ее обрабатывает. В этом случае, считал Чернов, народное правосознание органически выросло из реальных социально-экономических условий развития страны и могло стать точкой отсчета для построения программно-тактических установок партии. Не случайно провозглашение прав каждого человека на землю являлось краеугольным камнем эсеровской программы социализации земли. В правовом отношении социализация земли была практически построена на «децентрализации» права частной собственности. Согласно программе, право пользования землей должно было стать прерогативой каждого гражданина, а право владения и распоряжения распределялось между различными общественными союзами, органами самоуправления и государством. В этом случае предполагалось, что органы государственной власти становились лишь «регуляторами» общественных отношений, выполняя функции центра, координирующего деятельность органов самоуправления⁷.

Чернов был противником передачи права собственности на землю государству, поскольку видел в этом опасность «величайшей бюрократизации» всех общественных отношений⁸. По его мнению, национализация земли сама по себе не меняет сущности буржуазных отношений — собственником вместо частного лица становится государство, крестьянин при этом превращается в пролетария, арендующего у государства землю. По глубокому убеждению Чернова, расширение принципа самоуправления на область поземельных отношений в духе социализации земли создавало бы механизм, обеспечивающий право каждой личности на землю как главное условие труда. Это, в свою очередь, должно было явиться фундаментом для развития социально ориентированного демократического процесса в России⁹. Таким образом, до 1917 г. на основе синтеза либеральной концепции «естественного права» с идеями «народоправства» Чернову удалось приступить к разработке модели демократического правового социализма. Победа большевиков в Гражданской войне, политический и хозяйственный опыт по строитель-

ству нового общества придали новый импульс для дальнейшей проработки Черновым политико-правовой доктрины «конструктивного» демократического социализма.

Эсер признавал, что отношение социалистов к демократии складывалось не просто. Скептицизм и пренебрежение к разработке политико-правовых вопросов в социалистической среде в конце XIX — начале XX в. обусловлены прежде всего кризисом буржуазного парламентаризма, неспособностью буржуазной демократии решать актуальные социальные вопросы в интересах трудящихся¹⁰. Чернов констатировал, что «не имея возможности проникнуть в сокровенные глубины социальной жизни... демократия стала превращаться в формальную демократию», а лозунги прав и свобод человека — в фикцию¹¹.

Вместе с тем, призывал он, социалистам следует пересмотреть свое отношение к демократии. Демократия не является раз и навсегда заданной системой. Формы демократии «подвержены закону вечного движения, непрерывной, перманентной эволюции». Дальнейшее развитие демократии Чернов видел в распространении ее принципов на социально-экономическую сферу, внедрении ее в «глубины социального бытия народных масс». Создание механизма, позволяющего синтезировать политическую демократию с хозяйственной, производственно-функциональной демократией, связанной с жизнедеятельностью таких общественно-экономических организаций, как кооперация, профсоюзы и т.п., позволит трансформироваться демократии в некую высшую форму интегральной демократии¹².

Модель интегральной демократии Чернова предусматривала не только распространение демократических принципов на социально-экономическую сферу, но и качественную трансформацию форм и содержания политической демократии. «Свобода печати, слова, собраний, союзов, всевозможных политических, экономических и культурных организаций, неприкосновенность и непрерываемость личных и политических прав, деятельное участие каждого индивидуума во всех областях общественной жизни — вот что доро-

⁷ Чернов В.М. Земля и право... С. 158.

⁸ Там же.

⁹ Чернов В.М. Что такое социализация? // Революционная Россия. 1921. № 12–13. С. 18; Он же. Социализация земледелия // Воля России. Прага, 1926. № 1. С. 118.

¹⁰ Чернов В.М. Основные вопросы пролетарского движения. Пг., 1917. С. 183, 192–193.

¹¹ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 11. Л. 132.

¹² Чернов В.М. О демократии и социализме: Тезисы. 2-я половина 1930-х гг. / подгот. О.В. Коновалова // Исторический архив. 2001. № 4. С. 9–10, 6.

го нам в демократии», — писала издаваемая Черновым за границей «Революционная Россия» в 1928 г.¹³

Возникновение государства Чернов, как и марксисты, связывал с появлением классового общества. Вместе с тем он признавал, что основная тенденция исторического развития проявляется в сглаживании классовых антагонизмов, «отмирании» государства как орудия классового господства и возрастании его общественно значимой регулятивной роли. В перспективе все органы местного демократического самоуправления, видоизменившись, должны вступить в государство будущего¹⁴. Государство из юридического суверена превратится в равноправного партнера и арбитра общества. При этом будут расширяться социально ориентированные «всеклассовые функции» государства, оно станет гарантом не только политических прав и свобод граждан, но и их экономических и социальных прав. Предполагалось, что такие процессы будут происходить параллельно с демократизацией форм организации государственной власти и децентрализацией государственного управления.

В этом смысле последующее развитие демократии, считал Чернов, сместит акценты с вопроса о том, кому принадлежит право управления, на рассмотрение внутренней природы самой власти, перенесет центр тяжести с одностороннего упора на власть на взаимное согласование между собой прерогатив власти и гарантии прав и свобод личности. Как показывает опыт большевизма, подчеркивал эсер, сведение демократии к участию во власти приводит к тому, что демократия подменяется системой «самодержавия народа», своеобразной тиранией большинства с фикцией «единой воли народа» и фактически отрицает права и свободы отдельной личности, права меньшинства¹⁵. В этом случае демократия теряет свою ценность и превращается в средство для достижения власти.

Другая опасность кроется для демократии, по мнению Чернова, в попытке перескочить через неподготовленность масс, заменить их неким авангардом, за которым они должны следовать к светлому будущему. Конечно, он не отрицал роль «инициативно-го меньшинства», элиты в руководстве мас-

сами, но это руководство, по его мнению, не должно подменять собой творчество самих масс. «Демократия состоит не только в работе для массы, но и в работе через массу, путем ее поднятия на высший уровень», — подчеркивал эсер¹⁶. Развитие демократического процесса Чернов видел в широком участии народа в политической жизни страны опосредованно — через общественно-политические и экономические организации, непосредственно — через референдумы, инициативы, выборы.

В периодически повторяющихся свободных выборах в органы власти на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и пропорционального представительства Чернов видел проявление основного принципа демократии — выражение воли большинства народа. Демократические выборы позволяют избежать навязывания стране «такого строя, таких распорядков жизни, на которые страна, хотя бы в лице ее большинства, не дала своей контрассигнующей подписи», и гарантируют, чтобы это «контрассигнование... периодически ВОЗОБНОВЛЯЛОСЬ при условии свободы рук, свободы нового выбора»¹⁷. Вместе с тем он подчеркивал, что «весь исторический ход развития демократического режима неразрывно связан с гарантией неприкосновенности... неотчуждаемых прав человека и гражданина... защитой прав меньшинства»¹⁸.

Развитие процессов демократизации и децентрализации на определенном этапе развития общества идут рука об руку — считал Чернов. «Демократия, народоправство, самоуправление означает, — по его мнению, — все более широкую децентрализацию, построение общественности снизу вверх, а не сверху вниз»¹⁹. Развитие демократии по Чернову — рассредоточение властных полномочий, их «черный передел» между центром и периферией, между отдельными ветвями власти. Подобно тому как в экономико-правовой сфере социализация означает рассредоточение права частной собственности между различными социально-экономическими субъектами, в отношениях политических демократизация так же призвана децен-

¹³ Десятилетие Чехословацкой республики // Революционная Россия. 1928. № 69. С. 4–7.

¹⁴ Чернов В.М. Основные вопросы пролетарского движения... С. 103.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 16. Л. 50.

¹⁶ Там же. Л. 47.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 11. Л. 126.

¹⁸ Чернов В.М. О демократии и социализме: Тезисы... С. 6.

¹⁹ Чернов В.М. Анархисты и «Анархисты» // Бюллетень Американской федерации ПСР. 1930. № 2–3. С. 7.

трализовать публично-правовые функции и наряду с государством сделать их носителями территориальные, национальные, производственные автономии²⁰.

Процесс демократизации общественных отношений для Чернова неразрывно связан с реализацией права наций на самоопределение. Оптимальной формой взаимного признания равноправия договаривающихся наций, по мнению Чернова, являются федеративные отношения. Политическим идеалом эсера являлась федеративная демократическая республика с двухпалатным парламентом по образцу Швейцарии, где «мирное сосуществование итальянцев, немцев и французов способствовало их трансформации в единую нацию»²¹. Именно федерация, убежден Виктор Михайлович, представляет собой форму «государственной кооперации национальностей, наименее затрагивающей их независимость и оставляющей в полной мере самостоятельное развертывание всех потенций их национального гения»²².

С демократических позиций он критически относился к большевистскому опыту создания СССР, считая, что провозглашенная свобода республик в условиях жесткой централизации и бюрократизации государственной системы в конце 1920-х гг. носила декларативный характер и ничего общего не имеет с федерализмом. Чернов пророчески заявлял, что демократизация политического строя неизбежно приведет к распаду СССР. В этом случае он считал целесообразным образование на территории бывшего Союза конфедерации независимых государств²³.

Принципы федерализма и демократии имели для Чернова не только узко государ-

ственное значение. Он считал, что развитие демократических процессов во всем мире будет способствовать развитию принципов федерализма на международной арене. Федерализация международных отношений, по его мнению, «позволит включить в цивилизационную орбиту новые страны и народы; гармонизировать мировые тенденции к индивидуализации и национальному самоопределению различных культур и интеграционные процессы между ними»²⁴.

Развитие демократии вглубь — в сферу социально-экономических отношений и вширь — охватывая международный уровень, по глубокому убеждению Чернова, поднимет на новый уровень правовые отношения. Поскольку «демократия есть царство ПРАВА... суверенитет Права». Взаимосвязь демократии и права носит генетический характер, ибо демократия является не чем иным, как способом «умиротворения человечества, нахождения для разрешения всех его внутренних споров, распри и конфликтов нормальных мирных путей: путей ПРАВА». «Суверенитет права — эта душа демократии — исключает суверенитет самодовлеющего произвола и насилия», — писал он²⁵. Развитие демократии будет способствовать мирному разрешению социальных проблем, приведет в конечном итоге к исчезновению кровавых революций и войн, а значит, очеловечиванию человечества.

Итак, сутью модели общественного устройства Чернова являлась интегральная демократия, становление и развитие которой неразрывно связывалось с распространением принципов либерализма на социально-экономическую сферу и международные отношения. В этом плане социализм без демократии и свободы для эсера невозможен. С этих позиций он критически относился к большевистскому опыту модернизации страны и не считал общественный строй в СССР социалистическим.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 16. Л. 51, 52.

²¹ Чернов В. Народность, национальность, нация // Революционная Россия. 1929. № 79. С. 8–10. См. также: Протоколы первого съезда ПСР // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1907 гг. М., 1996. С. 405.

²² Чернов В.М. Марксизм и славянство (к вопросу о внешней политике социализма). Пг., 1917. С. 90.

²³ Платформа Социалистической лиги нового Востока // Революционная Россия. 1927. № 59–60. С. 20.

²⁴ Чернов В.М. Марксизм и славянство... С. 90, 97.

²⁵ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 11. Л. 127, 126.

Литература

1. Вечев Я. [Чернов В.М.] Правовые идеи в русской литературе // Вехи как знамение времени. М.: Звено, 1910. 353 с.
2. Журавлев В.В. Российский либерализм и Учредительное собрание / В.В. Журавлев // История государства и права. 2017. № 19. С. 26–33.
3. Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 141–159.
4. Коновалова О.В. Чернов о демократии и социализме: Тезисы. 2-я половина 1930-х гг. / О.В. Коновалова // Исторический архив. 2001. № 4. С. 3–5.
5. Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920 / пер. Е. Каца. М.: Центрполиграф, 2007. 430 с.
6. Чернов В. Народность, национальность, нация / В.М. Чернов // Революционная Россия. 1929. № 79. С. 8–10.

7. Чернов В.М. Земля и право : сборник статей / В.М. Чернов. Петроград : Тип. П.П. Сойкина, 1917. 240 с.
8. Чернов В.М. Анархисты и «Анархисты» // Бюллетень Американской федерации ПСР. 1930. № 2–3. С. 5–8.
9. Чернов В.М. Марксизм и славянство (к вопросу о внешней политике социализма) / В.М. Чернов. Петроград : Тип. Центр. ком. партии социалистов-революционеров, 1917. 102 с.
10. Чернов В.М. Основные вопросы пролетарского движения / В.М. Чернов // Собрание сочинений Виктора Чернова. Вып. 1–2. Петроград : Партия социалистов-революционеров ; Петрогр. изд. комис., 1917–1918. Вып. 2. 1918. 283 с.
11. Чернов В.М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж–Прага–Нью-Йорк : Юбилейный комитет по изданию трудов В.М. Чернова, 1934. 446 с.
12. Чернов В.М. Социализация земледелия / В.М. Чернов // Воля России. 1926. № 1. С. 118.
13. Чернов В.М. Что такое социализация? / В.М. Чернов // Революционная Россия. 1921. № 12–13. С. 18.

References

1. Vechev Ya. [Chernov V.M.] Pravovy'e idei v russkoy literature [Legal Ideas in the Russian Literature] // Vekhi kak znameniy vremeni. Moskva : Zveno — Milestones as the Sign of Time. Moscow : Link, 1910. 353 s.
2. Zhuravlev V.V. Rossiyskiy liberalism i Uchreditelnoe sobranie [The Russian Liberalism and the Constituent Assembly] / V.V. Zhuravlev // Istoriya gosudarstva i prava — the History of State and Law. 2017. № 19. S. 26–33.
3. Kistyakovskiy B.A. Gosudarstvo pravovoe i sotsialisticheskoe [The Legal and Socialist State] // Voprosy' filosofii — Issues of Philosophy. 1990. № 6. S. 141–159.
4. Konovalova O.V. Chernov o demokratii i sotsializme : Tezisy'. 2-ya polovina 1930-kh gg. [Chernov on Democracy and Socialism: Theses. 2nd half of 1930's] / O.V. Konovalova // Istoricheskiy arkhiv — Historical Archive. 2001. № 4. S. 3–5.
5. Chernov V. Velikaya russkaya revolyutsiya. Vospominaniya predsedatelya Uchreditelnogo sobraniya. 1905–1920 [The Great Russian Revolution. Memoirs of the Chairman of the Constituent Assembly. 1905 to 1920] / per. E. Katsa. Moskva : Tsentrpoligraf — translated by E. Kats. Moscow : Centerpolygraph, 2007. 430 s.
6. Chernov V. Narodnost, natsionalnost, natsiya [Folk, Nationality, Nation] / V.M. Chernov // Revolyutsionnaya Rossiya — Revolutionary Russia. 1929. № 79. S. 8–10.
7. Chernov V.M. Zemlya i pravo : sbornik statey [Earth and Law : Collection of Articles] / V.M. Chernov. Petrograd : Tip. P.P. Soykina — Petrograd : printing office of P.P. Soykin, 1917. 240 s.
8. Chernov V.M. Anarkhisty' i "Anarkhisty'" [Anarchists and "Anarchists"] // Byulleten Amerikanskoy federatsii PSR — Bulletin of the American Federation of SRP. 1930. № 2–3. S. 5–8.
9. Chernov V.M. Marksizm i slavyanstvo (k voprosu o vneshney politiki sotsializma) [Marxism and Slavdom (on the Issue of the Foreign Policy of Socialism)] / V.M. Chernov. Petrograd : Tip. Tsentr. kom. partii sotsialistov-revolutsionerov — Petrograd : printing center of the socialist-revolutionary party committee, 1917. 102 s.
10. Chernov V.M. Osnovny'e voprosy' proletarskogo dvizheniya [The Main Issues of the Proletarian Movement] / V.M. Chernov // Sobraniye sochineniy Viktora Chernova. Vy'p. 1–2. Petrograd : Partiya sotsialistov-revolutsionerov ; Petrogr. izd. komis., 1917–1918. Vy'p. 2 — Collection of Works of Viktor Chernov. Issue 1–2. Petrograd : socialist-revolutionary party ; Publisher's commission of Petrograd, 1917–1918. Issue 2. 1918. 283 s.
11. Chernov V.M. Rozhdenie revolyutsionnoy Rossii (Fevralskaya revolyutsiya) [The Birth of Revolutionary Russia (February Revolution)]. Parizh–Praga–Nyu-York : Yubileyny'y komitet po izdaniyu trudov V.M. Chernova — Paris–Prague–New York : Jubilee Publishing Committee for the Works of V.M. Chernov, 1934. 466 s.
12. Chernov V.M. Sotsializatsiya zemledeliya [Socialization of Agriculture] / V.M. Chernov // Volya Rossii — Russia's Freedom. 1926. № 1. S. 118.
13. Chernov V.M. Chto takoe sotsializatsiya? [What Is Socialization?] / V.M. Chernov // Revolyutsionnaya Rossiya — Revolutionary Russia. 1921. № 12–13. S. 18.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-6-28-33

Богословско-правовой аспект классификации государственных режимов древнеславянских государств

*Серегин Андрей Викторович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Южного федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
andrei-seregin@rambler.ru*

Статья посвящена анализу государственно-правовых режимов средневековых славянских держав сквозь призму религиозной идеологии и юридического статуса населения различных сословий. На основе этого автор рассмотрел языческий эгалитаризм, а также исламский и христианский элитаризм.

Ключевые слова: средневековье, славяне, государственно-правовой режим, религия, юридическая славистика, политика.

Theological and Legal Aspect of Classification of State Regimes of the Ancient Slavic States

*Seregin Andrey V.
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State
and Law of the Southern Federal University
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

The article is devoted to analysis of state legal regimes of medieval Slavic Nations, through the prism of religious ideology and the legal status of different population classes. Based on this, the author has considered pagan egalitarianism and Islamic and Christian elitism.

Keywords: middle ages, the Slavs, the state legal regime, religion, legal studies, politics.

Исследование формы средневековых славянских государств исключительно через призму формы правления и государственно-территориального устройства не отражает всей полноты изучаемого явления. Сфере познания значительно обогащает рассмотрение категории «государственно-правовой режим», под которым необходимо понимать не только совокупность средств и методов осуществления государственной власти¹, но и характер их закрепления в праве в рамках и на основе соответствующей государственной идеологии, правового сознания и юридического мышления народа. Но не все характеристики современного понимания государственно-правового режима применимы для анализа средневековой государственности, например нельзя говорить о свободе средств массовой информации, которых не

было, но допускалось применение кровной мести². Поэтому, в отличие от упрощенного политико-юридического учения дуализма, говорящего о демократии и антидемократической власти, государственно-правовые режимы средневековья в зависимости от утвердившейся в качестве официальной религиозно-идеологической доктрины целесообразно разделять на христианские, исламские и языческие. Причем в зависимости от конфессиональной принадлежности христианские режимы необходимо градировать на католические, православные, протестантские и еретические, а исламские на суннитские и шиитские.

Особо следует подчеркнуть, что к IV в. н.э. в Александрии зародилась арианская ересь

¹ Киреева С.А. Политический режим как элемент формы государства (Теоретико-правовые исследования): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 1997. С. 9.

² Мельников В.Ю., Серегин А.В. Кровная месть как особенность государственно-правового режима языческой Руси и других древнеславянских княжеств в сравнении с германскими средневековыми обычаями // История государства и права. 2017. № 10. С. 19–24.

христианства, исходящая из тварной сущности Христа и его подобосущности, а не единосущности Бога Отца. Несмотря на осуждение этого учения ортодоксальной (никийской)³ церковью, оно было воспринято германцами и признано государственной религией варварских королевств остготов, вестготов, вандалов и бургундов. В арианских государствах, например у вандалов, нередко церковь возглавлялась королями, так же как это в последующем будет в протестантском обществе. Провинции бывшей Западной Римской империи «варваризировались», а варварские народы «романизировались». Например, Стилихон (359–408 гг. н.э.), главнокомандующий римскими легионами Западной империи, признанный ее спасителем от полчищ германских племен, по линии отца был вандалом⁴, служившим наемником в армии цезарей. Исторические известия о принятии арианского вероисповедания славянскими племенами отсутствуют, за исключением рутенов (ругов), населявших провинцию Норик в конце V — начале VI в. н.э., имевших своих королей и терпимо относившихся как к католикам, так и к язычникам, при сохранении древнего правила, разрешавшего им жениться только на женщинах своего племени⁵. Вероятно, это объясняется тем, что в Византии арианство было разгромлено к 70-м гг. V в. н.э., апогеем победы ортодоксальной церкви явилось убийство в 471 г. магистра армии Флавия Ардавура Аспара, арианина по вероисповеданию. Среди болгар, сербов и жителей боснийских земель и Герцеговины начиная с IX в. особое влияние приобрело богомилство, отвергающее частную собственность, святость воскресных дней, поклонение мощам, запрещающее любое пролитие крови (включая службу в армии), не признающее Ветхий Завет, церковную иерархию, литургию, иконопочитание, культ святых и призывающее восстановить братские отношения первых христианских общин⁶.

Богомилы оказали существенное влияние на развитие богословских учений катар, паттернов и альбигойцев. Богомилы были анархистами и нигилистами средневековой эпохи. А.В. Мень предположил, что русские волхвы, поднявшие восстание в 1071 г., являлись не простыми язычниками и магами, а дуалистами богомилами, прекрасно владеющими знаниями христианской апокрифической литературы⁷. Принципы формального равенства, примата закона и ответственности монаршей власти были выработаны чешским гуситским религиозно-политическим движением XV столетия, ставшим, по мнению французского слависта Эрнеста Дени, предтечей немецкой реформации и лютеранства⁸. Предшественники Яна Гуса (1369–1415 гг.) — чешские просветители: Ян Милич (Иоан Миличий из Кромержижа — ок. 1320–1325 гг. — 1377), Матей из Янова (1350–1393 гг.) и Томаш Штитный (1333 — ок. 1401–1409 гг.) способствовали литературной популяризации, а также укреплению государственного статуса чешского языка и его распространению в качестве официального в делопроизводстве чешского королевства. Гуситы считали недопустимой продажу духовных должностей и взимание платы за церковные таинства католиками, ими поднимался вопрос о принадлежности частной собственности справедливым хозяевам, а также утверждался догмат о равенстве клира и прихожан во время причастия, которое они совершали из одной чаши. Причастие из одной чаши роднит гуситов с греко-кафолическими обрядовыми традициями⁹.

Католицизм исходит из примата власти духовной (церкви) над светской (королевской, княжеской и т.д.)¹⁰. Причем подданные могут освободиться от присяги своему суверену, если государь переходит в еретичество и перестает подчиняться Папе Римскому. Под влиянием германского ленного права

³ Хизер Питер. Восстановление Римской империи. Реформаторы Церкви и претенденты на власть / пер. с англ. Л.А. Карповой. М.: Изд-во «Центрполиграф», 2015. С. 85.

⁴ Хьюджес Йен Стилихон. Вандал, который спас Рим. М.: Изд-во «Клио», 2016. С. 44.

⁵ Житие Святого Северина. С приложением оригинального латинского текста / пер. с лат., вступ. ст., коммент. А.И. Донченко. СПб.: Алетейя, 1998 (Серия «Античное христианство»). С. 128.

⁶ Пресвитер Козьма Беседа о новоявленной ереси Богомила // Родник златоструйный: памятники болгарской литературы IX–XVIII веков: сборник /

пер. с болг. и сост. И. Калиганова и Д. Польшяного; предисл. И. Калиганова; коммент. и статьи к разделам Д. Польшяного. М.: Худ. лит., 1990. С. 248.

⁷ Мень А.В. Библия и апокрифы древности и средневековья. URL: <http://krotov.info/library/13/myen/00049.html> (дата обращения: 25.03.2018).

⁸ Дени Эрнест Гус и гуситские войны. М.: Изд-во «Клио», 2016. С. 10–40.

⁹ Протоирей Митрофан Зноско-Боровский. Православие, римо-католичество, протестантизм и сектанство. Сравнительное богословие. М.: Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 63.

¹⁰ Аквинский Ф. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе, VI–XVII вв. Л.: Наука, 1990. С. 246.

в латинской церкви появился институт *частного храма (Eigenkirche)*, в соответствии с которым приходы и епископские кафедры передавались не только по наследству, но и продавались или обменивались в частных интересах. Епископы являлись крупными феодалами, получавшими земельные наделы от светских сеньоров, которым они обязаны были личной военной службой в сопровождении своих вассалов¹¹.

Православная традиция стоит на позиции «симфонии властей»¹², закрепленной 6-й новеллой императора Юстиниана, в следующей форме: «Величайшие блага, дарованные людям высшей благодатью Божией, суть священство и царство, из которых первое (священство, церковная власть) заботится о божественных делах, а второе (царство, государственная власть) руководит и заботится о человеческих делах, а оба, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни. Поэтому ничто не лежит так на сердце царей, как честь священнослужителей, которые со своей стороны служат им, молясь непрестанно за них Богу. И если священство будет во всем благоустроено и угодно Богу, а государственная власть будет по правде управлять вверенным ей государством, то будет полное согласие между ними во всем, что служит на пользу и благо человеческого рода. Поэтому мы прилагаем величайшее старание к охранению истинных догматов Божиих и чести священства, надеясь получить чрез это великие блага от Бога и крепко держать те, которые имеем»¹³.

С точки зрения протестантизма светские правители являются главами и защитниками своих церквей. Католицизм не допускает богослужения на иных языках, кроме трех: латыни, греческом и иврите. Православие разрешает славянским народам использовать свой язык для служения Богу. В католицизме решения Папы Римского есть абсолютная истина, ибо он безгрешен; а в православии истина принадлежит Богу и патриарх может ошибаться, поэтому соборные решения важнее единоличных. Средневековая римская церковь следовала элитарному порядку фор-

мирования духовного сословия, в котором кардиналы-епископы наделялись правом избирать своего понтифика¹⁴, в то время как восточно-византийская традиция допускала избрание на церковные кафедры мирян. При христианизации балтийских славян католическая церковь использовала расистский подход, в соответствии с которым клириками в земли вагров, поморян, руян, лютичей и т.д. назначались представители лишь германских народов. Западные епископы смотрели на неофитов не как на возлюбленных братьев во Христе, а считали их своими слугами, не заслуживающими равных прав с «благородными» франками и саксами¹⁵.

Великая «схизма» 1054 г., разделившая христианский мир на католический и греко-православный, не в последнюю очередь связана с религиозными посланиями архиепископа Льва Охридского (Болгарского) архиепископу Транийскому, изобличающими ереси латинского богословия и богослужения. Но главная проблема внутрехристианского религиозного противостояния определялась борьбой за паству, власть и доходы. В христианском средневековом мире делались неоднократные попытки преодолеть церковный раскол, на основе унии (союза греческих и латинских церквей), при условии сохранения особенностей восточного богослужения и экклезиологии (самобытной церковной организации) в рамках принципа *икономии (домостроительства)*, но с признанием верховенства Папы Римского: так, в 1274 г. была заключена Лионская уния; в 1439 г. — Ферраро-Флорентийская уния. Униатские идеи занимали важное место в религиозно-правовой политике Речи Посполитой: безуспешно Поместный собор Русской православной церкви для воссоединения ее с папским священным престолом при поддержке митрополита Киевского Киприана (1390–1406 гг.) пытался созвать король Ягайло (1386–1444 гг.); проблемы унии на Соборе 1418 г. в городе Констанце с папой Мартином V (1417–1431 гг.) обсуждал не канонический Киевский митрополит Григорий Цамблак (1365–1419 гг.), и только в 1596 г. в городе Бресте ряд православных священников

¹¹ Величко А.М. Византийская симфония. М.: Вече, 2013. С. 242.

¹² Салтыкова С.А. Реализация православного идеала «симфонии» церкви и царства: византийская и русская исторические формы церковно-государственных отношений // История государства и права. 2009. № 20. С. 13–16.

¹³ Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л.А. Кофанов. М.: Статут, 2002. Т. 1: Книги I–IV. С. 114–117.

¹⁴ Декрет о папских выборах 1059 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. / отв. ред. д.ю.н., проф. Н.А. Крашенинникова. Т. 1: Древний мир и Средние века / сост. О.А. Лысенко, Е.Н. Трикоз. М.: Норма, 2003. С. 718–720.

¹⁵ Гильфердинг А.Ф. Когда Европа была нашей: история балтийских славян. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. С. 126–127.

приняли Берестейскую церковную унию. Этот союз был признан не всем православным духовенством, его не поддержала значительная часть прихожан, что лишь обострило религиозные противоречия, ибо католики считали униатов неправильными христианами, а православные рассматривали их в качестве предателей веры отцов.

Мусульманский государственно-правовой режим, так же как и христианский, имеет несколько разновидностей. В процессе борьбы за власть в халифате уже в первые десятилетия существования ислама в нем произошли расколы и определилось несколько крупных направлений. Сунниты утверждают, что халиф избран общиной или ее представителями. Шииты признают законными халифами только четвертого халифа Али (родственника Мухаммеда) и его прямых потомков, считают их власть божественным установлением и отстаивают принцип передачи власти по наследству.

Все христианские государственно-правовые режимы императивно закрепляют многоамные семейные отношения, а исламские и языческие — полигамные. В 1232 году Папа Григорий IX запретил католичкам выходить замуж за православных¹⁶. Это усилило религиозное отторжение и обострило духовно-политическое противостояние между латинянами и приверженцами греко-кафолического вероисповедания. Особо стоит отметить, что в православных Сербии, Болгарии и России, начиная с XIII в., в течение всего средневековья применялся Номоканон (кормчая книга), являвшийся обширнейшим кодексом церковного и гражданского права

(например, Закон градский)¹⁷. Его использование позволяло унифицировать право в рамках формирующейся восточно-христианской цивилизации и правовой системы.

Славянское (языческое) политеистическое вероисповедание имело этнонациональный общинно-уравнительный идеологический аспект, тесно связанный с семейными и родовыми отношениями догосударственной эпохи. Весьма вероятно, что у вагров был особый бог правды (права) — Прове¹⁸, отвечавший за правосудие. Почитание всеми славянскими народами в качестве сакральных мест рек, дубрав, священных рош, камней, заливов, озер и т.д. устанавливало табу на их загрязнение и уничтожение, что с точки зрения современного юридического языка может быть названо принципом экологичности. В отличие от христианского и исламского духовенства славянские жрецы (волхвы и кудесники) не освобождались от мирской жизни, а, напротив, занимались торговлей, ремеслом, земледелием и ратным делом, что не отчуждало, а объединяло особое духовное сословие со своим народом. Следовательно, анализируя правовой статус населения средневековых государств, исходя из степени равноправия или неравенства тех или иных социальных групп, логично вести речь об эгалитарных и элитарных государственно-правовых режимах, в которых в неодинаковой степени, зачастую совершенно с различной направленностью используются методы как убеждения, так и принуждения.

Таким образом, для успешного изучения государственно-правового режима средневековых государств необходимо различать его религиозные разновидности, такие как христианский (католический, православный и протестантский), исламский (шиитский или суннитский) и языческий государственно-правовой режим; а также рассматривать его эгалитарный и элитаристский типы.

¹⁶ Послание Папы Григория IX, къ нѣкоторымъ духовнымъ особамъ Польскимъ, о запрещеніи браковъ между Католичками и Русскими, которые ихъ перекрещиваютъ въ свою вѣру 1232 г. // Акты историческіе, относящіяся къ Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библиотекъ Д. Ст. Сов. А.И. Тургеневымъ. Томъ I: Выписки изъ Ватиканскаго тайнаго архива и изъ другихъ римскихъ библиотекъ и архивовъ, съ 1075 по 1584 годъ. Санкт-Петербургъ: Въ типографіи Эдуарда Праца, 1841. С. 31.

¹⁷ Кормчая (номоканонъ). Напечатана съ оригинала патріарха Іосифа. М. : Журналъ «Церковь», 1913. С. 923–1100.

¹⁸ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 176.

Литература

1. Аквинский Ф. О правлении государей / Ф. Аквинский // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе. VI–XVII вв. Л. : Наука, 1990. 250 с.
2. Величко А.М. Византийская симфония / А.М. Величко. М. : Вече, 2013. 388 с.
3. Гильфердинг А.Ф. Когда Европа была нашей: история балтийских славян / А.Ф. Гильфердинг. М. : Эксмо : Алгоритм, 2010. 320 с.
4. Декрет о папских выборах 1059 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : в 2 т. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. Т. 1: Древний мир и Средние века / сост. О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз. М. : Норма, 2003. С. 718–720.
5. Дени Э. Гус и гуситские войны / Э. Дени. М. : Клио, 2016. 424 с.

6. Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л.Л. Кофанов. М. : Статут, 2002. Т. 1: Кн. I–IV. 584 с.
7. Житие Святого Северина. С приложением оригинального латинского текста / пер. с лат., вступ. ст., коммент. А.И. Донченко. СПб. : Алетейя, 1998. 384 с. (Серия «Античное христианство»).
8. Киреева С.А. Политический режим как элемент формы государства. (Теоретико-правовые исследования) : дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Киреева. Саратов, 1997. 254 с.
9. Кормчал (номоканонъ). Напечатана съ оригинала патрiарха Иосифа. М. : Журналъ «Церковь», 1913. 1481 с.
10. Мельников В.Ю. Кровная месть как особенность государственно-правового режима языческой Руси и других древнеславянских княжеств в сравнении с германскими средневековыми обычаями / В.Ю. Мельников, А.В. Серегин // История государства и права. 2017. № 10. С. 19–24.
11. Мень А.В. Библия и апокрифы древности и средневековья. URL: http://krotov.info/library/13_m/myen/00049.html (дата обращения: 25.03.2018).
12. Послание Папы Григория IX, къ нѣкоторымъ духовнымъ особамъ Польскимъ, о запрещеніи браковъ между Католичками и Русскими, которые ихъ перекрещиваютъ въ свою вѣру 1232 г. // Акты историческіе, относящіяся къ Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ Д. Ст. Сов. А.И. Тургеневымъ. Т. I: Выписки изъ Ватиканскаго тайнаго архива и изъ другихъ римскихъ библіотекъ и архивовъ, съ 1075 по 1584 годъ. Санкт-Петербургъ : Въ типографіи Эдуарда Праца, 1841. 436 с.
13. Пресвитер Козьма Беседа о новоявленной ереси Богомила // Родникъ златоструйный : памятники болгарской литературы IX–XVIII веков : сборникъ / пер. с болг. и сост. И. Калиганова и Д. Польвяного ; предисл. И. Калиганова ; коммент. и статьи к разделамъ Д. Польвяного. М. : Худ. лит., 1990. 527 с.
14. Протоирей Митрофан Зноско-Боровский. Православие, римо-католичество, протестантизм и сектанство. Сравнительное богословие. М. : Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. 864 с.
15. Салтыкова С.А. Реализация православного идеала «симфонии» церкви и царства: византийская и русская исторические формы церковно-государственных отношений / С.А. Салтыкова // История государства и права. 2009. № 20. С. 13–16.
16. Хизер Питер. Восстановление Римской империи. Реформаторы Церкви и претенденты на власть / Питер Хизер ; пер. с англ. Л.А. Карповой. М. : Центрполиграф, 2015. 575 с.
17. Хьюджес Йен. Стилюхон: Вандал, который спас Рим / Йен Хьюджес. М. : Клио, 2016. 352 с.

References

1. Aquinas Th. O pravlenii gosudarey [On the Government of Rulers] / Th. Aquinas // Politicheskie struktury' epochi feodalizma v Zapadnoy Evrope. VI–XVII vv. Leningrad : Nauka — Political Formations of the Feudalism Epoch in the Western Europe of the VI to the XVII Centuries. Leningrad : Science, 1990. 250 s.
2. Velichko A. M. Vizantiyskaya simfoniya [Byzantine Symphony] / A.M. Velichko. Moskva : Veche — Moscow : Veche, 2013. 388 s.
3. Gilferding A.F. Kogda Evropa by'la nashey: istoriya baltiyskikh slavyan [When Europe was Our: History of the Baltic Slavs] / A.F. Gilferding. Moskva : Eksmo : Algoritm — Moscow : Eksmo : Algoritm, 2010. 320 s.
4. Dekret o papskikh vy'borakh 1059 g. [Decree on Papal Elections of 1059] // Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran : v 2 t. / otv. red. N.A. Krashennikova. T. 1: Drevniy mir i Srednie veka / sost. O.L. Ly'senko, E.N. Trikoz. Moskva : Norma — Anthology of the Foreign Countries' History of State and Law : in 2 vol. / publishing editor N.A. Krashennikova. Vol. 1: Ancient World and Middle Ages / author O.L. Ly'senko, E.N. Trikoz. Moscow : Norm, 2003. S. 718–720.
5. Denis E. Gus i gusistskie voyny' [Huss and the Hussite Wars] / E. Denis. Moskva : Klio — Moscow : Clio, 2016. 424 s.
6. Digesty' Justiniana [Digest of Justinian] / otv. red. L.L. Kofanov. Moskva : Statut, 2002. T. 1: Kn. I–IV — publishing editor L.L. Kofanov. Moscow : Statute, 2002. Vol. 1: Books I–IV. 584 s.
7. Zhitie Svyatogo Severina. S prilozheniem originalnogo latinskogo teksta [Life of St. Severin. With the Original Latin Text Appended] / per. s lat., vstup. st., comment. A.I. Donchenko. Sankt-Peterburg : Aleteyya (Seriya "Antichnoe khristianstvo") — translated from Latin, foreword, and remarks by A.I. Donchenko. Saint Petersburg : Aleteyya (Series : Ancient Christianity), 1998. 384 s.
8. Kireeva S.A. Politicheskii rezhim kak element formy' gosudarstva. (Teoretiko-pravovy'e issledovaniya) : dis. ... kand. jurid. nauk [Political Regime as an Element of State Form. (Theoretical and Legal Research) : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / S.A. Kireeva. Saratov — Saratov, 1997. 254 s.
9. Kormchaya (nomokanon). Napечатana s originala patriarkha Iosifa. [The Book of the Helmsman (Nomocanon). Reprinted from the Original of Patriarch Joseph]. Moskva : Zhurnal "Tserkov" — Moscow : Church Journal, 1913. 1481 s.
10. Melnikov V.Yu. Krovnyaya mest kak osobennost gosudarstvenno-pravovogo rezhima yazy'cheskoy Rusi i drugih drevneslavyanskikh knyazhestv v sravnenii s germanskimi srednevekovy'mi oby'chayami [Blood Vengeance as a Feature of the State and Legal Regime of Pagan Rus and Other Ancient Slavic Principalities in Comparison with the German Medieval Customs] / V.Yu. Melnikov, A.V. Seregin // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 10. S. 19–24.
11. Men A.V. Bibliya i apokryfy' drevnosti i srednevekovyia [The Bible and Apocryphas of the Ancient and Middle Ages]. URL: http://krotov.info/library/13_m/myen/00049.html (data obrascheniya : 25.03.2018 — accessed : March 25, 2018).
12. Poslanie Papy' Grigoriya IX, k nekotory'm dukhovny'm osobam Polskim, o zapreschenii brakov mezhdu Katoliczkami i Russkimi, kotory'e ikh perekreschivayut v svoju veru 1232 g. [The Letter from Pope Gregory IX, to Some Spiritual Persons of Poland, on the Prohibition of Marriages Between the Catholics and Russians, Who Convert Them into Their Own Religion of 1232] // Akty' istoricheskie, otnosyashchiesya k Rossii, izvlecheny'e iz inostranny'kh arkhivov i bibliotek D. St. Sov. A.I. Turgenev'm. T. 1: Vy'piski iz Vatikanskogo taynago arkhiva i iz drugih rimskikh bibliotek i arkhivov, s 1075 po 1584 god. Sankt-Peterburg : V tipografii Eduarda Pratsa — Historical Documents, Related to Russia, Retrieved from the Foreign Archives and Libraries by the Actual State Councillor A.I. Turgenev. Vol. 1: Abstracts from the Vatican

- Secret Archive and from Other Roman Libraries and Archives, from 1075 to 1584. Saint Petersburg : In the printing office of Eduard Pratz, 1841. 436 s.
13. Presviter Kozma Beseda o novoyavlennoy eresi Bogomila [Cosmas the Priest Conversation about the Newly Revealed Heresy of Bogomil] // Rodnik zlatostruyny'y : pamyatniki bolgarskoy literatury' IX–XVIII vekov : sbornik / per. s bolg. i sost. I. Kaliganova i D. Poly'vyanogo ; predisl. I Kaliganova ; comment. i stati k razdelam D. Poly'vyanogo. Moskva : Khud. lit — Golden Stream Spring : Monuments of the Bulgarian Literature of the IX to the XVIII Centuries : collection / translated from Bulgarian and compiled by I. Kaliganov and D. Poly'vyany'y ; foreword by I. Kaliganov ; comments and articles to the chapters by D. Poly'vyany'y. Moscow : Belles-Lettres, 1990. 527 s.
  14. Protoirey Mitrofan Znosko-Borovskiy. Pravoslavie, rimo-katolichestvo, protestantizm i sektantstvo. Sravnitelnoe bogoslovie [Orthodoxy, Roman Catholicism, Protestantism and Sectarianism. Comparative Theology]. Moskva : Izdanie Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry' — Moscow : Publishing house of the Trinity Lavra of St. Sergius, 1992. 864 s.
  15. Salty'kova S.A. Realizatsiya pravoslavnogo ideala "simfonii" tserkvi i tsarstva: vizantiyskaya i russkaya istoricheskie formy' tserkovno-gosudarstvenny'kh otnosheniy [Realization of the Orthodox Ideal of the "Symphony" of the Church and the Tsardom: Byzantine and Russian Historical Forms of the Church-State Relations] / S.A. Salty'kova // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2009. № 20. S. 13–16.
  16. Heather Peter. Vosstanovlenie Rimskoy imperii. Reformatory' Tserkvi i pretendenty' na vlast [The Restoration of Rome: Barbarian Popes and Imperial Pretenders] / Peter Heather ; per. s angl. L.A. Karpovoy. Moskva : Tsentrpoligraf — translated from English by L.A. Karpova. Moscow : Centerpolygraph, 2015. 575 s.
  17. Hughes Ian. Stilicho: Vandal, kotory'y spas Rim [Stilicho: The Vandal who saved Rome] / Ian Hughes. Moskva : Klio — Moscow : Clio, 2016. 352 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-6-33-37

Принципы правового государства в статике и динамике

*Краснов Эдуард Владимирович,
ассистент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета
adickkrasnov@yandex.ru*

Данная научная статья посвящена исследованию принципов правового государства в статике и динамике с точки зрения правовых категорий «статика» и «динамика». Актуальность темы обусловлена тем, что Российское государство, будучи правовым, должно опираться на основные начала, присущие государствам подобного типа, однако в настоящее время наблюдается некая хаотичность и отсутствие системы построения принципов правового государства. Предпринимается попытка выработать определение понятий «принципы правового государства» и «принципы правового государства в динамике». Также в статье рассматриваются и приводятся мнения различных отечественных ученых о принципах правового государства. Научная новизна состоит в том, что производится попытка некой систематизации принципов правового государства посредством их классификации на принципы в статике и принципы в динамике.

Ключевые слова: правовое государство, принципы правового государства, принципы правового государства в статике, принципы правового государства в динамике.

Static and Dynamic Principles of a Law-Governed State

*Krasnov Eduard V.
Teaching Assistant of the Department of Theory and History of State and Law
of the Kazan (Volga Region) Federal University*

This scientific article is devoted to a research of the principles of the legal state from the point of view of legal categories "statics" and "dynamics". The relevance of a subject is presented that the Russian State, being legal, has to lean on the main beginnings inherent in the states of this kind, however a certain randomness and lack of system of creation of the principles of the legal state is observed now. An attempt to develop definition of the concepts "principles of the legal state" and "principles of the legal state in dynamics" is made. Also, in article opinions of various domestic scientists on the principles of the legal state are considered and given. The scientific novelty consists that the attempt of a certain systematization of the principles of the legal state by means of their classification on the principles in a statics and the principles in dynamics is made.

Keywords: legal state, principles of the legal state, principles of the legal state in statics, principles of the legal state in dynamics.

Говоря о принципах правового государства и их делении, прежде всего необходимо определиться с пониманием того, что представляет собой категория «правовое государство». В настоящее время наблюдается большое количество концепций правового государства. Так, В.В. Старчикова в своей диссертации выделяет такие концепции, как: этатическая, естественно-правовая, либерально-демократическая, идеократическая и социологическая¹. Автор данной статьи будет придерживаться социологической концепции, согласно которой рассматривается социально-правовое государство.

Переходя к понятию «принципы правового государства», стоит отметить, что в настоящее время наблюдается большое количество трактовок данного правового явления. Общим среди всех них является то, что принципы правового государства — это наиболее сущностно-общие начала производства государственной власти в рамках достижения построения справедливого и ориентированного на развитие человека и его прав, а также на обеспечение свободы общества.

Исходя из данной трактовки, представляется очень важной задачей определить основные принципы правового государства и в последующем постараться отнести их к принципам правового государства в статике и принципам правового государства в динамике.

Говоря о статике и динамике, необходимо отметить, что деление права и его составных частей на данные категории наблюдается в ряде современных работ. Следует упомянуть, что представители казанской школы права определяют право в статике как относительно самостоятельный регулятивный институт или статическую нормативную структуру, которая создается специально уполномоченным субъектом правотворчества абстрактно-общих норм и существует в качестве формально-определенной потенциальной возможности, объективно, независимо от сознания и психики человека и даже от реалий регулируемой практики, в виде текстов-документов, наполненных смыслом-содержанием².

¹ Старчикова В.В. *Общественный контроль в правовом государстве* : дис. ... канд. юрид. наук / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. М., 2014. С. 28–34.

² Погодин А.В. *Элементы теории правореализации* : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань : КФУ, 2013. С. 45.

Под динамикой понимается конкретизация индивидуально-определенных норм и их востребованность в конкретной ситуации как на уровне правосознания человека, так и на уровне его правомерного поведения.

Исходя из приведенных выше понятий, автор статьи будет классифицировать принципы правового государства на принципы правового государства в статике и принципы правового государства в динамике. Однако перед этим необходимо попытаться дать определение категориям «принципы правового государства в статике» и «принципы правового государства в динамике».

Так, под принципами правового государства в статике будут пониматься относительно самостоятельные идеи или положения, которые часто создаются специально уполномоченным субъектом правотворчества абстрактно-общих норм и существуют в качестве формально-определенной потенциальной возможности, объективно, независимо от сознания и психики человека и даже от реалий регулируемой практики, в виде текстов-документов, наполненных смыслом-содержанием.

Что же касается принципов правового государства в динамике, то под ними подразумеваются конкретизированные абстрактно-общие идеи и направления правового государства и их востребованность в конкретной ситуации как на уровне правосознания человека, так и на уровне его правомерного поведения, с учетом изменяющихся общественных отношений.

В настоящее время основными принципами правового государства, с точки зрения подавляющего числа ученых, выступают принцип разделения властей, принцип взаимной ответственности государства и общества, принцип уважения и гарантий прав и свобод личности, принцип верховенства закона и др.

С точки зрения определения принципов правового государства в статике необходимо отметить, что к этой категории можно отнести большинство современных принципов, которые прослеживаются в трудах ученых.

В качестве таковых можно выделить принцип разделения властей, принцип верховенства закона и др. Остановимся подробнее на каждом из указанных выше принципов.

Принцип разделения властей, как уже было отмечено выше, выражает формальную сущность принципов правового государства. Современные ученые дают разную трактовку

ку данному принципу. Так, В.В. Лазарев понимает разделение властей как необходимый атрибут правового государства, который представляет собой способ его организации и функционирования³. В свою очередь М.Н. Марченко под принципом разделения властей понимает возможность существования относительно независимых друг от друга властей в целях обеспечения процесса нормального функционирования государства⁴.

Если мы рассмотрим такой принцип, как «верховенство закона», то придем к выводу о том, что часто данный термин используется учеными как синоним «верховенства права». К примеру, именно его выделяет В.Д. Зорькин, отмечая при этом, что «трактовка принципа верховенства права в рамках концепции правового государства в значительной мере определяется типом правопонимания, который лежит в ее основе»⁵. Исходя из этого, можно утверждать, что подходы к определению права со стороны легистов (законников) и представителей социологической концепции правопонимания будут существенно различаться. Вместе с тем и у тех, и у других имеется большое количество аргументов в поддержку их точки зрения, но имеется и большое количество противников каждой из них. Если придерживаться социологической концепции правопонимания, то в данном случае будут иметь высшую юридическую силу не только исходящие от государства в лице его компетентных органов акты. В последнее время число источников права неуклонно растет, в качестве таковых выделяют уже не только нормативно-правовые акты, правовые договоры, правовые обычаи и правовые прецеденты, но и правовую доктрину, а также ситуационное право. Под ситуационным правом понимается право в динамике, «живое» право — нормативное основание сложной правореализации⁶. Суть данной концепции заключается в том, что любой человек может заниматься правотворчеством в конкретном правоотношении. Представляется, что применительно к принципам правового государства данный источ-

ник права также должен учитываться, несмотря на слабое исследование описываемого правового явления.

Говоря еще о принципе верховенства закона, следует сказать и о том, что данный принцип тесно связан и с другими принципами правового государства, например с принципом разделения властей. Как правило, отнесение функций принятия законов к одной из ветвей власти позволяет предотвратить дублирование полномочий в данной сфере и некий хаос с точки зрения государственной действительности. С другой стороны, как уже подчеркивалось выше, в современных реалиях наличие и сужение только до уровня законов всех источников права в стране может привести к стагнации и другим негативным явлениям для общества.

Помимо вышеуказанных принципов, к принципам правового государства в статике можно отнести еще целый ряд иных принципов, таких как принцип федерализма, принцип взаимной ответственности государства и личности. Матузов и Малько выделяют такой специфический принцип, как принцип наиболее последовательного связывания с помощью права политической власти, формирование для государственных структур режима правового ограничения⁷.

Также в современных условиях можно выделить несколько основополагающих принципов правового государства в динамике.

Во-первых, можно отметить такой принцип, как разделение государства и общества. Государство, или же еще именуемое термин «власть» образование, состоит из многочисленного бюрократического аппарата, наполненного категорией «чиновники». Общество же состоит из народа в целом. Данные две большие группы очень тесно связаны между собой, однако их стоит различать. Вместе с этим можно добавить, что их связывают между собой взаимозависимые отношения, поскольку чиновники тоже являются частью народа, а их деятельность направлена на регулирование общественных отношений во всем их многообразии. При этом на практике довольно часто наблюдается ситуация, при которой решения, выносимые представителями власти, осуществляются в виде устно-артикулярного приказа, соглашения, договоренности. По сути, подобные решения в социально-правовом государстве — неле-

³ Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М. : Юрист, 1996. С. 378.

⁴ Марченко М.Н. Теория государства и права. Ч. 1: Теория государства : учебник. М. : Изд-во «Зерцало-М», 2011. С. 451–452.

⁵ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. С. 54.

⁶ Погодин А.В. Ситуационное право и общерегулятивное правоотношение в правореализации // Юридический мир. 2013. № 2 (194). С. 14.

⁷ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник. М. : Юрист, 2004. С. 69.

гальная и априори нелегитимная политика, правонарушение соответствующих субъектов, за которое должна устанавливаться адекватная юридическая ответственность⁸.

Во-вторых, внимания заслуживает принцип понимания права как наиболее эффективного инструмента ограничения власти государства и его взаимодействия с обществом. Ни одно другое средство не способно помочь достигнуть должного воздействия на государство в целом, поскольку лишь право, отражая в полной мере как существующие в законодательных актах нормы поведения, так и вырабатываемую повседневную практику, способно добиться выполнения данной цели.

Наконец, третий и не менее важный принцип заключается в том, что государство должно обеспечивать правовой статус личности. Данный принцип непосредственно выводится через личность. Поскольку наше общество состоит из граждан, то государство всегда должно стремиться в должной степени закреплять как права и свободы, так и обязанности с ограничениями граждан. Стоит отметить, что данный принцип во многом продолжает принцип реального обеспечения прав и свобод граждан, однако, в отличие от устоявшейся на протяжении нескольких веков тенденции отмечать лишь права и свободы, данный принцип уделяет должное внимание как обязанностям, так и запретам.

Принципы правового государства в динамике выражают реально существующие идеи и положения, которые характеризуют правовое государство. Говоря о таких принципах, необходимо отметить, что в настоящее время возник целый ряд новых принципов, отражающих реальное положение вещей в большинстве современных государств. К числу таких принципов можно отнести: ограничение деятельности, исходя из особенностей социальной практики, объективно требующей разумного вторжения этого государства. Объективно существуют пределы вторжения государства в социальную практику. Представляется очень важным определить этот предел. Помимо этого, данный принцип выражает собой формально-юридическую сторону сущности принципов правового государства. Он олицетворяет собой средства достижения поставленных целей. Однако же если брать во внимание только данный принцип, то тогда становится не совсем понятно,

для кого и зачем необходимо ограничивать государственную власть посредством права. Ведь такое ограничение не должно выступать самоцелью. В противном случае можно настолько его ограничить, что государство вообще не выполнит ни одну из своих функций. И в этом случае уже пострадает гражданское общество.

Можно рассмотреть такой принцип, как принцип господства права. Данный принцип можно отнести к категории принципов правового государства в динамике потому, что он отражает воздействие права на нашу жизнь как наиболее эффективного средства регулирования общественных отношений между людьми. Говоря о господстве закона, Марченко утверждает, что данная терминологическая конструкция должна реально осуществляться, то есть в стране должно существовать «реальное господство закона»⁹, словно подчеркивая тезис предыдущего параграфа о необходимости разграничения данных категорий с точки зрения выделения принципов в статике и принципов в динамике.

Следует заметить, что некоторые авторы используют синонимичную конструкцию «господство закона»¹⁰. К примеру, Яковлев упоминает именно о господстве закона, когда речь идет о правовом господстве. Более того, на его взгляд, главным условием господства закона в обществе будет выступать прекращение противостояния властей, наличие политической воли, направленной на преодоление этого противостояния¹¹. Суть принципа господства закона довольно четко прослеживается при рассмотрении самого правового государства. Ведь данный тип государства призван обеспечивать управление жизнью общества именно через законы, которые в идеале должны отвечать требованиям общеправовых обязательств, справедливости и возможности принуждения к их исполнению со стороны государственной власти.

В качестве итога можно сделать следующие выводы:

1. Современные принципы правового государства должны делиться на принципы правового государства в статике и принципы правового государства в динамике.

2. Основанием для деления на принципы правового государства в статике и принципы

⁸ Погодин А.В. Взаимодействие политики и права и проблемы правореализации в политической сфере. Казань : Изд-во КГУ, 2012. С. 29.

⁹ Марченко М.Н. Указ. соч.

¹⁰ Лазарев В.В. Указ. соч. С. 378.

¹¹ Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М. : Статут, 2012. С. 37.

правового государства в динамике должно выступать их реальное использование в повседневной действительности.

3. К числу ключевых принципов правового государства в статике можно отнести принцип разделения властей, верховенства права, федерализма, принцип взаимной ответственности государства и личности.

4. К числу ключевых принципов правового государства в динамике можно отнести принцип разделения государства и общества, принцип понимания права как наиболее эффективного инструмента ограничения власти государства и его взаимодействия с обществом, принцип обеспечения государством правового статуса личности, принцип господства права.

Литература

1. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России / В.Д. Зорькин. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 720 с.
2. Лазарев В.В. Общая теория права и государства / В.В. Лазарев. М. : Юрист, 1996. 472 с.
3. Марченко М.Н. Теория государства и права. Ч. 1: Теория государства : учебник / М.Н. Марченко. М. : Зерцало-М, 2011. 516 с.
4. Матузов Н.И. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. М. : Юрист, 2004. 245 с.
5. Погодин А.В. Взаимодействие политики и права и проблемы правореализации в политической сфере / А.В. Погодин // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Вып. 4. С. 25–33.
6. Погодин А.В. Ситуационное право и общерегулятивное правоотношение в правореализации / А.В. Погодин // Юридический мир. 2013. № 2 (194). С. 13–16.
7. Погодин А.В. Элементы теории правореализации : дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Погодин. Казань, 2014. 354 с.
8. Старчикова В.В. Общественный контроль в правовом государстве : дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Старчикова. М., 2014. 190 с.
9. Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования / В.Ф. Яковлев. М. : Статут, 2012. 488 с.

References

1. Zorkin V.D. Konstitutsionno-pravovoe razvitiye Rossii [Constitutional and Legal Development of Russia] / V.D. Zorkin. Moskva : Norma : INFRA-M — Moscow : Norm : INFRA-M, 2011. 720 s.
2. Lazarev V.V. Obschaya teoriya prava i gosudarstva [General Theory of Law and State] / V.V. Lazarev. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 1996. 472 s.
3. Marchenko M.N. Teoriya gosudarstva i prava. Ch. 1: Teoriya gosudarstva : uchebnik [Theory of State and Law. Part 1: Theory of State : textbook] / M.N. Marchenko. Moskva : Zertsalo — Moscow : Mirror, 2011. 516 s.
4. Matuzov N.I. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik [Theory of State and Law : textbook] / N.I. Matuzov, A.V. Malko. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2004. 245 s.
5. Pogodin A.V. Vzaimodeystvie politiki i prava i problemy' pravorealizatsii v politicheskoy sfere [Interaction of Politics and Law and the Issues of the Enforcement in the Political Sphere] / A.V. Pogodin // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya : Gumanitarnye nauki. T. 154. Vy'p. 4. — Scholarly Notes of the Kazan University. Series : the Humanities. 2012. Vol. 154. Issue. 4. S. 25–33.
6. Pogodin A.V. Situatsionnoe pravo i obscheregulyativnoe pravootnoshenie v pravorealizatsii [Situational Law and General Legal Relation in the Enforcement] / A.V. Pogodin // Yuricheskii mir — Legal World. 2013. № 2 (194). S. 13–16.
7. Pogodin A.V. Elementy' teorii pravorealizatsii : dis. ... d-ra yurid. nauk [Elements of the Enforcement Theory: thesis of ... Doctor of Law] / A.V. Pogodin. Kazan — Kazan, 2014. 354 s.
8. Starchikova V.V. Obschestvenny'y kontrol v pravovom gosudarstve : dis. ... kand. yurid. nauk [Public Control in a Law-Governed State : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / V.V. Starchikova. Moskva — Moscow, 2014. 190 s.
9. Yakovlev V.F. Pravovoe gosudarstvo: voprosy' formirovaniya [A Law-Governed State : Formation Issues] / V.F. Yakovlev. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2012. 488 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-6-38-43

Аккультурация или рецепция: возможность пересечения содержания понятий в пространстве теории права

*Ткаченко Сергей Витальевич,
доцент кафедры «Социальные технологии и право»
Самарского государственного университета путей сообщения,
кандидат юридических наук
rektor2@rambler.ru*

Особую актуальность для современной юридической науки приобрело введение в теорию права понятия «аккультурация», подменяющего рецепцию права. При формулировании содержания аккультурации права как «продолжительного контакта культурно-правовых систем различных социумов» исследователи имеют в виду рецепцию права, что становится очевидным из приводимых ими примеров аккультурационных процессов. Основной целью введения этого этнологического термина в теорию права явилось стремление обойти уже сложившееся в правовой теории понятие «рецепция» как добровольное заимствование инокультурных правовых ценностей. Расширенный подход к рецепции права, как добровольного, так и принудительного, по форме процесса делает излишним введение в теорию права понятия «аккультурация» как синонима рецепции права.

Ключевые слова: аккультурация, право, рецепция, преемственность права, теория права, донор, реципиент, рецепция римского права.

Acculturation or Reception: Possible Overlapping of the Content of Notions within the Theory of Law

*Tkachenko Sergey V.
Assistant Professor of the Department of Social Technologies and Law
of the Samara State Transport University
Candidate of Legal Sciences*

Of particular relevance to modern legal science acquired introduction to the theory of law the concept of “acculturation”, substitute reception law. In the formulation of the content of the law of acculturation as “continuous contact cultural and legal systems of different societies”, the researchers mean the reception of law, which is obvious from the cited examples of acculturation processes. The main aim of this ethnological term to the theory of rights was the desire to circumvent the legal theory the concept of “service” as a voluntary borrowing from other cultures of legal values. Advanced approach to the reception of law as voluntary and involuntary in the form of the process makes unnecessary introduction to the theory of law the concept of “acculturation” as a synonym of the reception of law.

Keywords: acculturation, the right, the reception, the continuity of law, theory of law, donor, recipient, reception of Roman law.

Особую актуальность для современной юридической науки приобрело введение в теорию права терминов, заимствованных из других гуманитарных дисциплин, подменяющих, по сути, рецепцию права. В нашей статье речь пойдет о понятии «аккультурация», использовавшемся этнологической наукой с XIX века в целях экспликации процессов культурного обмена в племенах североамериканских индейцев.

Современная российская наука определяет аккультурацию как взаимовлияние культур, восприятие одним народом полностью

или частично культуры другого народа¹ и как процесс усвоения личностью, сформировавшейся в одной культуре, элементов другой культуры². Понятие «аккультурация» используется в таких науках, как социология, история, психология, культурология, педа-

¹ Большой энциклопедический словарь. 2000. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/49918/АККУЛЬТУРАЦИЯ>

² Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. URL: http://methodological_terms.academic.ru/43

гогика, философия. Предпринимаются активные попытки ввести понятие «аккультурация» и в теорию права. Но, несмотря на уверения отдельных ученых, что данный термин уже прочно вошел в научный «оборот» теории права³, в то же время показательно практическое отсутствие диссертационных и монографических работ, разрабатывающих данную проблему. В силу этого является актуальной теоретическая разработка понятия «аккультурация» в современной теории права, выявление его содержания и взаимодействия с другими понятиями, фиксирующими процессы правовых взаимодействий. Прежде всего нас интересует соотношение понятий «рецепция» и «аккультурация».

В немногочисленной юридической литературе аккультурация права определяется как правовая интерференция, добровольный процесс социокультурного взаимодействия, где правовые системы выступают в роли «донора» и «реципиента», в результате чего происходят качественные изменения в обеих правовых системах⁴. Аккультурация также рассматривается и как продолжительный контакт культурно-правовых систем различных социумов, использующих в зависимости от исторических условий разнообразные методы и способы воздействия, необходимым результатом которого является изменение первоначальных структур культуры контактируемых социумов и формирование единого правового пространства⁵. Предпринята попытка определения ее содержания и в качестве «относительно самостоятельного процесса продолжительного взаимодействия правовых систем, предполагающих использование (в зависимости от культурно-исторических условий) различных по природе и силе воздействия методов, необходимым результатом которого является изменение первоначальной правовой культуры (или отдельных ее элементов) одного или обоих вступивших в контакт обществ»⁶.

³ См.: Файнберг М.М. Модернизация правовой системы Российской Федерации: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 11.

⁴ Ситар И.М. Аккультурация в праве (теоретические, культурологические и антропологические аспекты) // Вісник національного університету «Львівська політехніка». 2014. № 801 (Юридичні науки). С. 164.

⁵ Сокольская Л.В. Понятие и признаки правовой аккультурации // Lex Russica (Научные труды МГЮА). 2009. № 3. С. 365.

⁶ Абрамов А.Е. Правовая аккультурация (на примере Испании в период Римской республики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 8.

Приведенные выше определения содержания понятия «аккультурация» вызывают определенные вопросы в связи с размытостью, нечеткостью формулировок («качественные изменения», «культурно-правовые системы различных социумов», «продолжительное взаимодействие», «относительно самостоятельный процесс», «в определенных соотношениях» и т.д.), что не дает каких-либо конкретных критериев при исследовании аккультурационных процессов в теории права. Неоправданное использование социологической терминологии («социокультурное взаимодействие», «социумы» и др.) также не является положительным фактором, проясняющим содержание аккультурации в теории права. Сомнительное значение ввода в теорию права упрощенного, не адаптированного к юридической специфике понятия «аккультурация» косвенно замечается и самими исследователями, ведь и «само понятие, разумеется, не является юридическим термином»⁷.

Исследователи при рассмотрении видов аккультурации включают в нее и рецепцию, искусственно сужая форму ее реализации. В противном случае аккультурация представляла бы собой лишь рецепцию права, что вызывало бы вопросы по необходимости такой подмены. Но даже при таком сомнительном подходе исследователи демонстрируют определенную беспомощность при попытках эксплицировать критерии размежевания процессов рецепции и аккультурации. Так, по мнению С.А. Софроновой, рецепция является лишь разновидностью правовой аккультурации, представляет собой лишь односторонний добровольный акт. Аккультурация же определяется как одновременное копирование, восприятие чужого правового опыта, а также обязательное усвоение элементов правовой культуры страны-донора⁸. Ю.А. Клочкова видит различие в том, что «если при политической аккультурации происходит заимствование извне социально-политических основ и ориентиров развития, то при политико-правовой рецепции происходит конкретизация, детализация этого процесса: воспроизведение, заимствование институтов иных компонентов поли-

⁷ Мантуров В.В. Соотношение рецепции и иных форм правовых заимствований // Сибирский юридический вестник. 2012. № 4 (59). С. 105.

⁸ Софронова С.А. Правовое наследие и аккультурация в условиях правового прогресса общества : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 135.

тической практики, особенностей властных отношений и т.п.»⁹. Более объективно подошел к экспликации понятий В.В. Мантуров, предположив, что разница между рецепцией и аккультурацией заключается в том, что «рецепция — исключительно результат деятельности законодателя, с абсолютной долей выражения государственной воли. Аккультурация, напротив, может носить характер «безвольного» переноса отдельных элементов правовой культуры другой правовой системы, которые впоследствии будут законодательно закреплены»¹⁰.

Показательно, что приводимые ими примеры аккультурационных процессов касаются исключительно рецепции правовых ценностей, но никак не учитывают декларируемой специфики аккультурации («процессы аккультурации в сфере политики и права в большей степени сокрыты от наблюдателя, идут как бы подспудно»¹¹, аккультурация носит характер ««безвольного» переноса»)¹². Так, например, С.А. Маркунцов убеждает нас, что аккультурацией является действие Шведского уложения 1734 г. в прибалтийских губерниях до 1845 г., общегерманского права, Кодекса Карла V, шведского законодательства до 1894 г. в Финляндии, которая также была частью России¹³. А.В. Егоров утверждает, что «примером широкой гражданско-правовой аккультурации является рецепция французского Гражданского кодекса Германии и Швейцарией»¹⁴. По мнению Е.А. Тверяковой, правовая аккультурация «исследуется в аспекте римского правового наследия в процессе генезиса и развития западноевропейских систем»¹⁵, т.е. рецепции римского права.

Вызывает интерес позиция О.Д. Третьяковой, которая демонстрирует пример «образцовой» юридической аккультурации на

примере обеспечения прав человека. Однако вместо реального примера «взаимодействия культур», она, к сожалению, ограничилась лишь перечислением стадий инфильтрации¹⁶, что не раскрыло сути аккультурационных процессов в этой области.

Ближе всего к пониманию содержания аккультурации приблизилась О.А. Плоцкая, которая акцентировалась на проблемах взаимодействия российского позитивного права и обычного права пермских народов с позиции аккультурационных процессов. При детальном изучении она пришла к выводу, что пермские народы в процессе мирной, бескровной аккультурации не утрачивали своей самобытности, соционормативной культуры, которая не подвергалась серьезной деформации. Они сумели сохранить свой исторический путь развития в составе Российского государства, а обычное право рассматриваемых народов не теряло собственную нормативную систему, не происходил слом хозяйственных и общественных отношений¹⁷. Таким образом, была показана положительная динамика аккультурационных процессов на всей территории Российской империи. Данное мнение противоречит позиции Л.В. Сокольской, которая при рассмотрении принудительной формы аккультурации приводит в пример «колонизацию Россией народов Сибири и Дальнего Востока, где фактически была разрушена правовая культура аборигенов»¹⁸. Однако, кроме общих фраз, каких-либо исторических фактов такого «разрушения» приведено не было.

Думается, здесь речь идет не об аккультурационных процессах, а о процессах так называемой опосредованной рецепции, которая не всегда обусловлена взаимным проникновением в правовые культуры соприкасающихся народов.

При попытках аккультурационных процессов в праве исследователи неоправданно игнорируют еще один сложившийся в гуманитарных науках подход, где аккультурация предстает перед нами как «процесс, главным результатом которого является устойчи-

⁹ Клочкова Ю.А. Политико-правовая аккультурация: основные аспекты взаимодействия // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2014. № 2. С. 37.

¹⁰ Мантуров В.В. Указ. соч. С. 106.

¹¹ Клочкова Ю.А. Указ. соч. С. 37.

¹² Мантуров В.В. Указ. соч. С. 106.

¹³ Маркунцов С.А. О взаимосвязи процесса аккультурации и содержания отдельных уголовно-правовых запретов // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 518.

¹⁴ Егоров А.В. Нормативная интеграция правовых систем в современных условиях глобализации // Право. Экономика. Психология. 2015. № 3 (3). С. 6.

¹⁵ Тверякова Е.А. Юридическая экспансия: теоретико-историческое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

¹⁶ Третьякова О.Д. Культура как фактор юридической конвергенции // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 310.

¹⁷ Плоцкая О.А. Обычное право пермских народов в Российской империи XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 28.

¹⁸ Сокольская Л.В. Механизм правовой аккультурации // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 29.

вая адаптация к жизни в чужой культуре»¹⁹. Иными словами, к процессам аккультурации в правовой сфере необходимо также отнести и изучение правовой культуры мигрантов в другой правовой среде. В таком случае можно справедливо утверждать, что «правовая аккультурация является вполне самостоятельным юридическим явлением, способствующим как модернизации правовой системы России, так и подчеркивающим ее самобытность»²⁰.

Сложившаяся в теории права подмена рецепции права аккультурацией закономеренно приводит к тому, что недостатки определения содержания рецепции права автоматически переносятся на аккультурацию. Так, в российской науке укоренилась тенденция не видеть никакого различия между преемственностью и рецепцией. В литературе доказывалось, что рецепция правовых ценностей — суть проявление преемственности в праве; что преемственность может быть определена как заимствование правом того или иного государства положений не только прошлых, но и современных ему правовых систем²¹. Соответственно, утверждается, что и преемственность права также является составляющей аккультурационных процессов. Так, например, Ю.В. Скворцова утверждает, что аккультурация включает в себя и момент преемственности: «Итогом правовой аккультурации и ее влияния на российскую правовую систему является преемственность не только законодательства, но и исторических и национально-культурных основ об-

щества и государства»²². Включают в аккультурацию преемственность и Л.А. Петручак²³, В.В. Мантуров²⁴ и др. Однако аккультурация, как это видно из приведенных выше определений, это процесс взаимовлияния правовых систем. Какое в этом процессе место занимает преемственность права, остается загадкой даже для самих исследователей.

Также показательно, что даже в таком виде «аккультурация» активно используется для построения других, аналогичных по сути конструкций. Так, доказывалось, что аккультурация является составной частью «конвергенции», так как «для внешней конвергенции права характерны методы правовой аккультурации (добровольной и принудительной). Добровольная аккультурация происходит в виде рецепции, заимствования, взаимного сближения на основе общих международных стандартов, а также образцов, выработанных взаимодействующими государствами и правовыми системами. Принудительная аккультурация осуществляется в виде правовой экспансии, которая обеспечивается военным, экономическим и политическим давлением одного государства на другое»²⁵.

Таким образом, основной целью введения этого этнологического термина в теорию права явилось стремление обойти уже сложившееся в правовой теории понятие «рецепция» как добровольное заимствование инокультурных правовых ценностей. Расширенный подход к рецепции права, как добровольного, так и принудительного по форме процесса, делает излишним введение в теорию права понятия «аккультурация» как синонима рецепции права.

¹⁹ Павловская О.А. Особенности аккультурации немецких принцев в Российском императорском доме (конец XVIII — конец XIX вв.) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Иваново, 2015. С. 10.

²⁰ Скворцова Ю.В. Правовая аккультурация и развитие российской правовой системы // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1. С. 116.

²¹ См.: Ткаченко С.В. Содержание преемственности права: вопросы теории и истории // История государства и права. 2017. № 16.

²² Скворцова Ю.В. Указ. соч. С. 114.

²³ Петручак Л.А. Правовая культура России и межкультурный диалог в условиях глобализации // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4 (21). С. 6.

²⁴ Мантуров В.В. Указ. соч. С. 109.

²⁵ Третьякова О.Д. Методология конвергенции права // Вестник Владимирского юридического института. № 4 (13). С. 149–150.

Литература

- Абрамов А.Е. Правовая аккультурация (на примере Испании в период Римской республики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Е. Абрамов. Владимир, 2005. 22 с.
- Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. URL: http://methodological_terms.academic.ru/43
- Егоров А.В. Нормативная интеграция правовых систем в современных условиях глобализации / А.В. Егоров // Право. Экономика. Психология. 2015. № 3 (3). С. 3–8.
- Клочкова Ю.А. Политико-правовая аккультурация: основные аспекты взаимодействия / Ю.А. Клочкова // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2014. № 2. С. 37–39.
- Мантуров В.В. Соотношение рецепции и иных форм правовых заимствований / В.В. Мантуров // Сибирский юридический вестник. 2012. № 4 (59). С. 104–109.

6. Маркунцов С.А. О взаимосвязи процесса аккультурации и содержания отдельных уголовно-правовых запретов // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 517–520.
7. Павловская О.А. Особенности аккультурации немецких принцесс в Российском императорском доме (конец XVIII — конец XIX вв.) : автореф. дис. ... канд. культурологии / О.А. Павловская. Иваново, 2015. 24 с.
8. Петручак Л.А. Правовая культура России и межкультурный диалог в условиях глобализации / Л.А. Петручак // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4 (21). С. 4–15.
9. Плоцкая О.А. Обычное право пермских народов в Российской империи XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О.А. Плоцкая. М., 2016. 37 с.
10. Ситар И.М. Аккультурация в праве (теоретические, культурологические и антропологические аспекты) // Вестник национального университета «Львовская политехника». Серия: Юридичні науки. 2014. № 801. С. 164–169.
11. Скворцова Ю.В. Правовая аккультурация и развитие российской правовой системы / Ю.В. Скворцова // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1. С. 104–116.
12. Сокольская Л.В. Механизм правовой аккультурации / Л.В. Сокольская // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 25–34.
13. Сокольская Л.В. Понятие и признаки правовой аккультурации // Lex Russica. 2009. № 3. С. 557–569.
14. Софронова С.А. Правовое наследие и аккультурация в условиях правового прогресса общества : дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Софронова. Н. Новгород, 2000. 169 с.
15. Тверякова Е.А. Юридическая экспансия: теоретико-историческое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Тверякова. М., 2002. 28 с.
16. Ткаченко С.В. Содержание преемственности права: вопросы теории и истории / С.В. Ткаченко // История государства и права. 2017. № 16. С. 48–52.
17. Третьякова О.Д. Культура как фактор юридической конвергенции / О.Д. Третьякова // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 308–310.
18. Третьякова О.Д. Методология конвергенции права / О.Д. Третьякова // Вестник Владимирского юридического института. № 4 (13). С. 149–150.
19. Файнберг М.М. Модернизация правовой системы Российской Федерации: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.М. Файнберг. Краснодар, 2008. 36 с.

References

1. Abramov A.E. Pravovaya akkultratsiya (na primere Ispanii v period Rimskoy respublik) : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Legal Acculturation (On the Example of Spain in the Period of the Roman Republic) : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / A.E. Abramov. Vladimir — Vladimir, 2005. 22 s.
2. Azimov E.G., Schukin A.N. Novy'y slovar metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam). Moskva : IKAR — The New Dictionary of the Methodical Terms and Concepts (Theory and Praxis of the Language Teaching). Moscow : IKAR, 2009. URL: http://methodological_terms.academic.ru/43
3. Egorov A.V. Normativnaya integratsiya pravovykh sistem v sovremennykh usloviyakh globalizatsii [The Normative Integration of Legal Systems in Modern Globalization Conditions] / A.V. Egorov // Pravo. Ekonomika. Psikhologiya — Law. Economics. Psychology. 2015. № 3 (3). С. 3–8.
4. Klochkova Yu.A. Politiko-pravovaya akkultratsiya: osnovny'e aspekty' vzaimodeystviya [The Political and Legal Acculturation: the Main Aspects of Interaction] / Yu.A. Klochkova // Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki — Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. 2014. № 2. S. 37–39.
5. Manturov V.V. Sootnoshenie retseptov i inyykh form pravovykh zaimstvovaniy [The Correlation of Reception and Other Forms of Legal Borrowing] / V.V. Manturov // Sibirskiy yuridicheskij vestnik — Siberian Legal Bulletin. 2012. № 4 (59). S. 104–109.
6. Markuntsov S.A. O vzaimosvyazi protsessov akkultratsii i soderzhaniya otdelnykh ugovolno-pravovykh zapretov [The Relation between the Process of Acculturation and the Content of Individual Criminal Law Prohibitions] // Yuridicheskaya tekhnika — Legal engineering. 2016. № 10. S. 517–520.
7. Pavlovskaya O.A. Osobennosti akkultratsii nemetskikh printsess v Rossiyskom imperatorskom dome (konets XVIII — konets XIX vv.) : avtoref. dis. ... kand. kulturologii [Features of the Acculturation of the German Princesses in the Russian Imperial House (Late XVIII to the Late XIX Centuries) : author's abstract of thesis of ... Candidate of Cultural Sciences] / O.A. Pavlovskaya. Ivanovo — Ivanovo, 2015. 24 s.
8. Petrushak L.A. Pravovaya kultura Rossii i mezhkulturnyy dialog v usloviyakh globalizatsii [The Legal Culture of Russia and Intercultural Dialogue in the Age of Globalization] / L.A. Petrushak // Aktualnye problemy' rossiyskogo prava — Relevant Issues of the Russian Law. 2011. № 4 (21). S. 4–15.
9. Plotskaya O.A. Obychnoe pravo permskikh narodov v Rossiyskoy imperii XVIII–XIX vv.: istoriko-pravovoy aspekt : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [The Common Law of the Perm Peoples in the Russian Empire of the XVIII to the XIX Centuries: the Historical and Legal Aspect : author's abstract of thesis of ... Doctor of Law] / O.A. Plotskaya. Moskva — Moscow, 2016. 37 s.
10. Sitar I.M. Akkultratsiya v prave (teoreticheskie, kulturologicheskie i antropologicheskie aspekty) [Acculturation in Law (Theoretical, Cultural and Anthropological Aspects)] // Vestnik natsionalnogo universiteta "Lvovskaya politekhnika". Seriya : Yuridicheskie nauki — Bulletin of the Lviv Polytechnic National University. Series : Legal Sciences. 2014. № 801. S. 164–169.
11. Skvortsova Yu.V. Pravovaya akkultratsiya i razvitie rossiyskoy pravovoy sistemy' [Legal Acculturation and Development of the Russian Legal System] / Yu.V. Skvortsova // Leningradskiy yuridicheskij zhurnal — Leningrad Law Journal. 2013. № 1. S. 104–116.

12. Sokolskaya L.V. Mekhanizm pravovoy akkulturratsii [The Mechanism of Legal Acculturation] / L.V. Sokolskaya // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2015. № 2. S. 25–34.
13. Sokolskaya L.V. Ponyatie i priznaki pravovoy akkulturratsii [The Concept and Attributes of Legal Acculturation] // Lex Russica — Lex Russica. 2009. № 3. S. 557–569.
14. Sofronova S.A. Pravovoe nasledie i akkulturratsiya v usloviyakh pravovogo progressa obschestva : dis. ... kand. yurid. nauk [The Legal Heritage and Acculturation in the Context of Legal Progress of Society : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / S.A. Sofronova. Nizhniy Novgorod — Nizhny Novgorod, 2000. 169 s.
15. Tveryakova E.A. Yuridicheskaya ekspansiya: teoretiko-istoricheskoe issledovanie : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The Legal Expansion: Theoretical and Historical Research : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / E.A. Tveryakova. Moskva — Moscow, 2002. 28 s.
16. Tkachenko S.V. Soderzhanie preemstvennosti prava: voprosy' teorii i istorii [Contents of the Law Continuity: Issues of Theory and History] / S.V. Tkachenko // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 16. S. 48–52.
17. Tretyakova O.D. Kultura kak faktor yuridicheskoy konvergentsii [Culture as a Factor of Legal Convergence] / O.D. Tretyakova // Yuridicheskaya tekhnika — Legal Writing. 2016. № 10. S. 308–310.
18. Tretyakova O.D. Metodologiya konvergentsii prava [Methodology of the Law Convergence] / O.D. Tretyakova // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta — Bulletin of the Vladimir Law Institute. № 4 (13). S. 149–150.
19. Fainberg M.M. Modernizatsiya pravovoy sistemy' Rossiyskoy Federatsii: problemy' teorii i praktiki : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Modernization of the Legal System of the Russian Federation: Issues of Theory and Practice : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / M.M. Fainberg. Krasnodar — Krasnodar, 2008. 36 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-6-43-48

Негативное поведение как основание юридической ответственности: историко-теоретический аспект

*Котковский Леонид Эдуардович,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Юридического института
Севастопольского государственного университета
leon-kot5@list.ru*

В статье отмечается, что традиционно к основанию юридической ответственности относят негативное поведение (преступления, проступки, деликты), но практически не изучаются другие виды поведения, которые могут приводить к наступлению негативной юридической ответственности (объективно-противоправное деяние; деяние без вины, повлекшее причинение вреда; правомерное причинение вреда, влекущее его компенсацию; противоправное злоупотребление правом, являющееся правонарушением). На основании проведенного анализа выделены следующие основания юридической ответственности: негативные и квазинегативные, которые близки по своей правовой природе к негативным основаниям, но содержат элементы, не характерные для негативной ответственности, выходящие за ее пределы.

Ключевые слова: противоправное поведение, виды негативного поведения, юридическая ответственность, основания, вина, злоупотребление правом.

Negative Behavior as a Basis for Legal Responsibility: Historical and Theoretical Aspect

*Kotkovskiy Leonid E.
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Law Institute of the Sevastopol State University*

The article notes that traditionally negative behavior (crimes, misdemeanours, torts) is referred to as the basis of legal responsibility, but other types of behavior that can lead to the occurrence of negative legal responsibility are practically not studied (objectively-illegal act; act without fault that caused harm; lawful infliction of harm that entails its compensation; illegal abuse of law, which is an offense). On the basis of the analysis, the following grounds of legal liability are identified: negative and quasi-negative, which are

close in their legal nature to negative grounds, but contain elements that are not characteristic of negative responsibility, going beyond it.

Keywords: *illegal behavior, types of negative behavior, legal legal responsibility, grounds, guilt, abuse of law.*

Институт юридической ответственности определяется как совокупность правовых норм, регулирующих правомерное и неправомерное поведение¹, что требует корректировки, так как в юридической литературе широко используются другие виды поведения (позитивное, негативное, отклоняющееся, социально значимое, социально вредное и т.д.)². Рассмотрим негативное поведение как предмет регулирования института юридической ответственности.

Негативное поведение, которое влечет наступление негативной юридической ответственности, — это прежде всего неправомерное поведение (общественно-вредное, не соответствующее правовым нормам, негативно оцениваемое государством и обществом), его основная разновидность — правонарушение (преступления, проступки, деликты). Нет единого подхода к пониманию преступления, проступка, деликта, к выявлению их соотношения, но никто не спорит с тем, что все они влекут наступление негативной юридической ответственности.

Проблема заключается в том, что нет ясного представления о том, какие еще виды поведения следует отнести к негативному, влекущему наступление негативной юридической ответственности. В частности, это вопросы разграничения объективно-противоправного деяния, безвиновной ответственности, правомерного деяния, причиняющего вред, влекущего его компенсацию, противоправного злоупотребления субъективным правом.

Прежде всего отметим, что многие авторы пытаются связать объективно-противоправное деяние с безвиновной ответственностью (гражданско-правовой конструкцией ответственности без вины), рассматривая их как тождественные понятия, что неправильно и требует разъяснений³. Так, первая кон-

струкция (объективно противоправные деяния) представляет собой акты поведения, которые противоречат нормам позитивного права, но, в отличие от правонарушений, не содержит в своем составе одного или всех субъективных элементов, т.е. субъекта, субъективной стороны (И.А. Кузьмин). Вторая конструкция (безвиновная ответственность) в гражданском праве представляет собой специфическую форму компенсации вреда, восстановления нарушенного права⁴.

Это разные конструкции по целям, условиям, основным элементам и т.д.: первая действует в публичном праве, позволяя освобождать от ответственности недееспособных лиц, лиц, совершивших безвиновное действие, вторая действует в сфере частного права, позволяя привлекать к ответственности лицо, причинившее вред; главным элементом в первой выступает наличие вины, состава правонарушения, во второй — наличие вреда; первая вводит ограничения для привлечения к ответственности субъекта, совершившего противоправные действия (возраст, психическое состояние, вина), вторая снимает любые ограничения, закрепляя обязанность возместить вред, кем бы он ни был причинен (генеральный деликт).

Соотношение ответственности «за вину» и ответственности «без вины» имеет многовековую историю, меняется в зависимости от временного периода, общественного развития, что характерно и для разработанных в цивилистике по этой проблематике концепций (принцип причинения и принцип вины). Сегодня, несмотря на то что ответственность без вины считается исключением из правил, основной чертой современного гражданско-правового регулирования выступает тенденция к постепенному убыванию значения вины как субъективного условия ответственности, сужению сферы ответственности «за вину» и расширению сферы ответственности «без вины» (предпринимательство,

ответственности // Вестник Омского университета. 2011. № 1 (26). С. 39–44; Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и ее реализация: учебное пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 152–161.

Особостораживает, что эти мысли излагаются в учебном пособии, то есть обучающиеся воспринимает в корне неверный материал.

⁴ Красавчиков О.А. Советское гражданское право. М.: Высшая школа, 1985. Т. 1. С. 86.

¹ Как правило, предмет института юридической ответственности обозначается как правомерное поведение и неправомерное поведение, в рамках которых исследуются проявления юридической ответственности. См.: Носков С.А. Институт юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Носков Сергей Александрович. Казань, 2007. С. 21.

² Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. С. 21–23.

³ Кузьмин И.А. Объективно-противоправное деяние как основание объективной (безвиновной) от-

экология, государственное управление; например, установлена безвиновная ответственность представителей органов государственной власти, предпринимателей, владельцев источников повышенной опасности)⁵.

Вместе с тем в публичном праве продолжает доказываться несостоятельность, социальная несправедливость и порочность безвиновной ответственности, что далеко от реальности и современных тенденций. Самая распространенная ситуация — неделиктоспособное лицо, совершая преступление, причиняет вред имуществу потерпевшего. Неделиктоспособное лицо освобождается от уголовной ответственности, но гражданско-правовая ответственность остается, к ней привлекаются ее законные представители, возмеща причиненный вред. Иными словами, деяние не влечет наступление юридической ответственности в публичном праве, но считается противоправным с позиций частного права.

В определенной мере эту проблему создал сам законодатель, который не смог отойти от традиционных категорий, заимствованных из уголовного права, поэтому в Гражданском кодексе РФ (далее — ГК РФ) нет единого подхода к определению вины⁶. По аналогии с уголовным правом, где доминирует субъективный характер вины (субъекты — физические лица, обладают сознанием и волей, важно установить психическое отношение к совершенному деянию, последствиям), в гражданском законодательстве вина также носит субъективный характер, разделяется на формы (умысел или неосторожность — п. 1 ст. 401 ГК РФ). В уголовном праве это оправданно, так как от формы вины зависит квалификация преступления и назначение наказания. В гражданском праве в большинстве случаев формы вины не имеют значения, главное — наличие вреда, вина предполагается, определяется через категорию невинности; вина не носит субъективного характера, а устанавливается путем оценки действий субъекта — степень заботливости и осмотрительности (п. 2 ст. 401 ГК РФ)⁷.

По гражданским делам судебные органы в первую очередь устанавливают причинную связь (действия (бездействия), повлекшие причинение вреда), размер вреда, при необходимости наличие/отсутствие вины, которая при наличии вреда презюмируется, а невинность доказывается не органами государственной власти, потерпевшим, а лицом, не исполнившим обязательства, причинившим вред,

В ГК РФ к иным основаниям наступления ответственности относится наступление ответственности «без вины»: достаточен одного факта наличия негативных последствий — основанием выступает не вина, а, например, риск как опасность возникновения неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера), относительно которых неизвестно, наступят они или нет⁸. К ответственности «без вины» привлекаются субъекты, которые, обладая необходимыми знаниями и навыками, добровольно принимают на себя безусловную (повышенную) ответственность за последствия осуществления деятельности, характер которой предполагает возможность наступления неблагоприятных последствий (например, предприниматели). Повышенная ответственность устанавливается с целью стимулировать субъекта вести себя заботливо и осмотрительно, избегать неоправданных рисков, приводящих к причинению вреда, искать пути предотвращения ущерба. Центральной проблемой в деликтном праве является выяснение вопроса о том, базируется ли главный критерий ответственности на индивидуальной вине или на широком распространении риска.

В цивилистике и судебной практике возникают проблемы из-за общепринятого отождествления противоправности с виной, поэтому целесообразно или отказаться от понимания вины как психического отношения к содеянному, последствиям, закрепить презумпцию противоправности (лицо несет ответственность, если не докажет, что приняло все возможные от него меры заботливости и осмотрительности для исполнения обязательства, предотвращения причинения

требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства.

⁵ Дмитриева О.В. Ответственность без вины в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Дмитриева Ольга Викторовна. СПб., 1996. С. 21.

⁶ Вина в уголовном праве существенно отличается от вины в гражданском праве, и это подчеркивается во многих работах (М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Б.И. Путинский, Е.А. Суханов и др.).

⁷ Лицо признается невинным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него

⁸ Поводова Е.В., Савельева О.Е. Вина и ответственность «без вины» в гражданском праве // Молодежь и наука: реальность и будущее : материалы III Межд. науч. конф. Т. II: Филологические и юридические науки. Невинномысск : НИЭУП, 2010. С. 468–470.

вреда), или рассматривать вину в широком смысле — как виновность, включающую в себя: а) вину в традиционном ее понимании — непринятие необходимых (умысел) либо разумных с учетом конкретной ситуации (неосторожность) мер по устранению или недопущению наступления неблагоприятных последствий; б) иные основания ответственности — риск, интересы, цели.

Таким образом, объективно-противоправное деяние и безвиновная ответственность — это разные категории, нельзя отождествлять вину в уголовном (носит субъективный характер) и гражданском праве (состоит из оценки действий субъекта), основания гражданско-правовой ответственности шире, помимо вины, включают риски, интересы, цели, что находит отражение в правовых нормах, договорах, судебной практике.

Проблема разграничения объективно-противоправного деяния, безвиновной ответственности и правомерного деяния, причиняющего вред, подлежащий компенсации, связана с оценкой поведения субъекта с позиций правомерности/противоправности поведения.

Объективно-противоправное деяние — это поведение, которое противоречит нормам позитивного права, но не содержит всех необходимых элементов правонарушения (субъекта, субъективной стороны), поэтому выступает основанием освобождения от уголовной ответственности. Безвиновная ответственность в гражданском праве наступает при отсутствии вины, но наличии вреда, основания (риск, интерес, цели), устанавливается в отношении субъекта, который, занимаясь определенной деятельностью, добровольно принимает на себя повышенную ответственность за возможность наступления неблагоприятных последствий. Таким образом, и в том и в другом случае речь идет о презумпции противоправности поведения (нарушение норм, наличие вреда).

Правомерные действия, причиняющие вред, подлежащий компенсации, — это допустимое законом, социально полезное поведение, влекущее одобрение со стороны личности, общества и государства. Противоречие в том, что, с одной стороны, его затруднительно рассматривать с позиций презумпции противоправности, с другой стороны, есть вред, который изначально рассматривается как результат противоправного поведения. Поэтому это обязательство включает в

себя только вред, причиненный по прямому разрешению (дозволению) правовой нормы. Юридическая ответственность наступает в силу наличия вреда, подлежащего компенсации, обязанности по возмещению вреда, как правило, не возлагается на непосредственно причинителя вреда.

Многочисленные споры вызывает отнесение к основанию негативной юридической ответственности злоупотребления правом. Надо заметить, что злоупотребление правом классифицируется на правомерное и неправомерное. В свою очередь неправомерное делится на: а) противоправное злоупотребление правом, не являющееся правонарушением (например, есть запрещающая норма, но нет санкции, невозможно привлечь к юридической ответственности); б) противоправное злоупотребление, являющееся правонарушением (субъект нарушает норму, реализует субъективное право в противоречии с его назначением, причина вред охраняемым законом отношениям, есть причинно-следственная связь между противоправным деянием и социально вредными последствиями, можно применить меры юридической ответственности, среди которых: лишение права; возложение на лицо, злоупотребляющее процессуальными правами, судебных расходов; ликвидация общественного объединения, религиозной организации, члены которой злоупотребляют конституционными правами и свободами; отказ в судебной защите субъективного права, которым злоупотребляет управомоченное лицо, и др.).

Отличие противоправного злоупотребления правом от «обычного» правонарушения, в том числе служебных (должностных) проступков, преступлений, заключается в том, что субъект противоправного злоупотребления правом — управомоченное лицо, которое, злоупотребляя правом, не присваивает не принадлежащие ему права (полномочия) и не превышает их⁹.

Таким образом, грань, которая отделяет противоправное поведение от иных видов негативного поведения, — это нарушение правовых норм, причинение вреда (причинение вреда изначально противоправно), наличие/отсутствие неблагоприятных последствий, возможность/невозможность применения мер негативной юридической

⁹ Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Малиновский Алексей Александрович. М., 2009. С. 52.

ответственности. По этим критериям в предмет правового регулирования института негативной юридической ответственности входят: правонарушение (преступление, проступок, деликт); объективно-противоправное деяние; деяние без вины, влекущее причинение вреда; правомерное причинение вреда, влекущее его компенсацию; противоправное злоупотребление правом, являющееся правонарушением.

Нельзя не обратить внимания на то, что постоянно идет поиск родовых признаков негативной юридической ответственности, так как отмечаются существенные отличия различных отраслевых видов ответственности, прежде всего гражданской ответственности, от уголовной, административной, дисциплинарной по основаниям возникновения, порядку осуществления, функциям и т.д., утверждается, что нецелесообразно распространять черты ответственности, присутствующие уголовному и административному праву, на те общественные отношения, которые регулируются гражданским, трудовым, семейным правом (С.С. Алексеев¹⁰, С.Н. Братусь¹¹, С.В. Курылев¹² и др.). Например, ясно, что гражданско-правовая ответственность не всегда содержит выделяемые родовые

признаки (принудительность, отрицательные последствия). Так, неустойка или убытки могут быть предметом добровольной уплаты, а не принудительного взыскания, отсутствие в действиях ответственного лица вины автоматически снимает вопрос об осуждении. Считаем, что в качестве родовых, единичных для всех видов ретроспективной юридической ответственности признаков следует выделить следующие: основанием возникновения выступает противоправное поведение — нарушение норм или вред; есть неблагоприятные последствия и нормы, предусматривающие наступление ответственности.

На основании изложенного можно выделить следующие основания юридической ответственности:

— негативные в чистом виде — это правонарушение (преступление, проступок, деликт);

— квазинегативные («как бы», «якобы», «почти»), которые близки по своей правовой природе к негативным основаниям, но содержат элементы, не характерные для негативной ответственности, осложненные элементами, выходящими за пределы негативной ответственности. К такого рода основаниям относятся объективно-противоправное деяние; деяние без вины, повлекшее причинение вреда; правомерное причинение вреда, влекущее его компенсацию; противоправное злоупотребление правом, являющееся правонарушением.

¹⁰ Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. С. 262.

¹¹ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976. С. 118.

¹² Курылев С.В. Избранные труды. Минск, 2012. С. 528.

Литература

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С.С. Алексеев. М.: Норма, 2001. 748 с.
2. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность / С.Н. Братусь. М.: Юридическая литература, 1976. 215 с.
3. Дмитриева О.В. Ответственность без вины в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Дмитриева. СПб., 1996. 21 с.
4. Красавчиков О.А. Советское гражданское право: в 2 т. / О.А. Красавчиков. М.: Высшая школа, 1985. Т. 1. 544 с.
5. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1982. 287 с.
6. Кузьмин И.А. Объективно-противоправное деяние как основание объективной (безвиновной) ответственности / И.А. Кузьмин // Вестник Омского университета. 2011. № 1 (26). С. 39–44.
7. Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и ее реализация: учебное пособие / И.А. Кузьмин. Иркутск: ИГУ, 2013. 219 с.
8. Курылев С.В. Избранные труды. Минск: Ред. журн. «Промышленно-торговое право», 2012. 606 с.
9. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.А. Малиновский. М., 2009. 52 с.
10. Носков С.А. Институт юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Носков. Казань, 2007. 21 с.
11. Поводова Е.В. Вина и ответственность «без вины» в гражданском праве / Е.В. Поводова, О.Е. Савельева // Молодежь и наука: реальность и будущее: сборник материалов III Международной научной конференции: в 6 т. Т. II: Филологические и юридические науки. Невинномысск: НИЭУП, 2010. С. 468–470.

References

1. Alekseev S.S. Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya [Rise to the Right. Searches and Solutions] / S.S. Alekseev. Moskva: Norma — Moscow: Norm, 2001. 748 s.
2. Bratus S.N. Juridicheskaya otvetstvennost i zakonnost [Legal Responsibility and Legality] / S.N. Bratus. Moskva: Yuridicheskaya literatura — Moscow: Legal Literature, 1976. 215 s.

3. Dmitrieva O.V. Otvetstvennost bez viny' v grazhdanskom prave : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [No-Fault Liability in the Civil Law : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / O.V. Dmitrieva. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1996. 21 s.
  4. Krasavchikov O.A. Sovetskoe grazhdanskoe pravo : v 2 t. [Soviet Civil Law : in 2 vol.] / O.A. Krasavchikov. Moskva : Vysshaya shkola, 1985. T. 1. — Moscow : Higher School, 1985. Vol. 1. 544 s.
  5. Kudryavtsev V.N. Pravovoe povedenie: norma i patologiya [Legal Behavior: Norm and Pathology] / V.N. Kudryavtsev. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1982. 287 s.
  6. Kuzmin I.A. Obektivno-protivopravnoe deyanie kak osnovanie obektivnoy (bezvinovnoy) otvetstvennosti [Objectively Unlawful Act as the Basis of Objective (No-Fault) Liability] / I.A. Kuzmin // Vestnik Omskogo universiteta — Bulletin of the Omsk University. 2011. № 1 (26). S. 39–44.
  7. Kuzmin I.A. Yuridicheskaya otvetstvennost i ee realizatsiya : uchebnoe posobie [Legal Responsibility and its Implementation : textbook] / I.A. Kuzmin. Irkutsk : IGU — Irkutsk : ISU, 2013. 219 s.
  8. Kurylev S.V. Iybrannyye trudy' [Selected Works]. Minsk : Red. zhurn. "Promyshlenno-torgovoe pravo" — Minsk : Editorial of the Industrial and Merchant Law Jurnal, 2012. 606 s.
  9. Malinovskiy A.A. Zloupotreblenie subektivny'm pravom kak yuridicheskiy fenomen : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Abuse of Subjective Law as a Legal Phenomenon : author's abstract of thesis of ... Doctor of Law] / A.A. Malinovskiy. Moskva — Moscow, 2009. 52 s.
  10. Noskov S.A. Institut yuridicheskoy otvetstvennosti : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Institute of Legal Responsibility : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / S.A. Noskov. Kazan, 2007. 21 s.
  11. Povodova E.V. Vina i otvetstvennost "bez viny'" v grazhdanskom prave [Guilt and "No-fault" Liability in the Civil Law] / E.V. Povodova, O.E. Saveleva // Molodezh i nauka: realnost i budushee : sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii : v 6 t. T. II: Filologicheskie i yuridicheskie nauki. Nevinnoyy'ssk : NIEUP — Youth and Science: Reality and Future : Collection of Materials of the IIIrd International Scientific Conference : in 6 vol. Vol. 2: Philological and Legal Sciences. Nevinnoyy'ssk : Nevinnoyy'sskiy Institute of Economics, Management and Law, 2010. S. 468–470.
-

DOI:10.18572/1812-3805-2018-6-48-53

Статусно-ролевое положение преступника и потерпевшего как критерий дифференциации уголовной ответственности по законодательству Древней Руси

*Караева Юлия Станиславовна,
старший преподаватель кафедры
правовых дисциплин и методики преподавания права
Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ),
кандидат юридических наук
chimtarga2016@mail.ru*

Анализ действующего уголовного закона позволяет констатировать наличие зависимости между статусно-ролевыми признаками субъекта преступления, обозначенными в уголовно-правовой норме, и содержанием ее санкции, отражающей законодательную оценку степени общественной опасности деяния и деятеля. С учетом исторической изменчивости закона и уголовного закона обращение к текстам редакций Русской Правды, Новгородской и Псковской судебных грамот показывает, что законодатель действительно придавал уголовно-правовое значение социальному положению не только виновного лица, но и потерпевшего, устанавливая различные по степени суровости меры наказания. Вместе с тем именно законодательство данного исторического периода впервые закрепляет более строгие требования к служебному поведению высших должностных лиц, что свидетельствует об осознании законодателем повышенной общественной опасности преступлений, совершаемых ими.

Ключевые слова: социальные статус и роль, дифференциация ответственности, специальный субъект преступления, потерпевший, общественная опасность.

Status and Role Position of an Offender and an Aggrieved Person as a Criterion of Differentiation of Criminal Liability in the Ancient Rus Laws

Karavaeva Yuliya S.

Senior Lecturer of the Department of Legal Disciplines and Law Teaching Methodology of the Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU)

Candidate of Legal Sciences

The analysis of the current criminal law allows to state the existence of dependence between the status and role characteristics of the subject of crime, designated in the criminal law, and the content of its sanctions, reflecting the legislative assessment of the degree of social danger of the act and the figure. Taking into account historical variability of the law and the criminal law, the appeal to texts of editions of the Russian Truth, the Novgorod and Pskov judicial certificates shows that the legislator really attached criminal and legal value to social status not only guilty person, but also the victim, establishing measures of punishment, various on degree of severity. At the same time, it is the legislation of this historical period that for the first time establishes stricter requirements for the official conduct of senior officials, which indicates the legislator's awareness of the increased public danger of crimes committed by them.

Keywords: social status and role, differentiation of responsibility, special subject of crime, victim, public danger.

В рамках механизма дифференциации уголовной ответственности и наказания становится возможным на законодательном уровне отразить большую или меньшую степень общественной опасности как преступного деяния, так и его деятеля. Как отмечает Т.А. Лесниевски-Костарева, специальным нормам уголовного закона придается значение «традиционных средств дифференциации ответственности», применяемых законодателем с учетом «типовой степени общественной опасности деяния»¹.

Обращение к нормам действующего уголовного закона показывает, что изменение общественной опасности преступления в значительном числе случаев поставлено в зависимость от статусно-ролевых характеристик субъекта преступления. В теории они традиционно именуются его «дополнительными признаками»², однако рассмотрение их в криминологико-правовом фокусе позволяет ответить на вопрос о социальных основаниях законодательной дифференциации ответственности за преступления, совершенные лицом «путем противоправного использования субъектом социального статуса или невыполнения (ненадлежащего выполнения) социальной роли, требования к выполнению которых регламентированы существующими

правилами поведения, в том числе нормативного характера»³.

Приступая к историческому анализу законодательного использования статусно-ролевых характеристик в целях дифференциации уголовной ответственности, отметим изменчивость права и уголовного права, в частности, что обусловлено его социальным содержанием. На эту сущностную особенность обращалось внимание в советской правовой науке, например: И.И. Карпец подчеркивал, что «закон — это не догма (в смысле мертвой неизменности, независимой от изменения социальных условий), а политика, точнее — ее выражение в праве»⁴. На это же указывают и представители современного уголовного права: так, А.Э. Жалинский отмечает частое присвоение и использование уголовного права властью «только в своих интересах»⁵.

В этой связи вполне справедливо утверждать, что институт уголовного наказания выступает чрезвычайно подвижным регулятивным механизмом, содержание которого полностью предопределено культурой общества в целом и политической волей в частности, и поэтому чутко реагирующим на любые конъюнктурные изменения в обществе. Явля-

¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 14.

² См., напр.: Иванов Н.Г. Уголовное право России: Общая и Особенная части : учебник. М., 2003. С. 181; Курс уголовного права : в 5 т. Т. 1: Учение о преступлении. Общая часть : учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 291.

³ Каравая Ю.С. Специальный субъект преступления: криминологико-правовой подход : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. С. 41.

⁴ Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М. : Наука, 1973. С. 56.

⁵ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М. : Проспект, 2009. С. 9.

ясь социальным институтом, наказание полностью зависит от исторической специфики момента: «Изменение взглядов на природу и сущность уголовного наказания в историческом контексте обусловлено динамикой социально-экономических и политических условий жизни общества»⁶.

В рамках данной работы предлагается проанализировать значение статусно-ролевых характеристик субъекта преступления и потерпевшего для дифференциации уголовной ответственности по законодательству Древней Руси. Как и в любом другом случае, данный исторический период выделяется с учетом качественной социально-экономической и политической специфики общественных отношений, прямо отражающейся, в частности, на нормах уголовного закона.

Обозначенный период в истории русского уголовного права связан с такими нормативными правовыми актами, как Русская Правда (в ее Краткой и Пространной редакциях), Псковская и Новгородская судные грамоты.

Сам факт появления единого закона⁷ для государства следует понимать как однозначное свидетельство завершения процесса формирования господствующего класса, отделения его от остального населения и возвышения над ним уже не только фактически, но и юридически — в качестве законодателя.

В целом исследователи единогласны во мнении, что Русская Правда ознаменовала собой переход от мести к наказаниям, преимущественно денежного характера («композициям»)⁸.

В силу фактического сохранения кровной мести частные интересы в восстановлении нарушенной справедливости могли быть удовлетворены без властного вмешательства. Ввиду патриархального уклада общества и сохранения черт общинного строя при развивающихся классовых противоречиях отдельная семья по-прежнему обладала определенной долей автономии и независимости. Следовательно, восстановление поправной справедливости естественным образом выступало личным долгом семьи, но никак не публичной обязанностью власти. Отсюда имуществен-

ная доминанта в наказании была единственно возможной формой самопроявления власти в правосудии.

Процессы общественной дифференциации напрямую отразились на законодательной регламентации мер уголовного наказания по Русской Правде, поскольку размер денежного взыскания (виры) зависел от сословной принадлежности потерпевшего. Как отмечал А.Ф. Бернер, «как конь был дороже служилому человеку его собаки, так и служилый человек был дороже князю простого людина или холопа»⁹.

Анализ норм Краткой редакции Русской Правды на предмет закрепления статусно-ролевых характеристик виновного и его жертвы приводит к выводу, что закон называет их лишь однажды, устанавливая денежное наказание за укрывательство сбежавшего челядина варягом или колбягом (ст. 11). Абсолютно-определенный характер санкции при этом («3 гривны за обиду») свидетельствует о том, что при назначении наказания не учитывались ни личность преступника, ни характер и степень общественной опасности совершенного преступления, ни смягчающие и отягчающие обстоятельства¹⁰.

Особое внимание законодателя к указанным категориям населения объясняется тем, что, во-первых, иностранцы, обозначаемые как «варяги» или «колбяги», часто служили в княжеской дружине, торговали, при этом их правовой статус часто отличался от статуса коренных жителей; во-вторых, поскольку они жили особыми общинами, это затрудняло поиск беглых феодально-зависимых людей (челядинов)¹¹.

В Пространной редакции Русской Правды круг субъектов с уголовно значимыми статусно-ролевыми признаками расширяется за счет отнесения к ним господина, злоупотребившего насилием в отношении закупа (ст. 62), и смерда за самоуправство в отношении других смердов (ст. 78). Обе нормы предусматривали денежное наказание в виде штрафа князю, причем в первом случае его размер не определен, т.е. санкция являлась абсолютно-неопределенной. Во втором случае виновный обязан был уплатить 3 гривны

⁶ Караваева Ю.С. Указ. соч. С. 82.

⁷ Несмотря на феодальную раздробленность и определенную автономию русских княжеств, действие Русской Правды не являлось номинальным.

⁸ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная : в 2 т. СПб., 1865. Т. 1: Часть Общая. С. 168.

⁹ Там же. С. 169.

¹⁰ Непомнящая Т. В. Мера уголовного наказания. М., 2012. С. 35.

¹¹ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. С. 54.

штрафа князю и 1 гривну кун пострадавшему «за муку»¹².

Процессы феодальной раздробленности и относительная экономическая и политическая автономия удельных княжеств выступали предпосылками формирования местного уровня нормативного регулирования. Действие некоторых правовых актов удельных князей выходило далеко за границы отдельного княжества (например, нормы Псковской и Новгородской судных грамот применялись вне пределов Пскова и Великого Новгорода). Указанные документы, аналогично Русской Правде, были направлены на регулирование и гражданско-правовых, и уголовно-правовых, и процессуальных отношений. Отсюда санкции и за преступления, и за иные деликты имели преимущественно денежный характер.

Общественно-политическое своеобразие Пскова и Великого Новгорода выражается в их характеристике — как «феодальных республик в их аристократическом варианте»¹³. Специфика заключалась в том, что среди субъектов, участвовавших в республиканском управлении, наиболее заметная роль принадлежала выборному коллегиальному органу — вече, а в Новгороде также — руководителю церкви, владыке и боярскому совету.

Указанная специфика нашла свое нормативное отражение, причем если Псковская судная грамота «не знала социальной дифференциации в применении права»¹⁴, то Новгородская устанавливала различную ответственность с учетом сословной принадлежности субъекта преступления.

Из анализа положений Новгородской судной грамоты следует, что специальные признаки субъекта закреплены в норме ст. 6, устанавливающей ответственность истца за наведение наводок на суд, т.е. за клевету в отношении должностных лиц, отправляющих правосудие. При этом размер наказания определяется в зависимости от сословного положения истца: «...ино взять Великим Князем и Великому Ноугороду на виноватом на боярине 50 рублев, а на житьем дватцать рублев, а на молодшем десять руб. за наводку; а истцю убытки подоймет»¹⁵.

В науке указывается на два обстоятельства, учет которых предрешил градацию раз-

меров наказаний в Новгородской судной грамоте: по мнению О.В. Мартышина, «во-первых, обращение знатного горожанина к преступной деятельности казалось особо непростительным; во-вторых, для соблюдения равной тяжести наказания для различных слоев населения следовало соизмерять денежное взыскание с состоянием преступника»¹⁶.

В Пскове также высшим органом управления являлось вече, тогда как князь (посадник) имел гораздо меньший политический вес. В то же время, в силу прежде всего территориальной специфики, включая геополитическое положение¹⁷, статус Пскова отличалась большей зависимостью от власти великого князя — формального правителя Русской земли.

Впервые нормы Псковской судной грамоты запрещали «тайный посул» князю или посаднику (ст. 4), однако не устанавливая ответственности за это. К другим категориям преступников, особо выделяемых положениями судной грамоты, можно отнести родственников — сына и брата, совершивших насильственные деяния в отношении отца и брата соответственно, что наказывалось «продажей» — денежным штрафом в пользу князя.

В нормах рассматриваемого закона отсутствуют сведения о сословной принадлежности виновных лиц в части определения им размера наказания. Вместе с тем «наиболее жесткой являлась санкция, устанавливавшая ответственность в отношении волостеля — должностного лица, осуществлявшего правосудие. В качестве такового выступали высшие должностные лица республики — князь, сотские, посадники»¹⁸. Это обстоятельство свидетельствует, с одной стороны, о действительно ограничивающем характере их правового статуса, предписывавшего, несмотря на высокое положение, обязанность придерживаться закона. С другой — наряду с судом светским в системе правосудия республики функционировал и суд духовный. Если применительно к последнему профилактическую функцию выполняли сами религиозные заповеди, то светский суд оказывался беззащитным перед корыстью и алчностью своих должностных лиц. Запрет взяточничества в связи с этим можно воспринимать как гарантию законности правосудия. Особое отношение к правосудию,

¹² Там же. С. 68–69.

¹³ Там же. С. 17.

¹⁴ Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформы. СПб., 2001. С. 67–68, 70.

¹⁵ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. С. 312.

¹⁶ Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 291.

¹⁷ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. С. 324.

¹⁸ Караваева Ю.С. Указ. соч. С. 77.

кроме того, усматривается из специальных за- претов противоправных действий участни- ков судопроизводства — истца и ответчика. Это указывает на формирование системы пре- ступлений против правосудия.

Абсолютно-определенный характер санк- ций исключал возможность учета конкретных обстоятельств совершенного преступления и личности виновного.

Таким образом, уголовные наказания за преступления, совершаемые с использова- нием своего статусно-ролевого положения, в Древней Руси имели денежный характер, как правило, сумма взыскивалась в пользу князя и лишь в отдельных случаях часть ее передава- лась потерпевшему.

Тезис о значении статусно-ролевого поло- жения виновного и потерпевшего для целей дифференциации уголовной ответственности подтверждается следующими выводами:

во-первых, насильственное деяние, совер- шенное лицом, имеющим более высокий со- циальный статус («князь»), в отношении ли- ца, находящегося на более низкой ступени социальной иерархии статусов («холоп»), предполагало более широкие возможности судейского усмотрения, что априори влечет за собой включение неформальных механиз- мов принятия решения. Однако аналогич- ное деяние, совершенное указанными лица- ми в «обратном» порядке, влечет наказание в строго установленном размере. В целом, это свидетельствует о привилегированном характере древнерусского права. Во-вторых, именно в законодательстве данного периода устанавливается исключительного характе- ра зависимость между социальным статусом высших должностных лиц и предъявлением более строгих требований закона к их слу- жебному поведению.

Литература

1. Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформы / Ю.Г. Алексеев. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 446 с.
2. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная : в 2 т. СПб. : Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. Т. 1: Часть Общая. 940 с.
3. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А.Э. Жалинский. 2-е изд. М. : Проспект, 2009. 400 с.
4. Иванов Н.Г. Уголовное право России: Общая и Особенная части : учебник / Н.Г. Иванов. М., 2003. 768 с.
5. Караваева Ю.С. Специальный субъект преступления: криминологический и правовой подход : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.С. Караваева. Омск, 2017. 198 с.
6. Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы / И.И. Карпец. М. : Наука, 1973. 287 с.
7. Курс уголовного права : в 5 т. Т. 1: Учение о преступлении. Общая часть : учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 2002. 624 с.
8. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. М. : Норма, 2000. 400 с.
9. Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики / О.В. Мартышин. М. : Российское право, 1992. 384 с.
10. Непомнящая Т. В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. 384 с.
11. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. 432 с.

References

1. Alekseev Yu.G. Sudebnik Ivana III. Traditsiya i reformy' [The Code of Law of Ivan III. Tradition and Reform] / Yu.G. Alekseev. Sankt-Peterburg : Dmitriy Bulanin — Saint Petersburg : Dmitriy Bulanin, 2001. 446 s.
2. Berner A.F. Uchebnik ugovornogo prava. Chasti Obschaya i Osobennaya : v 2 t. [Textbook of Criminal Law. General and Special Parts : in 2 vol.] Sankt-Peterburg : Tip. N. Tiblena i komp. 1865. T. 1: Chast obschaya — Saint Petersburg : Publishing office of N. Tiblen and Co., 1865. Vol. 1: General part. 940 s.
3. Zhalinskiy A.E. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyy analiz [The Criminal Law in Expectation of Changes: the Theoretical and Instrumental Analysis] / A.E. Zhalinskiy. 2-e izd. Moskva : Prospekt — 2nd edition. Moscow : Prospekt, 2009. 400 s.
4. Ivanov N.G. Ugolovnoe pravo Rossii: Obschaya i Osobennaya chasti : uchebnik [The Criminal Law of Russia: General and Special Parts : textbook] / N.G. Ivanov. Moskva — Moscow, 2003. 768 s.
5. Karavaeva Yu.S. Spetsialny'y subekt prestupleniya: kriminologo-pravovoy podkhod : dis. ... kand. yurid. nauk [Special Subject of Crime: Criminological and Legal Approach : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / Yu.S. Karavaeva. Omsk — Omsk, 2017. 198 s.
6. Karpets I.I. Nakazanie. Sotsialny'e, pravovy'e i kriminologicheskie problemy' [Punishment. Social, Legal and Criminological Issues] / I.I. Karpets. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1973. 287 s.
7. Kurs ugovornogo prava : v 5 t. T. 1: Uchenie o prestuplenii. Obschaya chast : uchebnik [The Course of Criminal Law: in 5 vol. Vol. 1: The Doctrine of Crime. General part : textbook] / pod red. N.F. Kuznetsovoy, I.M. Tyazhkovoy. Moskva : Zertsalo-M — under the editorship of N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkova. Moscow : Mirror-M, 2002. 624 s.

8. Lesnievski-Kostareva T.A. *Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of Criminal Responsibility. Theory and Legal Practice] / T.A. Lesnievski-Kostareva. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2000. 400 s.
9. Marty'shin O.V. *Volny'y Novgorod. Obschestvenno-politicheskiy stroy i pravo feodalnoy respubliki* [Free Novgorod. The Socio-Political System and the Law of the Feudal Republic] / O.V. Marty'shin. Moskva : Rossiyskoe pravo — Moscow : Russian Law, 1992. 384 s.
10. Nepomnyaschaya T.V. *Mera ugovnogo nakazaniya: problemy' teorii i praktiki : monografiya* [Penal Sanction: Problems of Theory and Practice : monograph]. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2012. 384 s.
11. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9 t. [Russian Legislation of the X to the XX centuries : in 9 vol.] / pod obsch. red. O.I. Chistyakova. Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1984. T. 1: *Zakonodatel'stvo Drevney Rusi* — under the general editorship of O.I. Chistyakov. Moscow : Legal Literature, 1984. Vol. 1: *Legal System of Ancient Rus*. 432 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-6-53-57

Милицейское дознание в России в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)

*Степанов Михаил Михайлович,
заведующий кафедрой менеджмента
Заполярье филиала Ленинградского
государственного университета имени А.С. Пушкина,
кандидат юридических наук, доцент
stepanovtao@mail.ru*

*Маручек Алексей Алексеевич,
доцент кафедры общественных наук Омского филиала
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
avtor@lawinfo.ru*

В статье рассматриваются вопросы осуществления милицией дознания в России в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). Исследуются особенности правового регулирования милицейского дознания в отдельных государственных образованиях, существовавших в рассматриваемый период на территории России. Делаются выводы о том, что в годы Гражданской войны милиция повсеместно осуществляла дознание по уголовным делам; правовой основой производства дознания милицией в рассматриваемый период являлся Устав уголовного судопроизводства с изменениями, внесенными в него правовыми актами существовавших на территории России государственных образований (как антибольшевистских, так и Советской России); в годы Гражданской войны наметилась тенденция расширения объема процессуальной деятельности милиции. Наиболее ярко это проявилось в создании советской следственно-розыскной милиции, которая, кроме производства дознания, осуществляла и предварительное следствие по уголовным делам.

Ключевые слова: милиция, дознание, Гражданская война, антибольшевистские государственные образования, Советская Россия.

Police Investigation in Russia in the Years of the Civil War (1918 to 1920)

*Stepanov Mikhail M.
Head of the Department of Management of the Polar Branch of the Pushkin Leningrad State University
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

*Maruchek Aleksey A.
Assistant Professor of the Department of Social Sciences of the Omsk Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

The article discusses the implementation by militia of inquiry in Russia in the years of Civil War (1918–1920). Examines the peculiarities of legal regulation of militia inquiry in a separate state formations exist-

ting during the considered period in the territory of Russia. Conclusions are made about the fact that in the years of Civil War the militia everywhere conducted inquiry on criminal cases; the legal basis of production of inquiry by militia during the considered period was the Charter of criminal proceedings with the changes made to it by legal acts of the state formations existing in the territory of Russia (both anti-Bolshevik, and the Soviet Russia); in the years of Civil War the tendency of expansion of volume of procedural activity of militia was outlined. This is most clearly manifested in the creation of the Soviet investigative and search militia, which, in addition to the inquiry, and carried out a preliminary investigation in criminal cases.

Keywords: militia, inquiry, Civil War, anti-Bolshevik state formations, Soviet Russia.

Судебные Уставы 1864 г. существенно ограничили процессуальную деятельность полиции Российской империи. После их принятия полиция по уголовным делам в основном стала выполнять поручения судебных следователей. Исключение составляли дела, рассматриваемые в мировых судебных установлениях. В Уставе уголовного судопроизводства¹ (УУС) указывалось, что по этим делам «мировой судья может поручить местной полиции собрать все необходимые по делу сведения» (ст. 47 УУС); «лица, потерпевшие от преступного действия вред или убытки, могут обращаться и прямо в местную полицию, которая обязана произвести розыскание и о последствиях представить мировому судье» (ст. 48 УУС); «полицейские... власти сообщают мировому судье о тех обнаруженных ими в кругу их действия проступках, которые подлежат преследованию без жалоб частных лиц» (ст. 49 УУС). Полномочия полиции по данной категории дел были достаточно широкими. Так, помимо прочего, по поручению мирового судьи полиция могла производить осмотры, освидетельствования и обыски (ст. 105 УУС). Предоставленные полицией материалы затем использовались мировыми судьями для разрешения уголовных дел.

В результате Февральской буржуазно-демократической революции полиция была упразднена, а вместо нее создана народная милиция. При этом права и обязанности полиции по производству дознания перешли к милиции. Основным нормативным актом, регулирующим деятельность народной милиции, стало утвержденное 17 апреля 1917 г. Временное положение о милиции². В пункте 21 этого положения указывалось, что по уголовным делам милиция осуществляет дознание на основании законов уголовного судопроизводства, а п. 24 было установлено, что

при производстве дознания о преступных деяниях чины милиции руководствуются постановлениями ст. 48–51 Устава уголовного судопроизводства.

После Октябрьской революции и в годы Гражданской войны содержание предварительного расследования существенно отличалось от современного. Понятие «расследование», «следствие», «дознание» трактовались более широко и неоднозначно, их четкие границы не были определены. Соотношение этих форм расследования понималось схематично, упрощен был и сам порядок расследования³.

В антибольшевистских государственных образованиях, существовавших на территории России в годы Гражданской войны, повсеместно воссоздавалась милиция. Она действовала на основании законодательства, принятого до Октябрьской революции, с изменениями, внесенными в него органами власти соответствующего государственного образования.

Так, милиция Всевеликого Войска Донского (ВВД) была создана 2 мая 1918 г. постановлением Круга спасения Дона⁴. Первоначально она руководствовалась Временным положением о милиции от 17 апреля 1917 г. Затем были приняты Основные законы ВВД, в которых предусматривалось: «Впредь до издания и обнародования новых законов Всевеликое Войско Донское управляется на твердых основаниях Свода законов Российской Империи... Все декреты и иные законы, разновременно издававшиеся как Временным правительством, так и Советом Народных Комиссаров, отменяются»⁵. Таким образом, милиция осуществляла производство дознания на основании Устава уголовного судопроизводства.

Позднее войсковая милиция была переименована в войсковую стражу, которая стала действовать на основании положения, ут-

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. СПб., 1867.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1917. № 97. Ст. 537.

³ См.: Степанов М.М., Маручек А.А. Судебно-следственные органы России в годы гражданской войны: учебное пособие. Омск, 2007. С. 5.

⁴ ГА РФ. Ф. Р936. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.

⁵ Там же. Ф. Р1257. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

вержденного 5 октября 1918 г.⁶. В соответствии с положением одной из основных задач войсковой стражи являлось осуществление дознания.

27 июня 1918 года Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства принял постановление, утвердившее Временные правила о порядке охраны личной и имущественной безопасности граждан, проживающих в сельской местности⁷. Это постановление восстановило действие Временного положения о милиции, принятого Временным правительством 17 апреля 1917 г., и дополнило его. Таким образом, милиция Временного Сибирского правительства также осуществляла дознание по уголовным делам на основании Устава уголовного судопроизводства.

17 сентября 1918 года было принято Временное положение о сибирской милиции⁸, которое отменило действие Временного положения о милиции от 17 апреля 1917 г. Однако и новое Временное положение возложило на сибирскую милицию обязанности по производству дознания.

На территории, занятой Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР), милиция была названа государственной стражей. Первоначально она действовала на основании Временного положения о милиции от 17 апреля 1917 г., так как 2 февраля 1919 г. руководство ВСЮР приняло решение, в котором указывалось: «Постановления Временного правительства, изданные до 25 октября 1917 г., за исключением тех из них, которые были отменены или изменены Приказами Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России, признать сохраняющими свою силу в местностях, подчиненных Главнокомандующему, поручив Управляющим Отделов преподавать по сему поводу соответствующие указания по своим ведомствам»⁹.

Затем 25 марта 1919 года было принято Временное положение о Государственной страже, утвержденное Главнокомандующим ВСЮР А.И. Деникиным¹⁰. Согласно этому документу на государственную стражу возлагалась обязанность по производству дознаний.

В своей деятельности чины государственной стражи должны были руководствоваться временным положением, инструкциями и

наказами начальника Управления внутренних дел, указаниями, распоряжениями и разъяснениями губернаторов и начальников уездов, инструкциями прокуроров судебных палат, Уставом уголовного судопроизводства и «указаниями, касающимися бывших учреждений полиции, поскольку таковые не отменены настоящим Положением».

На северо-западе России Временное правительство Северной области во второй половине октября 1918 г. утвердило Положение об Архангельском бюро уголовного розыска¹¹. Этот орган имел целью «...производство расследований и дознаний в видах разоблачения и преследования преступных действий исключительно уголовного характера, учиненных в пределах г. Архангельска и примыкающих к нему заводских и грузовых районах...». В положении подчеркивалось, что бюро в своей деятельности руководствуется Уставом уголовного судопроизводства и Уставом о предупреждении и пресечении преступлений. Созданное позднее Мурманское бюро уголовного розыска действовало на основании тех же организационно-правовых начал¹².

Советская милиция была создана 10 ноября 1917 г. постановлением Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) «О рабочей милиции»¹³. Милиция представляла собой народный орган охраны порядка, вооруженные формирования трудящихся. Ее права и обязанности, а также ставившиеся перед ней задачи определялись каждым создававшим ее Советом самостоятельно. Иногда местные Советы наделяли милицию процессуальными полномочиями, поручая ей производство предварительного расследования. Так, в апреле 1918 г. исполком Малоярославского Совета Калужской губернии сообщил в НКВД, что «на обязанности милиции лежат расследование и предупреждение преступлений и розыск по уголовным делам, а также надзор за общественной безопасностью»¹⁴. В июне 1918 года из Вологды сообщили, что «чины наружной охраны (милиции) исполняют судебные функции (предварительное дознание, уголовный розыск, предупреждение и пресечение преступлений)»¹⁵. А в приказе по Московской уголовно-розыскной милиции от 3 июля 1918 г. указывалось на недостатки в проведе-

⁶ ГА РФ. Ф. Р1258. Оп. 1. Д. 20. Л. 40–43.

⁷ Там же. Ф. Р147. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

⁸ Там же. Ф. Р4531. Оп. 1. Д. 134. Л. 98об.–101об.

⁹ Там же. Ф. Р439. Оп. 1. Д. 104. Л. 189.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р439. Оп. 1. Д. 94. Л. 65–76.

¹¹ Там же. Ф. Р16. Оп. 1. Д. 3. Л. 104–105.

¹² Там же. Ф. Р16. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.

¹³ СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 15.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р393. Оп. 6. Д. 39. Л. 4об.

¹⁵ Там же. Ф. Р393. Оп. 3. Д. 80а. Л. 69.

нии дознаний и на необходимость улучшения подготовки сотрудников, производивших их¹⁶.

Произведенные милицией дознания направлялись местному судье, который в соответствии с п. 16 постановления Наркомата юстиции от 23 июля 1918 г. «Об организации и действии местных народных судов» «по поступлении... протоколов дознания о совершении какого-либо преступления... основательно ознакомившись с протоколом, составляет формулировку обвинения, если находит достаточными данные дознания»¹⁷.

7 марта 1918 года ВЦИК был принят Декрет о суде № 2¹⁸, который в ст. 8 закрепил, что судопроизводство по уголовным делам проходит по правилам Судебных Уставов 1864 г., которые не отменены декретами ВЦИК, СНК и не противоречат правосознанию трудящихся классов. Таким образом, с весны 1918 г. дознание стало производиться советской милицией на основании норм Устава уголовного судопроизводства.

Однако только после создания милиции, как штатного государственного органа охраны порядка, и принятия 13 октября 1918 г. инструкции «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции»¹⁹ на милицию законодательно была возложена обязанность производить дознание по уголовным делам.

5 октября 1918 года коллегия НКВД приняла Положение об организации отделов уголовного розыска²⁰. Положение являлось развитием инструкции НКВД и НКЮ «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции». В нем прямо говорилось о том, что ряд положений инструкции «...применимы также для уголовного розыска». В том числе это касалось и вопросов производства дознания.

В конце 1919 г. Центроузрозиском была издана Инструкция по уголовному розыску²¹. В ней, в том числе, были закреплены обязанности уголовного розыска по производству дознания. При этом дознание рассматривалось как одна из форм предварительного расследования преступления, и, кроме того, оно разграничивалось с розыском.

А в приказе Главного управления милиции от 1 ноября 1920 г.²² указывалось, что уголовный розыск, помимо прочего, производил дознание по уголовным делам по поручению судебных органов.

Таким образом, в Советской России дознание осуществлялось аппаратами общей милиции и уголовного розыска как форма предварительного расследования преступлений, которая заключалась в расследовании уголовного дела по нетяжким преступлениям в полном объеме самостоятельно, с передачей его по окончании дознания по подсудности. Их деятельность носила процессуальный характер и имела для суда доказательственное значение. Так, принятое Декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г. Положение о народном суде РСФСР устанавливало, что по делам о нетяжких преступлениях, которые рассматривались народным судом без участия шести народных заседателей, суд мог ограничиться произведенным милицией дознанием²³. Такой же порядок был закреплен и в Декрете ВЦИК от 21 октября 1920 г. «Положение о народном суде РСФСР»²⁴.

С 1919 года наметилась тенденция к расширению объема процессуальной деятельности милиции. Следственные комиссии при местных Советах (органы предварительного следствия) не справлялись с нагрузкой. Поэтому фактически милиция, как орган дознания, стала осуществлять и предварительное следствие по уголовным делам. Она получила право возбуждать уголовные дела, проводить следственные действия, избирать меру пресечения. Все это привело к тому, что в 1919–1920 гг. органы уголовного розыска стали проводить предварительное следствие по большинству уголовных дел.

Попыткой юридически закрепить сложившееся положение и организационно оформить осуществление милицией предварительного следствия стало создание специальных аппаратов следственно-розыскной милиции, возникших на базе органов уголовного розыска. На практике они стали образовываться с весны 1920 г., после того как 2 апреля того же года на совместном заседании коллегий НКВД и НКЮ было признано необходимым осуществить слияние розыскного и следственного аппаратов²⁵.

¹⁶ Там же. Ф. Р393. Оп. 6. Д. 107. Л. 98–99.

¹⁷ СУ РСФСР. 1918. № 53. Ст. 597.

¹⁸ Там же. 1918. № 26. Ст. 420.

¹⁹ Там же. 1918. № 75. Ст. 813.

²⁰ Вестник Народного комиссариата внутренних дел. 1918. № 24. С. 8–9.

²¹ Нормативные акты о строительстве и деятельности советской милиции в 1917–1920 гг. М., 1968. С. 97.

²² ГА РФ. Ф. Р393. Оп. 23. Д. 16. Л. 49–51об.

²³ СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

²⁴ СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р393. Оп. 23. Д. 27. Л. 24.

В соответствии с положением НКВД РСФСР «О следственно-розыскной милиции»²⁶ она находилась в ведении Главного управления милиции НКВД. Перед ней ставились следующие основные задачи: предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование уголовно наказуемых деяний.

Таким образом, милиция стала осуществлять и дознание, и следствие по уголовным делам в полном объеме.

Однако уже в октябре 1921 г. произошла ликвидация следственных частей в уголовном розыске и производство предварительного следствия было изъято из компетенции милиции²⁷. Тем не менее милиция продолжала осуществление дознания по уголовным делам.

²⁶ Там же. Ф. Р393. Оп. 23. Д. 5. Л. 40.

²⁷ Там же. Ф. Р393. Оп. 31. Д. 358. Л. 73об.–74.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что:

1) в годы Гражданской войны милиция повсеместно осуществляла дознание по уголовным делам;

2) правовой основой производства дознания милицией в рассматриваемый период являлся Устав уголовного судопроизводства с изменениями, внесенными в него правовыми актами существовавших на территории России государственных образований (как антибольшевистских, так и Советской России);

3) в годы Гражданской войны наметилась тенденция расширения объема процессуальной деятельности милиции. Наиболее ярко это проявилось в создании советской следственно-розыскной милиции, которая, кроме производства дознания, осуществляла и предварительное следствие по уголовным делам.

Литература

1. Степанов М.М. Судебно-следственные органы России в годы гражданской войны : учебное пособие / М.М. Степанов, А.А. Маручек. Омск : Омская акад. МВД России, 2007. 107 с.

References

1. Stepanov M.M. Sudebno-sledstvenny'e organy' Rossii v gody' grazhdanskoy voyny' : Uchebnoe posobie [Judicial and Investigative Bodies of Russia during the Civil War : textbook] / M.M. Stepanov, A.A. Maruchek. Omsk : Omskaya akad. MVD Rossii — Omsk : Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2007. 107 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-6-57-63

Репрессии на советском транспорте во второй половине 1930-х гг.

*Шкаревский Денис Николаевич,
доцент Института государства и права
Сургутского государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент
shkarden@mail.ru*

*В статье автор анализирует организацию и проведение репрессий на советском транспорте. Автор приходит к выводу о значительной роли органов транспортной юстиции в проведении репрессий.
Ключевые слова: транспортная юстиция, репрессии в СССР.*

Repressions at the Soviet Transport in the Second Half of 1930s

*Shkarevsky Denis N.
Assistant Professor of the State and Law of the Surgut State University
Candidate of Historical Sciences
Assistant Professor*

In this article, the author analyzes the organization and conduct of repressions on Soviet transport. The author comes to a conclusion about the significant role of the bodies of transport justice in carrying out repression.

Keywords: transport justice, repressions in the USSR.

Восстановленные в начале 1930-х гг. органы юстиции на транспорте (ТЮ) оказались способны проводить организованные репрессии только к середине 1935 г. В результате они внесли свой существенный вклад в ход репрессий второй половины 1930-х гг.¹

Во второй половине 1930-х гг. в большинстве провалов транспорта в основном обвинялись «троцкистско-бухаринские вредители, агенты фашистских (японской и немецкой) разведок», которые «всячески тормозили рост работы транспорта и противодействовали его технической реконструкции». В рамках этой борьбы на транспорте были проведены кампании по борьбе с обезличкой, со сторонниками «теории предела», кампании по борьбе за овладение техникой, кампании по борьбе с враждебными элементами, проникающими на транспорт, против прогульщиков, летунов, дезорганизаторов производства, по борьбе с крушениями и авариями, по борьбе с простоями вагонов, по борьбе с Институтом реконструкции тяги и т.п. Отметим, что под значительное количество подобных преступлений подводилась к.р. составляющая, что приводило к назначению более тяжелых наказаний. Жертвами этих кампаний стали наркомы путей сообщения В.И. Невский, А.И. Емшанов, Я.Э. Рудзук, А.В. Бакулин, заместитель наркома путей сообщения Я.А. Лившиц, заместитель начальника Центрального управления движения НКПС И.А. Князев и др. В 1936–1938 годах были арестованы 12 заместителей наркома путей сообщения.

Одним из показательных дел являлось дело руководителей Оренбургской ж.д. И. Подшивалина и Г. Чиркова, которых обвинили в организованном срыве «всех важнейших норм и измерителей работы ж.д. транспорта», саботаже и вредительстве. «Исходной точкой организованного похода против норм, измерителей и графика движения поездов со стороны к.р. группы, захватившей командные посты в управлении дороги, явился вредительский срыв важнейшего задания правительства о переводе паровозов с нефтяного на угольное отопление»².

В этот период вводится большое количество инструкций, подменявших нормы материального и процессуального права. Отметим, что приказы и директивы из центра на места приходили с опозданием, нередко на несколько месяцев³. Среди них следует отметить следующие. Прежде всего Н. Крыленко и А. Вышинский предложили линсудам «вызов лиц, отбывающих наказание в лагерях, как правило, не практиковать, допуская вызов их в судебное заседание в качестве свидетелей в исключительных случаях»⁴ Законом 8 августа 1936 года было установлено, что тюремное заключение может устанавливаться специальными судами за особо опасные преступления⁵. Совместный циркуляр Н. Крыленко и А. Вышинского от 27 сентября 1936 г. № 43-с установил, что приведение в исполнение приговоров к ВМН должно производиться комендантами судов, вынесших приговор. При этом должен был присутствовать прокурор, который отвечал за правильность исполнения⁶. В январе 1937 года Н. Крыленко и А. Вышинский издали совместный циркуляр № 3сс, согласно которому «Все дела по которым может быть разглашена военная, дипломатическая или государственная тайна... как правило, должны рассматриваться без участия обвиненных и защиты»⁷. По предложению А. Вышинского обвинительные заключения по делам о к.р. вредительстве (ст. 58-7) и диверсиях (ст. 59) стали вручаться обвиняемым за сутки до рассмотрения дела в суде, кассационное обжалование по ним не допускалось, а приговоры о ВМН приводились в исполнение немедленно⁸.

По предложению Ю. Межина (в апреле 1937 г.), в ВС СССР был установлен особый порядок ознакомления защиты со спецделами: «...в присутствии какого-нибудь ответственного работника аппарата, причем все записи и выписки, которые защитник сочтет необходимым сделать по делу, должны оставаться защитником в виде секретного документа в аппарате соответствующей коллегии, с тем, что защитник имеет право использо-

¹ Козинцев А.Я. Органы транспортной юстиции СССР в 30-е годы XX века // Транспортное право. 2007. № 4. С. 34–39; Шкаревский Д.Н. О некоторых причинах создания органов транспортной юстиции в СССР в 30-е гг. XX в. // История государства и права. 2013. № 23. С. 16–20.

² Б.а. Вредительство на Оренбургской ж.д. // СЗ. 1937. № 2. С. 52–56.

³ Кулик П. Соцсоревнование в транспортной прокуратуре Южной ж.д. // СЗ. 1939. № 8–9. С. 89–90.

⁴ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 13. Д. 1. Л. 84.

⁵ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 22. Л. 110б.

⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 1. Л. 19; ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 1. Л. 27.

⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 2. Л. 4.

⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 82.

вать этот материал при выступлении на суде и после этого этот материал должен быть возвращен в коллегию»⁹.

Совместный приказ Л. Кагановича, А. Вышинского, Н. Ежова от 27 июня 1937 г. устанавливал, что «привлечение к уголовной ответственности лиц, назначаемых народным комиссаром путей сообщения, производится не иначе как по согласованию с главным прокурором ж.д. транспорта». Однако при производстве арестов инженерно-технических работников необходимо было «руководствоваться существующими на этот счет указаниями»¹⁰. Распоряжением Н. Ежова и А. Вышинского от 4 июля 1937 г. «в случаях, когда предварительным расследованием или данными органами НКВД устанавливается наличие признаков диверсии, следствие производится соответствующими органами НКВД»¹¹. Постановлением ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г. было установлено, что по делам о вредительстве и диверсиях не допускается кассационное обжалование и приговор к расстрелу приводится в исполнение немедленно по отклонении ходатайств о помиловании¹².

Проведение репрессий контролировалось непосредственно А. Вышинским и первыми руководителями органов ТЮ¹³. В результате такой политики в 1936–1938 гг. репрессии на транспорте стали массовым явлением. В течение 1937 года только в связи с делом Антисоветского троцкистского центра было пересмотрено более 20 дел о крушениях, «по которым имелись основания предполагать, что крушения носят диверсионный характер»¹⁴. Отметим, что на проведение процесса АТЦ было выделено 100 000 руб., однако их не хватило, поэтому И. Голяков и В. Ульрих просили еще 102 000 руб.¹⁵.

Также в 1937 году была проведена операция «по репрессированию бывших служащих КВЖД», число которых составляло примерно 25 тыс. человек. Только за 1938–1941 гг. по делам о к.р. преступлениях транспортными

судами было репрессировано около 6% всех осужденных¹⁶.

Инженер ст. Тайга Томской ж.д. вспоминал, что в 1936–1938 гг. «аресты не были новостью или неожиданностью и всегда в таких случаях общее собрание инженерно-технических работников единогласно принимало решение об исключении их из рядов инженерно-технической секции. ...Арестованных товарищей клеймили позором как врагов народа и давали обещание быть бдительнее». По его мнению, основную роль в этом играли органы НКВД: «За последнее время аресты органами НКВД — повсеместно, а особенно на ж.д. транспорте приняла особо массовый характер. ...Некоторые машинисты брали в дорогу чистую пару белья — не были уверены в том, что вернутся. ...При перестукивании передавали информацию о з.к., причем железнодорожников передавали чохом (без фамилий, общее количество)»¹⁷.

А. Вышинский в декабре 1936 г. отмечал, что даже «имеют место случаи отказа мест заключения в приеме арестованных от ТП (в частности по делам об авариях на ж.д. транспорте) со ссылкой на отсутствие лимита, на превышение лимита для данной ТП», и требовал «обеспечить безотказный прием»¹⁸.

В 1937 году на Дальнем Востоке действовали выездные сессии ВК ВС СССР, которые провели ряд процессов на транспорте с вынесением приговоров к ВМН: депо Хабаровск-2 (11 чел.), Амурская ж.д. (32 чел.), Дальне-Восточная ж.д. (36 чел.). Всего же сессией было приговорено к расстрелу более 200 чел.¹⁹.

О роли линсудов в репрессиях 1937–1938 гг. свидетельствует информация об остатках нерассмотренных дел о к.р. преступлениях по состоянию на 20 февраля 1939 г. (см. табл. 1).

Итак, в начале 1939 г. линсуды при достаточно напряженном графике работы не рассмотрели около 7 тыс. дел! В 1938 году линейными судами было осуждено 20282 чел., в 1939 г. — 9355 чел. (46,1% от осужденных в 1938 г.). Причем судимость снизилась по всем преступлениям, и главным образом по к.р. (см. табл. 2).

⁹ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 117. Л. 8.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 21. Л. 13.

¹¹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 22. Л. 96.

¹² ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 136. Л. 16.

¹³ О направлении в ГТП копий всех приговоров линейных судов: циркуляр НКЮ СССР и Прокурора СССР № 58/80 от 15 августа 1937 г. // СЗ. 1937. № 10. С. 130.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 120. Л. 33.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 136. Л. 15.

¹⁶ Подсчитано по: История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х — первая половина 1950-х / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2004. С. 621.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–15.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 16. Л. 9.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 887. Л. 60, 66, 123.

Таблица 1

Информация об остатках нерассмотренных дел о к.р. преступлениях по состоянию на 20.02.1939 г.

Наименование суда	Кол-во нерассмотренных дел на 20.02.1939 г.	Из них находится в производстве более 20 дней	Кол-во спец. дел, направленных на следствие
Итого	6914	4972	1939 (по СССР)

Примечание: ГАРФ. Ф. Р. 9492. Оп. 1а. Д. 7. Л. 38.

Таблица 2

Количество осужденных линсудами в 1938 и 1939 гг.

	1938 г.	1939 г.	Отношение числа осужд. в 1939 г. к числу осужд. в 1938 г. (%)
Ст. 58-7 УК РСФСР	2354	133	5,6
Ст. 58-10 УК РСФСР	5438	1499	27,5
Крушения	2700	2025	75
Аварии	1264	836	66,1
Предотвращ. крушения	1011	550	54,4
Перепростои	393	184	46,8
Хищения	1885	1030	54,6
Остальные прест.	5237	3098	59,1
	20282	9355	46,1

Примечание: ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1а. Д. 7. Л. 38.

При проведении репрессивной кампании во второй половине 1930-х гг. имело место широкое нарушение законодательства. На одном из закрытых партсобраний ГП ж.д. в марте 1937 г. отмечалось, что «ряд дел, проведенных Главной прокуратурой (депо Узловая Оренбургской ж.д.), оказались разрешены делячески, без политической заостренности. Враги народа оказались осуждены за нарушение трудовой дисциплины, а их политические лица оказались нескрытыми»²⁰. Г. Сегал также отмечал: «Недопустимо высокое количество поддержания обвинения следователями: в 1935 г. — 16,9%, в 1936 г. — 14,2% дел, рассмотренных линейными судами» (без спецдел)²¹. При этом он указывал на недопустимость невыявления «политической сущности» преступлений на транспорте, тем самым призывая придавать к.р. характер уголовным преступлениям.

Роль защитников-адвокатов во второй половине 1930-х гг. в линсудах была сведена на нет. Даже в СМИ отмечалось, что «у защитников, выступающих в линейном суде, существует неправильное представление о своей роли, что, мол, в линейном суде защитнику делать нечего»²².

Уже на завершающем этапе репрессивной кампании ЖДК ВС СССР вскрыла практику «преждевременного этапирования в лагерь НКВД осужденных до ...вступления приговоров в законную силу»²³. Встречались подобные характеристики следователей: «Небрежно производит допросы. Бланки допросов не заполняются или заполняются общими словами. Нередко сам допрос не подписывает»²⁴. В линсудах нередко нарушались ст. 111 Конституции СССР и ст. 115 Конституции РСФСР: суды рассматривали дела без участия защиты (присутствовал только гос. обвинитель);

²⁰ ЦАОПИМ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

²¹ Сегал, Г. Железнодорожная прокуратура в борьбе за социалистический транспорт // СЗ. 1937. № 6. С. 7–13.

²² Процкий. Слепой машинист // СЮ. 1938. № 2–3. С. 67.

²³ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 139. Л. 221.

²⁴ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 13. Д. 79. Л. 2об.

нарушались ст. 413 и 415 УПК РСФСР (не вызывались свидетели, не проводилась экспертиза)²⁵.

Подводя итоги работы линсудов в 1937–1938 гг., назывались следующие их недостатки: «работали изолированно от мероприятий дороги... материалы [предварительного расследования] недостаточно изучались... обвинительные заключения штамповались в подготовительных заседаниях, и значительное количество лиц было неосновательно передано суду...»²⁶.

При рассмотрении дел линсудами действительно встречались различные случаи. К примеру, отмечалось, что «личное впечатление суда, основанное только на внешнем виде подсудимого, не может опровергнуть имеющихся доказательств его виновности»²⁷. А. Вышинский в ходе собрания актива работников прокуратуры СССР в январе 1938 г. отмечал, что «очень часто огулом, без меры, привлекаем к ответственности, либо огулом не привлекаем к ответственности. ...Очень часто привлекаем к ответственности не тех, кого нужно привлекать»²⁸.

В то же время он распорядился в ноябре 1938 г.: «В случаях, не терпящих отлагательства, прокуроры имеют право давать санкции на аресты по делам о к.р. преступлениях, возбужденных как в органах прокуратуры, так и в органах НКВД, самостоятельно с немедленным уведомлением вышестоящего прокурора...»²⁹. Был даже напечатан бланк с текстом: «В силу отдаленности Вашего района, Прокуратура СССР предоставляет Вам право самостоятельно давать санкции на аресты, производимые органами НКВД и милиции, а также самостоятельного ареста по делам, следствие по которым ведет следователь Вашего района или Вы сами»³⁰.

Органы ТЮ на водном транспорте действовали аналогично в данный период. Однако в суды водного транспорта (сведения по 18 линсудам) поступило гораздо меньшее количество дел: в 1937 г. — 3481, в 1938 г. — 3219³¹.

Тенденция к ограничению репрессий на транспорте прослеживается с начала 1938 г. В январе 1938 г. НКЮ предписал «вру-

чать обвинительные заключения по спецделам и хранить их в точном соответствии с требованиями закона»³². После проведения январского Пленума ЦК ВКП(б) появились статьи в СМИ, описывающие перегибы в ходе судебной репрессии и обещавшие «сделать советский суд образцовым»³³. В июле 1938 г. А. Вышинский приказал «надзор за расследованием дел о к.р. преступлениях, расследуемых органами НКВД, сосредоточить исключительно у военных прокуроров»³⁴. В целом же была предпринята попытка повысить роль прокуратуры на основании приказа от 15 октября 1938 г. № 1550³⁵.

17 ноября 1938 года вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Н. Рычков и И. Голяков в совместном письме И. Сталину и В. Молотову по поводу данного постановления отметили, что «в работе судебных органов имеется много серьезных недостатков, заключающихся в неудовлетворительной проверке на суде следственного материала, грубом нарушении правил ведения судебного процесса, нарушении прав подсудимых. ...Нередки случаи, когда суды сложные и серьезные дела, особенно о к.р. преступлениях, рассматривают упрощенно, без проверки свидетельских показаний и иных материалов предварительного следствия...»³⁶.

Совместный приказ Н. Рычкова и И. Голякова от 26 ноября 1938 г. был призван приостановить террор, развязанный на транспорте в 1937–1938 гг. Приказ обвинял прежде репрессированное руководство ТК и ГТП в издании вредительской директивы, которая ориентировала работников транспортных судов и прокуратур на «массовое осуждение железнодорожников с применением к ним суровых мер наказания, независимо от личности обвиняемого и тяжести преступления». Приказ также обвинял работников линсудов и ТК ВС СССР в том, что они не проявили «необходимой политической бди-

²⁵ Официальный отдел // СЗ. 1938. № 9. С. 137.

²⁶ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 141. Л. 546, 547.

²⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 10. Л. 18.

²⁸ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 15. Д. 3. Л. 3, 4.

²⁹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 34. Л. 5.

³⁰ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 34. Л. 13.

³¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 1. Л. 37, 38.

³² ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 137. Л. 26.

³³ Киселев А. Основные недостатки в работе ж.д. транспортных судов // СЮ. 1938. № 10. С. 10–11; Гринберг Я. Недостатки работы и задачи водно-транспортных судов // СЮ. 1938. № 10. С. 11–12.

³⁴ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 26. Л. 5.

³⁵ Сборник приказов прокуратуры СССР / сост. Б. Солерс, Д. Орлов. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 251–253.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 891. Л. 29.

тельности и нередко слепо выполняли эту вражескую установку»³⁷. Также отмечалось, что работники ТЮ, «стараясь застраховать себя от возможных обвинений в недостаточной бдительности, рассматривали как вредителей и осуждали к суровым мерам наказания лиц, случайно допустивших брак в работе или халатно относившихся к своим служебным обязанностям»³⁸.

31 декабря 1938 года Пленум ВС СССР указал на неправильное применение ст. 58-7, 58-9 и 58-14 УК РСФСР и соответствующих статей кодексов союзных республик, указав, что применение их может иметь место лишь в тех случаях, когда обстоятельствами дела установлено, что подсудимый действовал с к.р. целью. В связи с этим были отменены все предыдущие разъяснения и постановления, в т.ч. разъяснение 18 Пленума ВС СССР от 2 января 1928 г. «О прямом и косвенноммысле при к.р. преступлении»³⁹.

Справедливости ради необходимо отметить, что в 1937 г. ТК ВС СССР резко критиковалась за лояльность в пересмотре приговоров. К примеру, в вину коллегии ставили, что она, «оставляя в силе приговоры линейных судов, заменяет лишение свободы по отдельным делам исправительно-трудовыми работами» и совершает «массовое смягчение приговоров линейного суда (30% за квартал)»⁴⁰.

В 1939 году тенденция ограничения репрессий проявилась еще более четко. Выразилось это в обвинении исполнителей проведения репрессий. 15 января 1939 года совместным циркуляром Л. Берия и А. Вышинского было разрешено военным прокурорам, прокурорам лагерей, ж.д. и водного транспорта рассматривать заявления и жалобы на решения троек НКВД⁴¹. В этом году увеличилось количество оправданных по сравнению с 1938 г. (2118 против 1788 чел.)⁴². В 1939 году, по сравнению с 1938 г., органы ТЮ резко снизили применение таких видов наказаний, как ВМН и лишение свободы на срок свыше 10 лет (см. табл. 3).

³⁷ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 141. Л. 543.

³⁸ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 141. Л. 545.

³⁹ Сборник действующих постановлений пленума и директивных писем ВС СССР / под ред. И. Голякова. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 39.

⁴⁰ Карманов Д. Недостатки в работе транспортной коллегии ВС СССР // СЮ. 1937. № 13. С. 7–8.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 41. Л. 2.

⁴² ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 152. Л. 6, 7.

Таблица 3

Применение основных видов наказания органами ТЮ

Виды наказаний	1939 г.		1938 г.	
	Кол-во	%	Кол-во	%
ВМН	2	1,5	208	8,8
Лиш. своб. св. 10 л.	53	39,9	1282	54,4
Лиш. своб. 3–10 л.	77	57,9	854	36,3
Лиш. своб. до 3 л.	1	0,7	10	0,5
ИТР и проч.	-	-	-	-
Всего	133		2353	

Значительную роль в приостановлении репрессий в 1939 г. сыграла ЖДК, которая проводила политику «ломки приговоров», т.е. пересмотра уголовных дел. ЖДК отмечала, что основными причинами отмены приговоров являлись неполнота расследования по делу и неосновательное привлечение к уголовной ответственности, неосновательное осуждение. Всего за 1939 год ЖДК рассмотрела 5289 дел в отношении 9099 осужденных (см. табл. 4).

Таблица 4

Итоги работы ЖДК по пересмотру дел

	1939 г.		1938 г.
Оставила в силе приговоры в отношении	4634 осужд.	50,9%	н/д
Снизила наказания	1406 осужд.	15,4%	н/д
Отменила приговоры с направлением дел на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия	1 527	16,8%	10,9%
Отменила приговоры с направлением дел на новое рассмотрение со стадии суда	500	5,5%	н/д
Прекратила дела производством	974	10,7%	7,2%
Отменила приговоры по мягкости наказания	58	0,7%	н/д
	9099 осужд.		

К этому процессу после репрессирования Ю. Межина подключились и председатели линсудов, недовольные вынесенными приговорами ТК ВС под его руководством⁴³.

⁴³ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 141. Л. 581.

В итоге приказ от 26 февраля 1940 г. № 34/20с констатировал, что в 1939 г. прокурорами транспорта была улучшена работа по надзору за ведением следствия органами УГБ НКВД. Во второй половине 1939 г. качество следствия по делам о к.р. преступлениях на транспорте улучшилось⁴⁴.

Итак, в ходе репрессий второй половины 1930-х гг. органы ТЮ в основном действовали на основе секретных приказов. При этом их содержание зачастую не было известно исполнителям, секретные приказы часто изменялись. Все это создавало хаос в проведении репрессий. В свою очередь это привело к тому, что на завершающем этапе репрессий исполнители были обвинены в «перегибах» и репрессированы.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 42. Л. 37.

Литература

1. Гринберг Я. Недостатки работы и задачи водно-транспортных судов / Я. Гринберг // Советская юстиция. 1938. № 10. С. 11–12.
2. История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х — первая половина 1950-х / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2004. 625 с.
3. Карманов Д. Недостатки в работе транспортной коллегии ВС СССР / Д. Карманов // Советская юстиция. 1937. № 13. С. 7–8.
4. Киселев А. Основные недостатки в работе ж.д. транспортных судов / А. Киселев // Советская юстиция. 1938. № 10. С. 10–11.
5. Козинцев А.Я. Органы транспортной юстиции СССР в 30-е годы XX века / А.Я. Козинцев // Транспортное право. 2007. № 4. С. 34–39.
6. Кулик П. Соцсоревнование в транспортной прокуратуре Южной ж.д. / П. Кулик // Собрание законодательства Российской Федерации. 1939. № 8–9. С. 89–90.
7. Прочкий. Слепой машинист // Советская юстиция. 1938. № 2–3. С. 67.
8. Сборник действующих постановлений пленума и директивных писем ВС СССР / под ред. И. Голякова. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 285 с.
9. Сборник приказов прокуратуры СССР / сост. Б. Солерс, Д. Орлов. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 265 с.
10. Сегал Г. Железнодорожная прокуратура в борьбе за социалистический транспорт / Г. Сегал // Собрание законодательства Российской Федерации. 1937. № 6. С. 7–13.
11. Шкаревский Д.Н. О некоторых причинах создания органов транспортной юстиции в СССР в 30-е гг. XX в. / Д.Н. Шкаревский // История государства и права. 2013. № 23. С. 16–20.

References

1. Grinberg Ya. Nedostatki raboty i zadachi vodno-transportny'kh sudov [Drawbacks in the Work and Tasks of Water Transport Courts] / Ya. Grinberg // Sovetskaya yustitsiya — Soviet Justice. 1938. № 10. S. 11–12.
2. Istoriya stalinskogo GULAGA. Konets 1920-kh — pervaya polovina 1950-kh [History of Stalin's GULAG. The end of the 1920s to the first half of the 1950s] / отв. red. N. Vert, C.V. Mironenko. T. 1 Moskva : ROSSPEN — publishing editor N. Vert, C.V. Mironenko. Vol. 1. Moscow : ROSSPEN, 2004. 625 s.
3. Karmanov D. Nedostatki v rabote transportnoy kollegii VC SSSR [Drawbacks in the Work of the Transport Collegium of the Armed Forces of the USSR] / D. Karmanov // Sovetskaya yustitsiya — Soviet Justice. 1937. № 13. S. 7–8.
4. Kiselev A. Osnovny'e nedostatki v rabote zh.d. transportny'kh sudov [The Major Drawback in the Work of the Railway Transport Courts] / A. Kiselev // Sovetskaya yustitsiya — Soviet Justice. 1938. № 10. S. 10–11.
5. Kodintsev A.Ya. Organy' transportnoy yustitsii SSSR v 30-e gody XX veka [Transport Tribunal in the USSR in 1930's of the XX century] / A.Ya. Kodintsev // Transportnoye pravo — Transport Law. 2007. № 4. S. 34–39.
6. Kulik P. Sotsorevovanie v transportnoy prokurature Yuzhnoy zh.d. [Social Competition in the Transport Prosecutor's Office of the Southern Railway] / P. Kulik // Sbornik zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii — Corpus of Legislative Acts of the Russian Federation. 1939. № 8–9. S. 89–90.
7. Protskiy. Slepoy machinist [The Blind Machinist] // Sovetskaya yustitsiya — Soviet Justice. 1938. № 2–3. S. 67.
8. Sbornik deystvuyushchikh postanovleniy plenuma i direktivny'kh pisem VS SSSR [Collection of Current Resolutions of the Plenum and Directive Letters of the Armed Forces of the USSR] / pod red. I. Golyakova. Moskva : Yurid izd-vo NKJU SSSR — under the editorship of I. Golyakova. Moscow : Publishing House for Legal Literature of People's Commissariat of Justice of the USSR, 1941. 285 s.
9. Sbornik prikazov prokuratury' SSSR [Collection of Orders of the Prosecutor's Office of the USSR] / sost. B. Solers, D. Orlov. Moskva : Yurid. izd-vo NKJU SSSR — authors B. Solers, D. Orlov. Moscow : Publishing House for Legal Literature of People's Commissariat of Justice of the USSR, 1939. 265 s.
10. Segal G. Zheleznodorozhnaya prokuratura v borbe za sotsialisticheskiy transport [The Railway Prosecutor's Office in the Struggle for Socialist Transport] / G. Segal // Sbornik zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii — Corpus of Legislative Acts of the Russian Federation. 1937. № 6. S. 7–13.
11. Shkarevskiy D.N. O nekotory'kh prichinakh sozdaniya organov transportnoy yustitsii v SSSR v 30-e gg. XX v. [Some Reasons for the Establishment of Transport Justice in the USSR in the 1930's] / D.N. Shkarevskiy // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2013. № 23. S. 16–20.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-6-64-67

Современные тенденции и исторический опыт в сфере безопасности дорожного движения: организационно-правовые и социально-экономические аспекты

*Войтенков Евгений Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент
voitenkov@inbox.ru*

Несмотря на многие усилия, предпринимаемые государством в области безопасности дорожного движения, представляется, что их эффективность недостаточно высока. Многие актуальные проблемы в данной сфере уже сегодня призваны разрешать новые современные технологические идеи. Вместе с тем далеко не все уроки прошлого учтены и используются в современных реалиях.

Ключевые слова: безопасность, аварийность, правовое регулирование, пропаганда безопасности дорожного движения.

Modern Trends and Historic Experience in the Area of Road Traffic Safety: Organizational and Legal and Socioeconomic Aspects

*Voytenkov Evgeny A.
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

Despite numerous state efforts in the area of road safety, they are considered to be insufficiently effective. Many current problems in this area can already be solved today with the help of new modern technological solutions. At the same time, not all the experience of the past has been taken into account and used in the modern setting.

Keywords: safety, risk of accidents, legal regulation, propaganda of road safety.

В XXI веке вопрос безопасности дорожного движения является одним из важных условий как безопасности Российской Федерации, ее успешного социально-экономического развития. Следует признать, что за последние 15–20 лет данному вопросу действительно систематически уделяется внимание на самом высоком государственном уровне. Совершенствуется нормативная правовая база в данной сфере, при этом целью работы выступает ее «соответствие» современным реалиям в области дорожного движения. Широко применяются специальные технические средства, что дает свой положительный результат: официальные статистические данные указывают на то, что на протяжении последних лет мы наблюдаем достаточно четко выраженную тенденцию на снижение основных показателей аварийности¹.

¹ По материалам официального сайта ГИБДД МВД России. URL: <http://www.http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 12.04.2018).

Однако, представляется, что, несмотря на достигнутые результаты, сегодня задействован далеко не весь инструментарий средств, который мог бы повысить эффективность данной работы.

На наш взгляд, на сегодняшний день вопрос безопасности дорожного движения в значительной мере уже не является проблемой только правового характера. Оглядываясь назад, следует отметить, что наша страна, пусть и за достаточно длительный срок (около 20–25 лет), но все же сумела пройти и осуществить эффективную трансформацию правовой базы в области безопасности дорожного движения, которая на сегодня в значительной мере соответствует существующим реалиям.

Аналогичные положительные явления наблюдаются и в области технического оснащения подразделений Госавтоинспекции МВД России и объектов дорожной инфраструктуры. Многие из идей и решений, которые были сформулированы еще в 80-х гг. XX в., находят

свое практическое воплощение в настоящее время². Повышению эффективности данной работы способствует развитие современных технологий в области специализированных мобильных информационных ресурсов и специальных баз данных с возможностью беспроводной передачи данных.

В последние годы ведется активная работа по совершенствованию качества подготовки начинающих водителей, что также вносит существенный вклад в повышение уровня безопасности дорожного движения на дорогах нашей страны.

Данный перечень реализуемых мероприятий можно продолжать и далее. Однако следует отметить, что эффективность подобных мероприятий могла бы быть существенно выше, но, на наш взгляд, это не достигается по следующим причинам.

Несмотря на то что совершенствование правовой базы в области безопасности дорожного движения — важный и нужный аспект данной работы, представляется, что в настоящее время это практически непрерывный процесс. При всех положительных его аспектах недостаточно учитывается следующее обстоятельство. Большинство участников дорожного движения фактически не успевают своевременно отслеживать и адекватно реагировать на постоянные изменения правовой базы, что снижает эффективность таковых. Это явление неразрывно связано с минимальным объемом информационно-просветительской работы в рассматриваемой области. Какие-либо изменения освещаются в средствах массовой информации, информационных порталах сети Интернет в минимальном объеме и фактически «тонут» в огромном массиве современных информационных потоков. Иные каналы пропаганды безопасности дорожного движения также остаются практически незадействованными, несмотря на то, что вопрос пропаганды безопасности дорожного движения является важным направлением этой работы как один из наиболее эффективных. Об этом свидетельствуют как исторический опыт 30–40-х³ и 60–70-х гг. XX в. (в годы первой волны автомобилизации первой

половины XX в. и в 60–70-е гг. XX в. меры по систематической пропаганде безопасности дорожного движения с использованием всех доступных на тот момент средств — радио, газеты, телевидение и проч. — обоснованно признавались весьма эффективными), так и документы новейшей истории России⁴.

Аналогичная ситуация складывается и по вопросу улучшения профессионального имиджа сотрудников Госавтоинспекции МВД России. За более чем 25-летний период новой российской государственности, к сожалению, так и не удалось добиться устойчивого положительного восприятия населением сотрудника Госавтоинспекции. Безусловно, следует признать, что за последние годы ведется активная борьба с коррупционными проявлениями среди сотрудников ГИБДД. Она дает свои положительные результаты, которые находят свое фрагментарное освещение в средствах массовой информации. Однако представляется, что в условиях ранее упомянутого дефицита систематической пропаганды безопасности дорожного движения (в том числе в контексте популяризации именно положительного облика сотрудников ГИБДД) информационные сообщения, основанные исключительно на аспектах борьбы с коррупционными проявлениями, несут крайне ограниченный положительный (если не отрицательный) эффект. Подобный подход к информационной работе может привести к тому, что такие сообщения психологически еще больше укрепляют у населения негативные стереотипы о высокой степени коррумпированности сотрудников Госавтоинспекции.

Снижению градуса напряженности якобы должны способствовать в том числе меры по расширению применения средств автоматической фиксации нарушений участниками дорожного движения и сокращению непосредственных контактов сотрудников ГИБДД с водителями.

Однако следует признать, что разрешение таких проблем, как нарушение скоростного режима, проезд на «красный» сиг-

² См., например: Кондратьев В.Д., Соколов В.Н. Деятельность полиции и милиции России по обеспечению безопасности дорожного движения. М., 2001. С. 39–40.

³ См.: Низамов В.Т., Рифицкий Г.П. Деятельность милиции РСФСР по обеспечению безопасности дорожного движения (1917 — июнь 1941 г.). Орел, 1989.

⁴ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СЗ РФ. 24.11.2008. № 47. Ст. 5489; Постановление Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2006 г. № 100 «О федеральной целевой программе “Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах”» // СЗ РФ. 2006. № 9. Ст. 1020.

нал светофора, выезд на встречную полосу и другие правонарушения, невозможно достичь только лишь применением «карательных» мер и систематическим увеличением денежных санкций. Об этом нам также свидетельствует опыт XX в. Наиболее ярко это проявилось в 30-е гг., когда в стремлении добиться сокращения аварий на дорогах санкции за правонарушения в области дорожного движения сначала поступательно ужесточались, а потом отдельные из них (до этого являвшиеся административными) и вовсе были перенесены в уголовно-правовую сферу⁵. Этот же исторический период показал, что ужесточение санкций может давать определенный краткосрочный положительный эффект, однако далее эффективность от таких мер перестает повышаться, и в долгосрочной перспективе такой подход не будет эффективным. Аналогичные явления наблюдались и в 60–80-е гг. XX в., но именно тогда подобный подход был скорректирован от дальнейшего ужесточения ответственности в пользу систематической пропаганды и просветительской работы, развития дорожной инфраструктуры и улично-дорожной сети⁶.

Несмотря на то что в последние годы также реализуются масштабные мероприятия в области дорожного строительства, следует признать, что в условиях продолжающегося роста автомобильного парка нашей стране так и не удалось преодолеть наследие XX в. в части большой диспропорции между количеством автотранспорта и протяженностью дорог. Вместе с тем, данный аспект является крайне существенным в работе по обеспе-

чению безопасности дорожного движения. Очевидно, что государственно-частное партнерство в области дорожного строительства и развитие платных магистралей не получили тех подвижек, о которых можно было бы говорить как о явлении и процессе, существенно влияющем на развитие дорожной сети России. Безусловно, есть отдельные примеры реализации таких проектов (например, трасса М 4 «Дон», платная дорога М 11 Москва — Санкт-Петербург и др.), но это лишь отдельные случаи, не указывающие на полномасштабное внедрение таких экономических моделей. Представляется, что, ввиду отсутствия опыта в реализации подобных проектов в нашей стране, а также учитывая складывающуюся экономическую ситуацию в России, проекты такого формата еще долго будут реализовываться в незначительном объеме, а возможности развития дорожной сети исключительно за счет бюджетов разных уровней в современных экономических условиях, увы, ограничены. Это обстоятельство указывает на то, что в ближайшие годы вряд ли удастся добиться существенного сокращения вышеупомянутой диспропорции, а значит, вопрос обеспечения безопасности дорожного движения будет оставаться нерешенным.

Таким образом, можно заключить следующее: в статье получили освещение лишь некоторые аспекты современного состояния дел в области обеспечения безопасности дорожного движения. Признавая, что по отдельным направлениям работы удалось достичь существенных результатов, следует, однако, указать на то, что пока не достигнута та координация действий в рассматриваемой сфере, которая еще в 60-е гг. XX в. получила название «системный подход» и которая является одним из важных факторов эффективности реализуемых мероприятий.

⁵ См., например: Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников. М., 1949. Т. 3. С. 46–47.

⁶ См.: Рифицкий Г.П. Безопасность дорожного движения в России: история и современность : учебно-практическое пособие. М., 2005.

Литература

1. Кондратьев В.Д. Деятельность полиции и милиции России по обеспечению безопасности дорожного движения : лекция для сотрудников ОВД к 200-летию МВД России / В.Д. Кондратьев, В.Н. Соколов. М., 2001. 67 с.
2. Низамов В.Т. Деятельность милиции РСФСР по обеспечению безопасности дорожного движения (1917 — июнь 1941 г.) / В.Т. Низамов, Г.П. Рифицкий. Орел, 1989.
3. Рифицкий Г.П. Безопасность дорожного движения в России: история и современность : учебно-практическое пособие / Г.П. Рифицкий. М. : Книжный мир, 2005. 265 с.
4. Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников : в 3-х т. / под общ. ред. Г.Н. Сафонова. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1949. Т. 3. 537 с.

References

1. Kondratev V.D. Deyatelnost politzii i militsii Rossii po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya : lektsiya dlya sotrudnikov OVD k 200-letiyu MVD Rossii [Police and Militia Activities in Russia to Ensure Road Safety : a lecture for the Officers of the Department of Internal Affairs on the 200th Anniversary of the Russian Ministry of Internal Affairs] / V.D. Kondratev, V.N. Sokolov. Moskva — Moscow, 2001. 67 s.

2. Nizamov V.T. Deyatel'nost' militsii RSFSR po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya (1917 — iyun 1941 g.) [Activities of the Militia in the RSFSR for Road Safety Ensuring (1917 to June 1941)] / V.T. Nazimov, G.P. Rifitskiy. Orel — Orel, 1989.
3. Rifitskiy G.P. Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya v Rossii: istoriya i sovremennost' : uchebno-prakticheskoe posobie [Road Safety in Russia: History and Modernity : workbook] / G.P. Rifitskiy. Moskva : Knizhnyy mir — Moscow : Book World, 2005. 265 s.
4. Spravochnik po zakonodatelstvu dlya sudebno-prokurorskiikh rabotnikov : v 3-kh t. [The Reference Book on Legislation for Judicial and Prosecutorial Workers : in 3 vol.] / pod obsch. red. G.N. Safonova. Moskva : Gos. izd-vo yurid. lit. , 1949. T. 3 — under the general editorship of G.N. Safonov. Moscow : State Publishing House for Legal Literature, 1949. Vol. 3. 537 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-6-67-71

Эволюция гражданско-правовой охраны публичных интересов

*Яценко Татьяна Сергеевна,
заведующая кафедрой гражданского права
юридического факультета
Южного федерального университета,
доктор юридических наук, доцент
tat-yacenko@yandex.ru*

Вопреки традиционному взгляду на социальное назначение гражданского права нормы данной отрасли права на всем протяжении своего развития обеспечивали охрану не только частных, но и публичных интересов. На основании анализа закономерностей эволюции предмета гражданско-правового регулирования в статье объясняются объективная обусловленность и необходимость гражданско-правовой охраны публичных интересов. Специфика такой охраны раскрывается через выделение этапов в развитии гражданского права, характеризующихся своеобразием в подходах к способам обеспечения соблюдения публичных интересов участниками имущественного оборота.

Ключевые слова: гражданское право, гражданско-правовая охрана, предмет гражданского права, публичный интерес, гражданский оборот.

Evolution of the Civil Legal Protection of Public Interests

*Yatsenko Tatyana S.
Head of the Department of Civil Law of the Law Faculty of the Southern Federal University
Doctor of Law
Assistant Professor*

Contrary to the traditional view of the social purpose of civil law, its norms throughout the development provided protection of not only private but also public interests. Based on the analysis of common factors of evolution of the subject of civil law regulation, the article explains the objective dependance and necessity of civil law protection of public interests. Specificity of such protection is revealed through the identification of stages in the development of civil law, characterized by their unique approach to ways of ensuring abidance by public interests by property owners.

Keywords: Civil Law, civil law protection, the subject of civil law regulation, public interest, civil turnover.

Традиционный взгляд на назначение гражданского права состоит в том, что нормы данной отрасли права обеспечивают наиболее полную реализацию прежде всего частных интересов его субъектов¹.

¹ Об этом см., в частности: Горшунов Д.Н. Зарождение традиций частного права // История государства и права. 2010. № 12. С. 16–20; Па-

При этом и разграничение публичного и частного права осуществляется целым рядом авторов именно по критерию охраняемого интереса — соответственно публичного или

шов Д.Б., Пашова М.С. Сочетание публичных и частных интересов в регулировании использования и охраны земель // Юрист. 2012. № 19. С. 35–38.

частного². Такой взгляд имеет весьма прочное основание в объективной причине появления первых норм гражданского права, заключающейся в развитии частных отношений, прежде всего отношений собственности, которая обусловила и специфику гражданско-правового метода правового регулирования, преимущественно диспозитивно-дозволительного. Соответственно, рост числа норм гражданского законодательства, направленных на обеспечение публичных интересов, с этой точки зрения может быть объяснен необходимой реакцией лишь на некоторые существующие сегодня в гражданском обороте проблемы.

Однако более глубокое исследование процесса развития гражданского права, а также изучение объективных факторов, оказавших на данный процесс существенное влияние, позволяют прийти к противоположному выводу. Исторически общественные отношения, составляющие предмет гражданского права, стали складываться как итог атомизации (индивидуализации) человека в период разложения первобытнообщинного строя. Зарождение частной собственности в данный период ослабило зависимость человека от общины и позволило обеспечить его выживаемость даже в случае, если он действовал в собственных интересах, противоречащих интересам социального целого, что ранее было просто невозможно, поскольку грозило ему гибелью. Соответственно, развитие образующих предмет гражданского права общественных отношений всегда сопровождалось риском того, что их участники в потенциале были способны нарушить публичные интересы, если это оказывалось необходимым для удовлетворения их частного интереса. Такая специфика предмета гражданского права объясняет, почему нормы данной отрасли права, воздействуя на поведение своих субъектов, с необходимостью всегда обеспечивали не только частные, но и публичные интересы.

При этом способы их воздействия с этой целью на регулируемые гражданским правом общественные отношения не оставались неизменными и в разные исторические периоды предопределялись разнообразными факторами, в том числе политическими, экономическими, социальными, включая даже уровень культурного и духовного развития

² См., к примеру: Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут, 2002. С. 54–81.

участников имущественного оборота. Вместе с тем очевидное своеобразие в подходах к обеспечению гражданско-правовой охраны публичных интересов позволяет в развитии гражданского права выделить два периода.

Первый период длился с момента зарождения первых гражданско-правовых норм до начала XIX в., когда публичные (государственные или общественные) интересы, за редким исключением³, не упоминались в законе. Однако фактически участники гражданского оборота соблюдали данные интересы, что достигалось путем существенного сужения в законе пределов правоупотребления. Государство и общество направляли поведение субъектов с целью обеспечения собственных интересов через запреты и позитивные обязывания, существенно ограничивая свободу в выборе собственного варианта поведения. В частности, в Древнем Риме *pater familias* довольно долго был лишен возможности самостоятельно распоряжаться имуществом, поскольку составлять завещание он был вправе только в случае, если законный наследник отсутствовал⁴. В общественных интересах устанавливались и строгие пределы осуществления права на землю как основу жизнедеятельности древней общины, в частности путем закрепления мер ответственности за ухудшающее свойство земельных участков их использование. Например, в соответствии с Законами Хаммурапи недобросовестный арендатор, не обрабатывавший в течение трех лет поле, отвечал в размере «10 туров зерна за каждый бур поля»⁵.

В Средние века поведение человека контролировалось посредством обычаев, сложившихся в ремесленном цехе, общине, корпорации и т.п., когда, например, распоряжаться землей он мог исключительно с со-

³ В частности, Законы XII таблиц позволяли членам коллегий и иных сообществ заключать между собой соглашения только при условии, что такие соглашения не будут нарушать постановлений, касающихся общественного порядка. См.: Законы XII таблиц // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / сост.: д.ю.н., профессор В.А. Томсинов. М.: ИКД «Зерцало-М», 2004. С. 122.

⁴ См.: Бобин М.П. Индивидуализм римского права // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 85. Ярославль: Типография Губернского правления, 1902. С. 14.

⁵ Законы Хаммурапи // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / сост.: д.ю.н., профессор В.А. Томсинов. М.: ИКД «Зерцало-М», 2004. С. 14.

гласия соответствующей социальной общности⁶. С XIII века с уменьшением значения данных союзов усилились ограничения, налагаемые на субъекта государством⁷, в том числе путем возложения на него обязанностей в общественных интересах. Например, в соответствии с германским правом собственники земельных участков обязаны были нести расходы на сооружение земляных укреплений для противодействия напору воды. Отказ от исполнения данной обязанности мог влечь за собой самые негативные последствия, вплоть до лишения субъективного права собственности⁸. Таким образом, соблюдение участниками гражданского оборота публичных интересов обеспечивалось специальными средствами правового регулирования, особое значение среди которых имели запреты, позитивные обязывания и ограничения.

С начала XIX века подходы гражданского права к охране публичных интересов претерпели существенные изменения. Непосредственная причина этого кроется в тех политических и экономических условиях, которые сложились в мире к началу XIX в. и подготовили почву для распространения научных взглядов, согласно которым публичные интересы рассматривались как главенствующие и требующие особой охраны, в том числе нормами частного права⁹. С ослаблением контролирующей функции государства актуальной стала выработка таких правовых средств, которые эффективно обеспечили бы соблюдение участниками оборота данных интересов. С этой целью в гражданское законодательство постепенно вводятся специальные требования, касающиеся разнообразных по своей видовой принадлежности публичных интересов.

При этом если до середины XX в. такие требования не носили системного характера, то сегодня подход законодателя к данному вопросу существенно изменился. Так, гражданское право отдельных зарубежных государств закрепляет общий принцип недопустимости антиобщественного, то есть нарушающего публичные интересы, поведения. Подобное правило установлено, например, Гражданским кодексом Испании¹⁰, ст. 7 которого лишает охраны антиобщественное осуществление субъективных прав. Одновременно и судебная практика других стран для оценки действий участников гражданского оборота все чаще применяет критерий их ответственности публичным интересам. Кроме того, в частности, в американской научной литературе высказывается мысль о том, что при создании нового правила поведения или модификации старого для применения его к новой ситуации суды должны учитывать общественные интересы¹¹.

Отечественное гражданское законодательство в русле общемировых тенденций XIX в. начало формировать систему мер охраны публичных интересов с отражения в своих нормах категории «общественный порядок»¹². В частности, ст. 1528 Свода законов Российской империи предусматривала необходимость соответствия цели договора закону, благочинию и общественному порядку. Вместе с тем, поскольку данная категория была заимствована из зарубежного права, когда в российских условиях объективной потребности для ее применения не было, ее сущность осталась неясной для дореволюционных ученых¹³. Несмотря на это, в редакции проекта Гражданского уложения Российской империи 1903 г. тре-

⁶ См.: Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Изд-во «Зерцало», 2003. С. 61–63.

⁷ См.: Груздев В.В. Человек и право: исторические, общетеоретические и цивилистические очерки: монография. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. С. 75.

⁸ См.: Борзенко А.А. Личность, общественность, собственность. Очерки права. Из лекций по гражданскому праву, читанных в Демидовском юридическом лицее в 1880–81 году // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 26. Ярославль: Типо-литография Г. Фальк, 1881. С. 20.

⁹ Об этом см., к примеру: Евецкий А.А. Критерий общественного интереса в гражданском праве. Харьков: Типография И.М. Варшавчика, 1881. С. 8–9; Иеринг П. Цель в праве // Избранные труды. Самара: Самарская гос. экономическая академия, 2003. С. 181; Борзенко А.А. Указ. соч. С. 19.

¹⁰ См.: Гражданские и торговые кодексы зарубежных стран: сборник законодательства. Современное зарубежное частное право: учебное пособие / под ред. С.Н. Медведева, С.О. Звонок. Ставрополь, 1999. С. 180.

¹¹ См.: Waddams, S. Private Right and Public Interest // Private Law in Theory and Practice / edited by Michael Bryan. London, New York: Routledge-Cavendish, 2007. P. 8–10.

¹² Брун М.И. Публичный порядок в международном частном праве // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 1. С. 94.

¹³ В разъяснениях, которые даны И.М. Тютрюмовым к ст. 1528 Свода законов, понятие «благочиние» также не раскрывается. См.: Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / сост. И.М. Тютрюмов. Кн. 4. М.: Статут, 2004. 635 с. (Классика российской цивилистики) // СПС «Консультант-Плюс».

бование соблюдения общественного порядка сохранило свое значение. Предполагалось признавать недействительными сделки, включая завещания, прекращать деятельность юридических лиц, если их цели противоречили общественному порядку или добрым нравам¹⁴. В пояснительной записке к проекту (1913 г.) указывалось, что подобные нормы способны предупреждать всевозможные злоупотребления, обеспечивать защиту общего блага и общественного интереса¹⁵.

В советский период развития нашего государства господствующая идеология определяла необходимость возложения на граждан специальной обязанности соблюдения государственных и общественных интересов. Гражданское законодательство того периода охрану субъективных прав ставило в прямую зависимость от пользования ими в соответствии с их социально-хозяйственным назначением¹⁶, устанавливало недействительность сделки, совершенной в ущерб государству¹⁷.

Современный подход отечественного законодателя к закреплению гражданско-правовых мер охраны публичных интересов отличается определенной спецификой. Оче-

видным является увеличение числа норм, указывающих на публичные интересы, по мере продвижения от первой части к четвертой. Это отражает особенности состояния российского гражданского оборота в разные исторические периоды. При этом усиление значения гражданско-правовой охраны публичных интересов сегодня, по нашему мнению, обусловлено тем, что в течение последнего десятилетия наиболее ярко проявились проблемы правового регулирования, в том числе связанные с массовым распространением действий участников оборота, причиняющих вред данным интересам. Современный гражданский оборот оказался перед лицом активизации антисоциальной деятельности недобросовестных субъектов, для достижения своих целей создающих «фирмы-однодневки», совершающих противозаконные сделки, инициирующих фиктивные банкротства и рейдерские захваты. Такая деятельность угрожает стабильности государства, причиняет его экономике ущерб, исчисляемый миллиардами рублей¹⁸. С этой точки зрения гражданско-правовая охрана публичных интересов в гражданском обороте приобретает особую актуальность, что свидетельствует о важности развития системы ее мер с учетом названных угроз и рисков.

¹⁴ См.: Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению проекта Гражданского уложения. С.-Петербург, 1905. URL: <http://constitutions.ru/?p=4930> (дата обращения: 05.04.2018).

¹⁵ См.: Перетерский И.С. Принудительные и диспозитивные нормы в обязательственном праве гражданского кодекса // Советское право. 1924. № 4 (10). С. 71.

¹⁶ См.: Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. Ст. 1 // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

¹⁷ Ст. 30 ГК РСФСР 1922 г., ст. 49 ГК РСФСР 1964 г.

¹⁸ По заявлениям официальных лиц, российский бюджет только из-за деятельности, например, фирм-однодневок ежегодно недополучает от 500 млрд до 1 трлн руб. Одним из множества негативных последствий этого становится уменьшение финансирования важнейших социальных программ государства. См.: Синяева Ю. Фирмы-однодневки стоят бюджету триллион // РБК daily. URL: <http://rbcdaily.ru/economy/562949985819972> (дата обращения: 29.03.2018).

Литература

1. Бобин М.П. Индивидуализм римского права / М.П. Бобин // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 85. Ярославль : Типография Губернского правления, 1902. С. 1–17.
2. Борзенко А.А. Личность, общественность, собственность. Очерки права. Из лекций по гражданскому праву, читанных в Демидовском юридическом лицее в 1880–81 году / А.А. Борзенко // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 26. Ярославль : Типо-литография Г. Фальк, 1881. С. 1–50.
3. Брун М.И. Публичный порядок в международном частном праве / М.И. Брун // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 1. С. 53–103.
4. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Ю.С. Гамбаров ; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2003. 816 с.
5. Горшунов Д.Н. Зарождение традиций частного права / Д.Н. Горшунов // История государства и права. 2010. № 12. С. 16–20.
6. Гражданские и торговые кодексы зарубежных стран : сборник законодательства. Современное зарубежное частное право : учебное пособие / под ред. С.Н. Медведева, С.О. Звонок. Ставрополь, 1999. 412 с.
7. Груздев В.В. Человек и право: исторические, общетеоретические и цивилистические очерки : монография / В.В. Груздев. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 463 с.
8. Евецкий А.А. Критерий общественного интереса в гражданском праве / А.А. Евецкий. Харьков : Типография И.М. Варшавчика, 1881. 15 с.
9. Иеринг Р. Цель в праве / Р. Иеринг // Избранные труды. Самара : Самарская гос. экономическая академия, 2003. С. 11–332.
10. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве / С.В. Михайлов. М. : Статут, 2002. 205 с.

11. Пашов Д.Б. Сочетание публичных и частных интересов в регулировании использования и охраны земель / Д.Б. Пашов, М.С. Пашова // Юрист. 2012. № 19. С. 35–38.
12. Перетерский И.С. Принудительные и диспозитивные нормы в обязательственном праве гражданского кодекса / И.С. Перетерский // Советское право. 1924. № 4 (10). С. 72–80.
13. Waddams, S. Private Right and Public Interest / S. Waddams // Private Law in Theory and Practice / edited by Michael Bryan. London, New York : Routledge-Cavendish, 2007. P. 3–24.

References

1. Bobin M.P. Individualizm rimskogo prava [Individualism of Roman Law] / M.P. Bobin // Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya. Kn. 85. Yaroslavl : Tipografiya Gubernskogo pravleniya — Chronical of the Demidov Legal Lyceum. Book 85. Yaroslavl : Printing office of the Provincial Government, 1902. S. 1–17.
2. Borzenko A.A. Lichnost, obschestvennost, sobstvennost. Ocherki prava. Iz lektsiy po grazhdanskomu pravu, chitannykh v Demidovskom yuridicheskom litsee v 1880–81 godu [Personality, Public, Property. Sketches of Law. From the Lectures on Civil Law, Read at the Demidov Legal Lyceum in 1880 to 81] / A.A. Borzenko // Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya. Kn. 26. Yaroslavl : Tipo-litografiya G. Falk — Chronical of Demidov Judicial Lyceum. Book 26. Yaroslavl : Lithographic Printing office of G. Falk, 1881. S. 1–50.
3. Brun M.I. Publichny'y poryadok v mezhdunarodnom chastnom prave [Public Policy in Private International Law] / M.I. Brun // Zhurnal Ministerstva yustitsii — Journal of the Ministry of Justice. 1916. № 1. S. 53–103.
4. Gambarov Yu.S. Grazhdanskoe pravo. Obschaya chast [Civil Law. General Part] / Yu.S. Gambarov ; pod red. i s predisl. V.A. Tomsinova. Moskva : Zertsalo — under the editorship of and with a foreword by V.A. Tomsinova. Moscow : Mirror, 2003. 816 s.
5. Gorshunov D.N. Zarozhdenie traditsiy chastnogo prava [The Origin of Private Law Traditions] / D.N. Gorshunov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2010. № 12. S. 16–20.
6. Grazhdanskie i torgovy'e kodeksy' zarubezhny'kh stran : sbornik zakonodatelstva. Sovremennoe zarubezhnoe chastnoe pravo : uchebnoe posobie [Civil and Commercial Codes of Foreign Countries : Corpus of Legislative Acts. Modern Foreign Private Law : textbook] / pod red. S.N. Medvedeva, S.O. Zvonok. Stavropol — under the editorship of S.N. Medvedev, S.O. Zvonok. Stavropol, 1999. 412 s.
7. Gruzdev V.V. Chelovek i pravo: istoricheskie, obscheteoreticheskie i tsivilisticheskie ocherki : monografiya [Man and Law: Historical, General Theoretical and Civil Sketches : monograph] / V.V. Gruzdev. Kostroma : KGU im. N.A. Nekrasova — Kostroma : Nekrasov Kostroma State University, 2010. 463 s.
8. Evetskiy A.A. Kriteriy obschestvennogo interesa v grazhdanskom prave [The Criterion of Public Interest in Civil Law] / A.A. Evetskiy. Kharkov : Tipografiya I.M. Varshavchika — Kharkov : I.M. Varshavchik's Printing Office, 1881. 15 s.
9. Jhering R. Tsel v prave [Purpose in Law] / R. Jhering // Izbranny'e trudy'. Samara : Samarskaya gos. Ekonomicheskaya akademiya — Selected Works. Samara : Samara State Academy of Economics, 2003. S. 11–332.
10. Mikhaylov S.V. Kategoriya interesa v rossiyskom grazhdanskom prave [Category of Interest in the Russian Civil Law] / S.V. Mikhaylov. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2002. 205 s.
11. Pashov D.B. Sochetanie publichny'kh i chastny'kh interesov v regulirovani ispolzovaniya i okhrany' zemel [The Combination of Public and Private Interests in Regulating Land Use and Protection] / D.B. Pashov, M.S. Pashova // Yurist — Lawyer. 2012. № 19. S. 35–38.
12. Pereterskiy I.S. Prinuditelny'e i dispozitivny'e normy' v obyazatelstvennom prave grazhdanskogo kodeksa [Forced and Dispositive Norms in the Law of Obligations of the Civil Code] / I.S. Pereterskiy // Sovetskoe pravo — Soviet Law. 1924. № 4 (10). S. 72–80.
13. Waddams, S. Private Right and Public Interest / S. Waddams // Private Law in Theory and Practice / edited by Michael Bryan. London, New York : Routledge-Cavendish, 2007. S. 3–24.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-6-71-76

Утверждение принципа соразмерности в административном праве Германии (XIX — начало XX в.)

*Бажанов Александр Александрович,
аспирант кафедры теории права и государства
Юридического института
Российского университета дружбы народов (РУДН)
sale16@mail.ru*

Принцип соразмерности, известный правовым системам практически всех европейских стран и используемый для определения пределов реализации публично-властных полномочий и допустимости ограничений прав человека, в своем современном виде начал складываться в административном

праве Пруссии в XIX в. Административные суды фактически обращались к нему при интерпретации положения Общепрусского земельного уложения 1794 г., установившего, что полиция должна принимать необходимые меры для поддержания общественного спокойствия, безопасности и порядка. В практике административных судов утвердилось представление о том, что полиция и другие органы публичной администрации могут применять принудительные меры только в целях, прямо предусмотренных законом, причем данные меры должны быть пригодны для достижения указанных целей и не выходить за пределы необходимого, т.е. не налагать на частных лиц чрезмерных обременений. Данные требования составляют необходимые элементы классического теста на пропорциональность, сформировавшегося в своем завершённом виде после Второй мировой войны уже в практике Федерального конституционного суда Германии.

Ключевые слова: принцип соразмерности, административное право, прусские административные суды, полиция, публично-властные полномочия, ограничения прав человека, тест на пропорциональность.

Approval of the Proportionality Principle in the Administrative Law of Germany (the XIX to the beginning of the XX century)

Bazhanov Aleksandr A.

Postgraduate Student of the Department of Theory of Law and State of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR)

The principle of proportionality, currently known to all legal systems of European countries and used to determine the limits of the exercise of public authority and the permissibility of human rights limitations, in its modern form appeared in the XIX century in the administrative law of Prussia. The administrative courts actually applied it in interpreting the provision of the General State Laws for the Prussian States of 1794 which provided that the police must take the necessary measures to maintain the public peace, security and order. The administrative courts had had a number of cases in which the police and other public administration authorities could apply coercive measures in cases only directly provided for by law and these measures must be suitable for achieving these goals and shouldn't go beyond what is necessary, i.e. not to impose excessive burdens on private persons. These requirements constitute the necessary elements of the classical proportionality test, which was formed in its final form after World War II in the practice of the Federal Constitutional Court of Germany.

Keywords: principle of proportionality, administrative law, Prussian administrative courts, police, public authority, human rights limitations, proportionality test.

Принцип соразмерности¹ является общепризнанным принципом права, который активно используется во многих современных демократических государствах для определения пределов реализации публично-властных полномочий и допустимости ограничений прав человека. История утверждения принципа соразмерности в этом качестве уходит корнями в полицейское право Пруссии XIX в. Предмет полицейского права охватывал установление и охрану внутренней безопасности, в том числе и «меры, касающиеся духовного благосостояния (попечение об образовании, об исправлении нравов)»².

¹ В российской литературе такой перевод немецкого и английского терминов *Verhältnismäßigkeit* и *proportionality* наиболее распространен. Он, в частности, используется в решениях Конституционного Суда РФ. Далее термины «пропорциональность» и «соразмерность» будут употребляться как синонимы.

² Малиновская В.М. Особенности развития науки административного права в Германии // Право и управление. XXI век. 2017. № 1 (42). С. 52.

Начиная со второй половины XVIII века в Пруссии постепенно формируются элементы правового государства (*Rechtsstaat*), или точнее — государства, управляемого законами. Если ранее действия государства считались законными, даже если они и не были прямо предусмотрены законом, то постепенно утвердилось представление о том, что любое действие органов власти должно быть эксплицитно дозволено законом и не выходить за пределы необходимого для достижения преследуемых целей³.

Теоретическое обоснование этих требований восходит к идеям Просвещения и связано с работами таких выдающихся мыслителей, как В. Гумбольдт, К.Г. Сварез, Г. Берг, О. Майер.

К.Г. Сварез, один из идеологов просвещенного абсолютизма и основной разработ-

³ См.: Коэн-Элия М., Порат И. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3 (82). С. 64–65.

чик кодификации прусского частного права, подчеркивал необходимость наличия «минимального соотношения» между предотвращением социальных трудностей и ограничением «естественной свободы» человека. По его мнению, «только достижение более весомого общего блага может оправдать требование государства принести в жертву менее существенное благо индивида. Если разница в весомости этих благ не столь очевидна, предпочтение должно отдаваться естественной свободе... Социальные трудности, которые предотвращаются посредством ограничения свободы индивида, должны быть намного существеннее, чем вред, который наносится индивиду или всему обществу в результате такого нарушения прав»⁴. Несмотря на то что К.Г. Сварез никогда не употреблял в своих работах термин «соразмерность», он внес существенный вклад в концептуальное понимание данного принципа.

Согласно О. Майеру, «естественные права требуют, чтобы применение правительством полицейских мер было соразмерным»⁵. А Г. Берг фактически предвосхитил современное понимание соразмерности ограничения прав человека: «Первый закон... власть полиции не должна распространяться далее установленной законом цели. Полицейское право может ограничить естественные права, но только в той мере, в какой это требует законная цель. Это второй закон»⁶.

Первое законодательное закрепление принципа соразмерности принято усматривать в ст. 10(2) Общепрусского земельного уложения 1794 г., устанавливавшей, что «полиция должна принимать необходимые меры для поддержания общественно-спокойствия, безопасности и порядка»⁷. Первоначально предполагалось, что данное положение наделяет полицию широкими полномочиями в борьбе с правонарушениями всех видов, от оскорблений короля на митинге до строительства дома без надлежащего разрешения или эксплуатации химического завода без системы удаления отходов, т.е. фактически предоставляет полиции не-

ограниченную свободу усмотрения⁸. Однако позднее оно стало интерпретироваться как допускающее только такие действия полиции, которые дозволены законом, преследуют указанные в законе цели и не выходят за пределы необходимого для их достижения.

Практическая реализация данных подходов и утверждение принципа соразмерности как критерия оценки допустимости действий полиции и других представителей публичной администрации связаны с деятельностью административных судов, созданных в Пруссии во второй половине XIX в. в целях контроля деятельности государственных чиновников. В частности, Закон о государственной администрации 1883 г. прямо наделял Высший административный суд Пруссии полномочиями по пересмотру решений правительства после исчерпания всех административных процедур обжалования⁹.

Административные суды были призваны защитить права частных лиц от злоупотреблений со стороны органов государственного управления¹⁰. В первую очередь это касалось чрезмерного использования силы и штрафов со стороны полиции. В период с 1882 по 1914 г. Высший административный суд Пруссии активно использовал принцип соразмерности для определения легитимности государственного вмешательства в экономическую и социальную жизнь общества. Не провозглашая данный принцип эксплицитно, он, тем не менее, в целом ряде решений постановил, что осуществление полицией своих полномочий не должно чрезмерно ограничивать политические и экономические права граждан¹¹.

Одним из первых примеров обращения Высшего административного суда к принципу соразмерности является дело Кройцберга 1882 г.¹² В 1879 году властями Берлина было принято постановление, запрещающее строительство любого здания, которое будет закрывать вид на недавно построенный национальный монумент. Суд отменил данное постановление, указав, что действия ад-

⁴ Svarez, C.G. *Vorträge über Recht und Staat* / Hrsg. von H. Conrad, G. Kleinheyer. Cologne : Westdeutscher Verlag, 1960. P. 40. Цит. по: Stone Sweet, A., Mathews, J. *Proportionality, Balancing and Global Constitutionalism* // *Columbia Journal of Transnational Law*. 2009. Vol. 47. No. 1. P. 99.

⁵ Mayer O. *Deutsches Verwaltungsrecht*. Bd. 1. Leipzig : Duncker & Humblot, 1895. P. 267.

⁶ Цит. по: Stone Sweet, A., Mathews, J. *Op. cit.* P. 99.

⁷ См.: Коэн-Элия М., Порат И. *Указ. соч.* С. 64–65.

⁸ Schlink, B. *Proportionality in Constitutional Law: Why Everywhere But Here?* // *Duke Journal of Comparative and International Law*. 2010. Vol. 22. No. 2. P. 294.

⁹ См.: Коэн-Элия М., Порат И. *Указ. соч.* С. 78.

¹⁰ Kenneth, F. *Ledford Formalizing the Rule of Law in Prussia: The Supreme Administrative Law Court, 1876–1914* // *Central European History*. 2004. Vol. 37. No. 2. P. 212.

¹¹ Коэн-Элия М., Порат И. *Указ. соч.* С. 65.

¹² PrOVG 9, 353. См.: Коэн-Элия М., Порат И. *Указ. соч.* С. 65–66.

министрации могут быть направлены только на предотвращение угрозы общественному порядку, но не должны навязывать обществу эстетические предпочтения. По мнению К.Ф. Ледфорда, решение по делу Кройцберга явилось «столпом законности», утвердив принцип подчинения администрации закону¹³. Фактически в данном деле Высший административный суд сформулировал первый элемент классического теста на пропорциональность¹⁴: действия властей, ограничивающие права человека, должны преследовать цель, прямо предусмотренную законом.

В другом деле, рассмотренном в 1886 г.¹⁵, Высший административный суд Пруссии защитил права собственника дома, который построил забор на своем земельном участке. Забор был не виден ночью, что создавало потенциальный риск для прохожих, в связи с чем полиция предписала его снести. Суд отменил данное постановление полиции, пояснив, что защита от несчастных случаев действительно является задачей полиции, однако избранные меры должны быть достаточными для выполнения этой задачи и не являться чрезмерными. Суд отметил, что цель защиты от несчастных случаев может быть достигнута менее радикальными мерами, а именно требованием к владельцу обеспечить надлежащее освещение забора. В данном случае суд акцентировал внимание на том, что меры, преследующие легитимную цель, не должны быть чрезмерными.

Аналогичную позицию Высший административный суд занял и в другом деле, рассмотренном в том же году. Владелец продуктового магазина несколько раз нарушал лицензию на продажу алкогольных напитков. В качестве

ответной меры полиция издала предписание о закрытии магазина. Суд отменил приказ полиции, пояснив, что полное закрытие является несоразмерным наказанием, достаточно было изъять у магазина лицензию на продажу алкогольной продукции¹⁶.

Высший административный суд также признал незаконным запрет митинга социал-демократической партии лишь из-за предположения о том, что политическое противостояние между его участниками и сельским населением, в сочетании с употреблением алкоголя, может привести к беспорядкам. Суд подчеркнул, что полиция следовало представить конкретные факты, которые бы указывали, что проведение данного мероприятия может создать угрозу общественной безопасности¹⁷. Таким образом, в данном деле суд не усмотрел наличие реальной угрозы общественной безопасности, которая бы оправдывала предпринятые полицией меры.

Идея соразмерности используемых средств прослеживается и в инструкциях, регламентирующих деятельность полиции. Уже в ранних инструкциях 1830-х гг. полицейским предписывалось избегать использования физической силы везде, где может быть достаточно простого убеждения¹⁸. В инструкции 1898 г. указывалось, что оружие должно использоваться только тогда, когда другие принудительные средства не принесли результата¹⁹. Л. Бартельс так описывал допустимость использования полицейскими оружия: «Полицейский всегда должен помнить, что если при выполнении своих служебных обязанностей он использует оружие без законных оснований, тем самым причиняя тяжкие телесные повреждения, то он может быть подвергнут суровому наказанию». И вместе с тем «из-за осторожности полицейский не должен воздерживаться от использования оружия, когда оно реально необходимо»²⁰. В целом предполагалось, что, во-первых, по-

¹³ Ledford, K.F. Formalizing the Rule of Law in Prussia: The Supreme Administrative Law Court, 1876–1914 // Central European History. 2004. Vol. 37. No. 2. P. 218.

¹⁴ Классический тест на пропорциональность, используемый с теми или иными модификациями в судебной практике большинства стран, предполагает последовательное решение следующих вопросов: (1) преследовало ли ограничение прав человека легитимную цель, (2) способна ли принятая мера обеспечить ее достижение, (3) является ли она необходимой для этого (т.е. отсутствуют другие, менее обременительные меры) и (4) соблюдается ли справедливый баланс между тяжестью установленных ограничений и получаемой за счет этого пользой (так называемая процедура «взвешивания»). См. подробнее: Barak, A. Proportionality. Constitutional Rights and their Limitations / Translated from the Hebrew by D. Kalir. Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2012. P. 245–370.

¹⁵ PrOVG 426, 427. См.: Stone Sweet, A., Mathews, J. Op. cit. P. 101.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ См.: Ledford, K.F. Op. cit. P. 219.

¹⁸ Lüdtke, A. Polizeiverständnis preußischer Polizeihandbücher im 19. Jahrhundert // Wissenschaft und Recht der Verwaltung seit dem Ancien Régim. Europäische Ansichten. Hg. Erk Volkmar Heyen. Frankfurt am Main, 1984. P. 320.

¹⁹ См.: Johansen, A. A Process of Civilisation? Legitimation of Violent Policing in Prussian and French Police Manuals and Instructions, 1880–1914 // European Review of History — Revue europeenne d'Histoire. Vol. 14. No. 1. 2007. P. 56.

²⁰ Bartels, L. Polizeilehrbuch. Berlin. Carl Hermann. 1913. P. 13. Цит. по: Johansen, A. Op. cit. P. 57.

лиция имеет право делать то, что необходимо для борьбы с покушениями на общественную безопасность. Во-вторых, жизнь, свобода и собственность граждан должны были быть защищены от чрезмерного вмешательства полиции²¹.

В практике административных судов Пруссии принцип соразмерности применялся в контексте формального анализа целей, преследуемых полицией и иными органами публичной администрации, и используемых для этого средств. Цели должны быть предусмотрены законом, а используемые средства — пригодны и необходимы для их достижения. Выбор средств обуславливался их эффективностью, которая должна достигаться при минимально возможном ограничении прав человека.

Таким образом, применение принципа соразмерности ограничивалось лишь первыми тремя элементами классического теста на пропорциональность — проверкой легитимности преследуемой властями цели и адекватности (пригодности и нечрезмерности) избранных для ее достижения средств. Как указывают М. Коэн-Элия и И. Порат, «риторика взвешивания интересов» не преобладала в решениях Высшего административного суда Пруссии, его «правовой анализ сосредоточивался, скорее, на эмпирических и логических связях между средствами и целями»²².

Исследователи отмечают, что в течение 1875–1918 гг. деятельность административных судов Пруссии функционально представляла собой конституционный контроль²³. Их судьи обычно обращались к принципам права, которые являлись обязательными для исполнительной власти. Как таковой механизм конституционного контроля в Германской империи отсутствовал, и судьям приходилось принимать любое содержание закона как отражение воли государства²⁴. Однако проверка административных актов на соответствие требованиям конституции была возможна именно в практике учрежденных административных судов. Административные суды Пруссии фактически рассматривали административные акты (например, запрет собрания или запрет предпринимательской деятельности) на предмет соблюде-

ния Конституции Пруссии 1850 г. Даже если административный акт был принят в соответствии с законом, он мог не соответствовать стандартам конституции. Таким образом, судебная проверка административных решений и действий служила своеобразной функциональной заменой конституционного контроля.

После Первой мировой войны административные суды реже обращались к принципу соразмерности, что было обусловлено становлением нового государственного строя — Веймарской республики. Однако после 1925 г. он возвращается в судебную практику. Как указывает М. Столеис, это было вызвано недоверием к законодательной власти и стремлением избежать «парламентского абсолютизма», экономическим кризисом, существенно затронувшим интересы развивающегося класса буржуазии, а также активным развитием неопозитивистского подхода к пониманию права²⁵.

В период Веймарской республики принцип соразмерности использовался не только для оценки ограничений, вводимых полицией и другими представителями публичной власти, но и для определения допустимости действий граждан. Согласно ст. 127 Уголовно-процессуального кодекса 1877 г. граждане имели право задерживать лиц, подозреваемых в совершении преступлений. В 1929 году апелляционные суды Гамбурга и Йены рассмотрели применение данной статьи с учетом принципа соразмерности. В первом деле водитель транспортного средства, полагая, что автомобилист в другом транспортном средстве неправильно использовал фары, вывел свой автомобиль на встречную полосу, для того чтобы пресечь это нарушение. Во втором деле охотник, встретив беглого преступника, применил оружие, для того чтобы задержать его, и при этом ранил его. В обоих случаях судами действия граждан по пресечению правонарушений были признаны единственно возможными, т.е. соразмерными в данных обстоятельствах²⁶.

Таким образом, использование и развитие принципа соразмерности продолжалось и в начале 1930-х гг. Оно прервалось с приходом к власти нацистов²⁷.

После Второй мировой войны принцип соразмерности был возрожден в практике

²¹ Schlink, В. Оп. cit. P. 294–295.

²² Коэн-Элия М., Порат И. Указ. соч. С. 78.

²³ Stolleis, M. *Judicial Review, Administrative Review, and Constitutional Review in the Weimar Republic* // *Ratio juris*. 2003. Vol. 16. Iss. 2. P. 270–271.

²⁴ *Ibid.* 269.

²⁵ *Ibid.* 273–278.

²⁶ Stone Sweet, A., Mathews, J. *Opt cit.* P. 101.

²⁷ Barak, A. *Opt. cit.* P. 179.

Федерального конституционного суда Германии и стал использоваться и для контроля за деятельностью законодательной власти.

А через решения Европейского суда по правам человека он был воспринят большинством стран Европы.

Литература

1. Коэн-Элия М. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни / М. Коэн-Элия, И. Порат // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3 (82). С. 59–81.
2. Малиновская В.М. Особенности развития науки административного права в Германии / В.М. Малиновская // Право и управление. XXI век. 2017. № 1 (42). С. 51–58.
3. Barak, A. Proportionality. Constitutional Rights and their Limitations / A. Barak ; Transl. by D. Kalir. Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2012. 638 p.
4. Bartels, L. Polizeielehrbuch / L. Bartels. Berlin : Carl Hermann, 1913. 246 p.
5. Johansen, A. A Process of Civilisation? Legitimation of Violent Policing in Prussian and French Police Manuals and Instructions, 1880–1914 / A. Johansen // European Review of History — Revue europeenne d'Histoire. 2007. Vol. 14. No. 1. P. 49–71.
6. Ledford, K.F. Formalizing the Rule of Law in Prussia: The Supreme Administrative Law Court, 1876–1914 / K.F. Ledford // Central European History. 2004. Vol. 37. No. 2. P. 203–224.
7. Lüdtkke, A. Polizeiverständnis preußischer Polizeihandbücher im 19. Jahrhundert / A. Lüdtkke // Wissenschaft und Recht der Verwaltung seit dem Ancien Régim. Europäische Ansichten. Hg. Erk Volkmar Heyen. Frankfurt am Main, 1984. P. 307–346.
8. Mayer, O. Deutsches Verwaltungsrecht. Bd. 1 / O. Mayer. Leipzig : Duncker & Humblot, 1895. 482 p.
9. Schlink, B. Proportionality in Constitutional Law: Why Everywhere But Here? / B. Schlink // Duke Journal of Comparative and International Law. 2010. Vol. 22. No. 2. P. 291–302.
10. Stolleis, M. Judicial Review, Administrative Review, and Constitutional Review in the Weimar Republic / M. Stolleis // Ratio juris. 2003. Vol. 16. Iss. 2. P. 266–280.
11. Stone Sweet, A., Mathews, J. Proportionality, Balancing and Global Constitutionalism / S.A. Stone, J. Mathews // Columbia Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 47. No. 1. P. 68–149.
12. Svarez, C.G. Vorträge über Recht und Staat / C.G. Svarez ; Hrsg. von H. Conrad, G. Kleinheyer. Cologne : Westdeutscher Verlag, 1960. 450 p.

References

1. Cohen-Eliya M. Amerikanskiy metod vzheshivaniya interesov i nemetskiy test na proporsionalnost: istoricheskie korni [American Balancing and German Proportionality: The Historical Origins] / M. Cohen-Eliya, I. Porat // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie — Comparative Constitutional Review. 2011. № 3 (82). S. 59–81.
2. Malinovskaya V.M. Osobennosti razvitiya nauki administrativnogo prava v Germanii [Features of the Administrative Law Science Development in Germany] / V.M. Malinovskaya // Pravo i upravlenie. XXI vek. — Law and Administration. The XXI Century. 2017. № 1 (42). S. 51–58.
3. Barak, A. Proportionality. Constitutional Rights and their Limitations / A. Barak ; translated by D. Kalir. Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2012. 638 s.
4. Bartels L. Polizeielehrbuch / L. Bartels. Berlin : Carl Hermann, 1913. 246 s.
5. Johansen A. A Process of Civilisation? Legitimation of Violent Policing in Prussian and French Police Manuals and Instructions, 1880–1914 / A. Johansen // European Review of History — Revue europeenne d'Histoire. 2007. Vol. 14. № 1. S. 49–71.
6. Ledford K.F. Formalizing the Rule of Law in Prussia: The Supreme Administrative Law Court, 1876–1914 / K.F. Ledford // Central European History. 2004. Vol. 37. № 2. S. 203–224.
7. Lüdtkke A. Ponyatie politzii v spravochnikakh o prusskoy politzii 19 v. [The Concept of the Police in the Prussian Police Reference Books in the 19th Century] / A. Lüdtkke // Nauka ob upravlenii i administrativnoe pravo so vremen Starogo poryadka vo Frantsii. Tochka zreniya v Evrope. Pod red. Erka Folkmara Khayena. Frankfurt-na-Mayne — The Science of Administration and the Administrative Law since the Ancien Regime. European Views. Under the editorship of Erk Volkmar Heyen. Frankfurt am Main. 1984. S. 307–346.
8. Mayer O. Germanskoe administrativnoe pravo. Tom 1 [German Administrative Law. Vol. 1] / O. Mayer. Leipzig : Izd. "Dunker und Humblot" — Duncker & Humblot Publishing House, 1895. 482 s.
9. Schlink B. Proportionality in Constitutional Law: Why Everywhere But Here? / B. Schlink // Duke Journal of Comparative and International Law. 2010. Vol. 22. № 2. S. 291–302.
10. Stolleis M. Judicial Review, Administrative Review, and Constitutional Review in the Weimar Republic / M. Stolleis // Ratio juris. 2003. Vol. 16. Iss. 2. S. 266–280.
11. Stone Sweet A., Mathews J. Proportionality, Balancing and Global Constitutionalism / S.A. Stone, J. Mathews // Columbia Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 47. № 1. S. 68–149.
12. Svarez C.G. Doklady' o prave i gosudarstve [Lectures on Law and State] / K.G. Svarez; pod red. H. Konrada, G. Klyainkhayera. Keln : Izd. Vestdoycher Ferlag — under the editorship of H. Conrad, G. Kleinheyer. Cologne : Westdeutscher Verlag, 1960. 450 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-6-77-80

Деятельность прокуратуры Алтайского края по надзору за органами дознания и предварительного следствия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

*Шатилов Сергей Петрович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Барнаульского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
shatilov_sp@mail.ru*

*Шатилова Оксана Анатольевна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат исторических наук, доцент
shatilova_oa@mail.ru*

В статье на основе архивных материалов дается историко-правовой анализ факторов, осложнивших работу органов дознания, следствия и, соответственно, органов прокуратуры. Подробному анализу подвергнута деятельность органов прокуратуры Алтайского края по надзору за органами дознания и предварительного следствия в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, дознание, следствие, милиция, уголовное дело.

Activity of the Prosecutor's Office of the Altai Territory on Surveillance of Bodies of Inquiry and Preliminary Investigation in the Years of the Great Patriotic War (1941 to 1945)

*Shatilov Sergey P.
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

*Shatilova Oksana A.
Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Candidate of Historical Sciences
Assistant Professor*

On the basis of archival materials it is given in the article historical and legal analysis of factors that have complicated the work of the bodies of inquiry, investigation and as a result of the prosecution authorities. Detailed consideration was given to the activities of the bodies of the Altai Region Prosecutor's Office for supervising of the bodies of inquiry and preliminary investigation during the Great Patriotic War.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision, inquiry, investigation, police, criminal case.

В годы Великой Отечественной войны прокурорский надзор за правильным и единообразным применением законов судами становится важной гарантией быстрого, полного раскрытия преступлений, объективного и всестороннего расследования, и как следствие, справедливого судебного решения¹. Граждане Советского Союза, попавшие в «горнило» вой-

ны, должны были быть уверены в объективном расследовании и справедливом решении суда. Поэтому органы прокуратуры уделяли особое внимание данному направлению деятельности.

В годы войны прокурорский надзор за законностью, обоснованностью, доказательностью предварительного расследования по своему характеру не отличался с процессуальной стороны от аналогичной работы в мирное время. В то же время война внесла свои коррек-

¹ Басков В.И. Прокурорский надзор. М., 1996. С. 161.

тивы в работу органов дознания и предварительного следствия. Во-первых, была увеличена нагрузка на следователей в процессе их деятельности. Так, в 1943 году и первом полугодии 1944 г. прокуратурой Зонального района было расследовано 220 уголовных дел, что составляет 8 дел в месяц на каждого следователя².

Все это вызывало ослабление работы органов прокуратуры по надзору за органами милиции. Так, при проверке прокуратурой г. Бийска было установлено, что надзор осуществляется крайне слабо. Дела в органах милиции расследуются с грубым нарушением ст. 116 УПК РСФСР. Находящиеся в производстве работников РО НКВД уголовные дела прокурором проверялись не регулярно, в 1942 г. они были проверены всего 4 раза, в 1943 г. — 2 раза. В результате поверхностного надзора сроки расследования нарушались: в 1942 г. из 537 дел было расследовано в сроки свыше 2 месяцев 23 дела, прекращено 12,8%, возвращено на доследование судом и прокурором 51 дело. В 1943 году из 421 дела было расследовано в сроки свыше 2 месяцев 47 дел, прекращено 12,6%.

Дело гр. Пескова по ст. 162 «г» УК РСФСР лежало во 2-м отделении ГОМ без движения 81 день, в то время пока гр. Песков находился под стражей³.

Во-вторых, были сокращены сроки предварительного расследования, которые, в отличие от мирного времени (составляли недели и месяцы), стали исчисляться днями. Так, в действовавшем УПК РСФСР и других союзных республик были установлены определенные сроки рассмотрения уголовных дел. Так, по статье 116 УПК РСФСР максимально был установлен двухмесячный срок расследования по уголовным делам. По статье 105 УПК РСФСР был максимально предусмотрен месячный срок расследования по уголовным делам. В годы Великой Отечественной войны приказом Прокурора СССР от 28 января 1942 г. эти сроки были сокращены по производству предварительного расследования уголовных дел. Для некоторых категорий дел устанавливался 15-дневный срок вместо двух месяцев (ст. 119 УПК РСФСР 1922 г.), и такая тенденция сохранялась на протяжении всего военного времени.

В-третьих, в рассматриваемый период органы дознания и следствия столкнулись с новыми составами преступлений, не имевшими ранее следственной и судебной практики, кроме того, произошел рост уровня преступности. Дан-

ные обстоятельства требовали дополнительного изучения причин и состояния преступности. В связи с чем помощник Прокурора СССР в своем письме от 31 августа 1942 г. № 14⁴ указывал на то, что в довоенное время изучение состояния преступности прокуратурами проводилось эпизодически и, как правило, по отдельным видам преступлений (убийства, грабежи, разбои и т.д.). В то время как в военный период целесообразно изучать общее состояние преступности, так как невозможно грамотно организовать борьбу с преступлениями, получившими наиболее широкое распространение и представляющими наибольшую опасность.

В своем письме помощник прокурора от имени прокурора СССР рекомендовал при организации наиболее правильного и всестороннего изучения состояния преступности руководствоваться следующим⁵.

Во-первых, при изучении состояния преступности использовать следующие материалы: статистические данные, представляемые органами милиции по зарегистрированным и раскрытым преступлениям; статистические данные прокуратуры (число лиц, преданных суду по делам, расследованным следователями и органами милиции); статистические данные Народного комиссариата юстиции.

Во-вторых, изучение всех этих статистических материалов должно проводиться за определенный период времени, при обязательном сравнении с аналогичными периодами прошедших лет или года.

В-третьих, разрабатывая статистические данные о состоянии преступности, необходимо определять удельный вес отдельных видов преступлений, что позволило бы установить наиболее распространенные преступления применительно к определенному времени и местности.

В-четвертых, к наиболее опасным преступлениям необходимо относить контрреволюционные преступления, преступления против порядка управления, дезертирство, грабежи, убийства и т.п.

Главной задачей изучения состояния преступности должно являться выявление причин правонарушений, а также определение конкретных мероприятий по усилению борьбы с ними.

В-пятых, результаты изучения состояния преступности, а также планируемые мероприя-

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8131 сч. Оп. 19. Д. 15. Л. 66.

⁵ Широкова А.Б. Организационно-правовые основы деятельности советской прокуратуры в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 109.

² Архив прокуратуры Алтайского края. Ф. Р-1474. Оп. 2. Д. 7. Л. 178.

³ Там же. Ф. Р-1474. Оп. 2. Д. 6. Л. 162.

тия по борьбе с отдельными видами преступлений целесообразно обсуждать на совещаниях и об их решениях своевременно информировать периферийные органы⁶.

Так, прокуратурой Зонального района за 1943 г. и 1-е полугодие 1944 г. было проведено 11 камерных совещаний с участием прокурорско-следственных работников, на которых обсуждались вопросы, связанные с результатами изучения преступности в районе по отдельным категориям дел, борьбой со спекуляцией, бандитизмом и др.⁷.

Прокуратура Алтайского края ежеквартально обобщала практику привлечения к уголовной ответственности по ст. 59-6 УК РСФСР за уклонение от трудовой повинности по уборке урожая сельскохозяйственных культур, результаты также докладывались на оперативном совещании⁸.

В годы Великой Отечественной войны следственная работа осуществлялась в соответствии не только с УПК РСФСР, но и с приказом прокурора СССР от 21 апреля 1943 г. № 20/с «О мероприятиях по ликвидации волокиты в расследовании и судебном рассмотрении арестантских дел»⁹.

В следственной работе запрещалось передавать материалы без предварительной проверки, а также жалобы, в которых не усматривался состав преступления. Передачу материалов для расследования необходимо было производить с возбуждением уголовного дела или на основании развернутого письменного указания. Органам прокуратуры было необходимо производить ежемесячную проверку уголовных дел, находящихся в производстве следователя, с оформлением актов, в которых указывались недостатки следствия и предложения о производстве дальнейшего расследования¹⁰.

Сотрудники прокуратуры принимали участие в расследованиях дел, проводимых милицией, имевших важное военно-политическое значение, путем допросов обвиняемых, основных свидетелей, при очных ставках, при предъявлении ст. 206 УПК РСФСР и т.д.¹¹.

В годы войны правильная организация борьбы с бандитизмом, кражами, разбоями и преступлениями несовершеннолетних, а также их расследование приобрели особую значимость. В связи с чем отделом по надзору за

милицией был проведен обзор уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 59-3, п. «д» ст. 162, ст. 167 УК РСФСР, Законом от 7 августа 1932 г., и преступлениям несовершеннолетних. В процессе его составления были выявлены следующие недостатки:

1. Во время следствия по данным категориям уголовных дел народными следователями не в полной мере устанавливались социальное происхождение обвиняемых и род их занятий; расследование проводилось с нарушением ст. 116 УПК РСФСР; осуществлялось не в полном объеме, что влекло за собой возвращение дела на доследование. Так, при проверке Парфеновского района было установлено, что руководство следствием находится на ненадлежащем уровне, т.к. 14,7% дел возвращено судом на доследование¹².

2. По делам о хищении социалистической собственности, квалифицированным по п. «д» ст. 162 УК РСФСР и Закону от 7 августа 1932 г., часть преступников оставалась на свободе; не точно устанавливалось количество похищенного; не накладывался арест на имущество обвиняемых.

3. По делам о разбое и бандитизме, в соответствии со ст. 167 и 59-3 УК РСФСР, протоколы осмотра места происшествия составлялись небрежно и не отражали полной картины совершенного преступления. Имели место случаи, когда протоколы не составлялись, протоколы осмотра составлялись при одном понятии¹³, отсутствовали протоколы вещественных доказательств и постановления приобщения их к делу по ст. 57 УПК РСФСР.

4. Расследование дел о преступлениях несовершеннолетних на 93% проводилось милицией. Допросы несовершеннолетних проводились без присутствия родителей или педагогов; возраст несовершеннолетних определялся с их слов; расследование заканчивалось в срок свыше 10 дней; по большинству дел не выявлялись подстрекатели — взрослые; не выявлялись бытовые условия несовершеннолетних, не истребовались характеристики из школ об их поведении и успехах в учебе. По делам всех перечисленных категорий планы расследования не составлялись.

Из всего этого делался вывод, что такие недочеты расследования создают излишнюю волокиту, особенно недопустимую в условиях Великой Отечественной войны, все это снижает эффективность борьбы с такими особо соци-

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8131 сч. Оп. 19. Д. 15. Л. 66–67.

⁷ Архив прокуратуры Алтайского края. Ф. Р-1474. Оп. 2. Д. 7. Л. 366б.–37.

⁸ Там же. Ф. Р-1474. Оп. 2. Д. 5. Л. 40.

⁹ Там же. Ф. Р-1474. Оп. 2. Д. 6. Л. 1410б.

¹⁰ Там же. Ф. Р-1474. Оп. 2. Д. 5. Л. 60.

¹¹ Там же. Ф. Р-1474. Оп. 2. Д. 5. Л. 61.

¹² Там же. Ф. Р-1474. Оп. 2. Д. 5. Л. 990б.

¹³ Там же. Ф. Р-1474. Оп. 2. Д. 5. Л. 129.

ально опасными преступлениями, как расхищение социалистической собственности, бандитизм и разбой.

На основании данного обзора прокурор Алтайского края потребовал от своих подчиненных взять дела перечисленных категорий на особый учет с обязательным участием в их расследовании путем допроса обвиняемых, основных свидетелей, проведения очных ставок и т.д.¹⁴

При просмотре дел в процессе расследования сотрудники прокуратуры должны были давать по ним исчерпывающие указания в письменной форме, исключая возможность возвращения дела для доследования. По делам о хищениях социалистической собственности лиц, избранных в них, обязательно заключать под стражу. Во всех случаях хищения социалистической собственности, бандитизма, разбоя и спекуляции накладывать арест на имущество обвиняемых. По делам о бандитизме и разбое обязательно составлять подробные протоколы осмотра места происшествия и протоколы осмотра вещественных доказательств, последние приобщать к делу особым постановлением¹⁵.

Рекомендовать работникам милиции, ведущим расследование, составлять планы следственных действий по каждому делу. Расследование производить в кратчайшие сроки, не допуская нарушения сроков, установленных законом.

5 апреля 1944 года Прокурор СССР издал специальное распоряжение № 13 «Об усилении борьбы с разбазариванием хлебопродуктов в системе "Заготзерно"», 18 мая 1944 г. — распоряжение № 3/122 «Об усилении борьбы с разбазариванием хлебопродуктов»¹⁶.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1474. Оп. 2. Д. 5. Л. 130.

¹⁵ Там же. Ф. Р-1474. Оп. 2. Д. 5. Л. 131.

¹⁶ Шатилов С.П. Деятельность милиции Западной Сибири в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (историко-правовой аспект). Барнаул, 2004. С. 93.

Литература

1. Басков В.И. Прокурорский надзор / В.И. Басков. М.: Бек, 1996. 558 с.
2. Шатилов С.П. Деятельность милиции Западной Сибири в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (историко-правовой аспект) / С.П. Шатилов. Барнаул, 2004. 147 с.
3. Широкова А.Б. Организационно-правовые основы деятельности советской прокуратуры в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук / А.Б. Широкова. М., 2010. 190 с.

References

1. Baskov V.I. Prokurorskiy nadzor [Prosecutor's Supervision] / V.I. Baskov. Moskva : Bek — Moscow : Beck, 1996. 558 s.
2. Shatilov S.P. Deyatel'nost' militsii Zapadnoy Sibiri v period Velikoy Otechestvennoy voyny' 1941–1945 gg. (istoriko-pravovoy aspekt) [The Activities of the Militia of Western Siberia during the Great Patriotic War of 1941 to 1945 (Historical and Legal Aspect)] / S.P. Shatilov. Barnaul — Barnaul, 2004. 147 s.
3. Shirokova A.B. Organizatsionno-pravovye osnovy' deyatel'nosti sovetskoy prokuratury' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny' 1941–1945 gg. (istoriko-pravovoe issledovanie) : dis. ... kand. yurid. nauk [Organizational and Legal Activity Bases of the Soviet Prosecutor's Office during the Great Patriotic War of 1941 to 1945 (Historical Legal Research)]: thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / A.B. Shirokova. Moskva — Moscow, 2010. 190 s.

Во исполнение данных распоряжений сотрудники органов прокуратуры на местах оперативно реагировали на поступающие к ним сообщения органов Наркомзага о фактах разбазаривания хлебных продуктов. В том случае, если органы Наркомзага представляли бездоказательный или малодоказательный материал о фактах разбазаривания хлеба, им отказывали в возбуждении уголовного дела или прекращали его производство.

Как правило, в качестве основания для прекращения уголовного преследования указывались мотивы нецелесообразности привлечения к ответственности виновных в разбазаривании хлебопродуктов по причине отсутствия в их действиях корыстной заинтересованности, наличия указаний со стороны руководящих работников, не имеющих права распоряжаться хлебными фондами, и т.д.

В то же время органы Наркомзага зачастую несвоевременно передавали в прокуратуру материалы о фактах разбазаривания хлебопродуктов, неудовлетворительно оформляя эти материалы, чем вызывали излишнюю задержку в их разрешении. В этом случае сотрудники прокуратуры принимали меры к наказанию виновных в этом лиц¹⁷.

Подводя итог исследованию деятельности органов прокуратуры Алтайского края по надзору за органами дознания и следствия, необходимо отметить, что данный вид надзора в исследуемый период имел очень важное значение, так как от эффективности работы органов дознания и следствия зависело соблюдение прав и свобод граждан. При этом существенная нагрузка на сотрудников органов дознания и следствия не способствовала законности, обоснованности, доказательности предварительного расследования по уголовным делам, и органам прокуратуры пришлось выявлять данные факты и выносить законные протесты.

¹⁷ Государственный архив Алтайского края. Ф. 1474. Оп. 86. Д. 677. Л. 65.